4
Д-44
25/V
шяз

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1979

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

76927

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Диалектная лексика

1979

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Сборник представляет собой продолжение серии публикаций по русской диалектной лексикологии, предпринятых Словарным сектором Института русского языка АН СССР. Все статьи касаются проблемы взаимоотношения диалектной речи и литературного языка. В них затрагиваются вопросы взаимоотношения диалектной лексики и лексики литературного языка (В. В. Колесов, Ф. П. Сороколетов, И. С. Козырев), исследуются явления лексикализации в русских народных говорах (О. Д. Кузнецова), лексико-грамматические характеристики определенных классов диалектного словарного состава (И. А. Попов, Г. И. Демидова), устанавливаются границы расхождений между диалектным и литературным варьированием (О. Г. Порохова). Ряд статей посвящен изучению диалектных явлений, связанных с проблемами словообразования (Н. И. Андреева-Васина, Н. В. Попова). В сборнике представлены статьи-очерки по истории отдельных слов или групп лексики.

Все затрагиваемые проблемы объединены общим отношением к диалектной лексике как к материалу и источнику исследования. Статьи сборника, различные в частных вопросах и постановке конкретных тем, содержат проблематику изучения говоров как относительно особой, своеобразной лексической системы.

Ответственные редакторы:
Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН.

Рецензенты:
В. И. МАКСИМОВ, В. П. ПЕТУШКОВ

4
Д-44

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Д 76927

Д $\frac{4602010000-574}{042(02)-82}$ 439-82, кн. 1.

© Издательство «Наука», 1982 г.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Слово в современных говорах русского языка (Лексикализация фонетических явлений)

Общеизвестно, что современные диалектные системы представляют собой сложное явление: регулярные фонетические особенности сосуществуют в них с особенностями нерегулярными. Те и другие находятся в тесном взаимодействии. Столкновение одной особенности с другой приводит к различным осложнениям фонетических закономерностей: действие регулярных особенностей нередко ограничивается действием нерегулярных. Именно поэтому реализация фонетических закономерностей происходит не во всех без исключения случаях в соответствии с установившимися правилами; чаще всего она осложняется отклонениями от этих правил. Не утрачивает своего значения важная мысль Бодуэна де Куртенэ о том, что существование языка представляет собой процесс, допускающий бесконечно большое количество разнообразных возможностей. Осуществление их зависит от совокупности условий внутреннего и внешнего порядка, наличествующих в языке.[1] Современное состояние говоров, характеризующееся интенсивным влиянием на них литературного языка, приводит к тому, что фонетические закономерности утрачивают регулярность.

В результате всего этого диалектные особенности реализуются не прямолинейно, не однонаправленно, а с отступлениями, исключениями. С. С. Высотский, говоря о типах предударного вокализма современных южнорусских говоров, характеризует их как явления сложные, с отклонениями от регулярных позиционных чередований. Отклонения группируются по лексическим и морфологическим категориям.[2] Изучая архаические типы диссимилятивного яканья, К. Ф. Захарова отмечает исключения в говорах с последовательно проведенным архаическим типом яканья.[3] Имея все

[1] Бодуэн дэ Куртенэ И. А. Введение в языковедение. — Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963, т. II, с. 285.

[2] Высотский С. С. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров. — В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 12.

[3] Захарова К. Ф. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей. — Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1952, т. I, с. 6—55.

это в виду, Р. И. Аванесов пишет об изучении фонетических явлений «в их реальном бытовании», т. е. «в необходимых случаях даже исчерпывая весь лексико-морфологический состав». По его мнению, только в этом случае можно решить, что относится к фонологической системе, а что лексикализовано или морфологизовано.[4]

В диалектных системах иногда действуют тенденции разнонаправленные, в некоторых случаях имеющие как будто прямо противоположный характер. Так, в говорах Грязовецкого у. Вологодской губ. в начале XX в., по описанию В. Мансикки, было известно несколько явлений, реализующихся в начале слова: с одной стороны, прикрытие гласных протетическим *в* (*воўтарь*, *варган* 'орган'), с другой — отпадение начального *г* и последующее появление на его месте *в* или j (*восподин*, *восударь*, *енераў*, *Ерманья*, *Енадей*).[5]

«Каждый отдельный диалектный факт, — пишет Р. И. Аванесов, — представляет собой, так сказать, линию пересечения ряда разнокачественных явлений — фонетических, грамматических, лексических».[6] На это обращал внимание еще А. А. Шахматов, заметивший, что «по форме слов, образованных при посредстве суффиксов, так же трудно судить о фонетических законах, как по падежным формам имен: на звуковую сторону тех и других влияют постоянно слова родственные или тождественные по образованию».[7] Именно поэтому свойства языка не могут изучаться изолированно, в отрыве друг от друга.

Развитие русского языкознания в последние годы характеризуется тем, что жесткость языковой системы, прямолинейность реализации закономерностей языка все больше подвергаются сомнению под давлением тех языковых фактов, которые трудно подвести под определенные закономерности и которые обозначаются как «случайное», «произвольное».

Составители сводного Словаря русских народных говоров постоянно встречаются в своей работе с фактами изменения материального облика слов, не поддающимися объяснению, если исходить из закономерностей говоров. Этимологи все чаще приходят к выводу о невозможности при изучении этимологии слов опираться только на фонетические закономерности. Определенная часть лексики с их помощью не может быть интерпретирована.[8]

---

[4] А в а н е с о в Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 4.

[5] М а н с и к к а В. Говор Грязовецкого уезда Вологодской губ. — Тр. МДК, Варшава, 1911, вып. III, с. 76.

[6] Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1962, с. 21.

[7] Ш а х м а т о в А. А. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, с. 78.

[8] См. об этом: П о п о в А. И. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования. — Этимология. 1967. М., 1969, с. 128; Л ь в о в А. С. Об учете вспомогательных приемов при этимологизировании. — Там же, с. 180—191; М а к о в с к и й М. М. Текстология и лексико-семантические исследования. — ВЯ, 1978, № 3, с. 93.

Таким образом, в науке накапливается все больше и больше фактов, не укладывающихся в рамки известных фонетических закономерностей, фактов, свидетельствующих об отклонениях от таких закономерностей. Эти отклонения, исключения, остатки бывших в прошлом регулярных явлений обычно реализуются в отдельных конкретных словах и потому называются лексикализованными. Их интенсивное изучение началось в связи с работой над сводным Словарем русских народных говоров. Как известно, автор Проекта этого словаря Ф. П. Филин включил в число диалектных слов, подлежащих рассмотрению в словаре, слова, тождественные с соответствующими литературными по значению, но отражающие в своем фонетическом облике результаты лексикализованных фонетических явлений.[9]

•

В самом начале изучения лексикализованных особенностей считалось, что ими являются особенности, представляющие собой остатки старых регулярных процессов. Фонетическая особенность, утрачивая регулярность проявления, начинает реализоваться только в отдельных конкретных словах, характеризует фонетический облик отдельных слов.[10]

Однако дальнейшее изучение лексикализованных явлений показало, что причины их происхождения различны. На это в свое время было указано Ф. П. Филиным, который в статье, посвященной лексикализованным особенностям, писал о том, что дальнейшее изучение таких особенностей даст много нового, «до настоящего времени неизвестного и, может быть, даже неожиданного».[11] Действительно, при исследовании различных лексикализованных особенностей выяснилось, что, кроме отмирающих явлений, лексикализованными могут быть отклонения от известных закономерностей и др.

Некоторые лексикализованные случаи вызваны известными фонетическими процессами, протекавшими в говорах. Так, вследствие процесса диссимиляции по месту образования появились севернорусские *кбнпас*, *конбала* ‘камбала’, *бóнба*, *ланпада*, *ланпа*, *нимо* ‘мимо’ (Пинеж. Арх.), в которых *н* на месте *м*.

Ряд лексикализованных особенностей представляет собой «обратные» переходы или мены — явления, возникшие на почве других, при обязательном наличии других «прямых» явлений. Например, случаи отпадения *j* перед начальным *а* получили распространение преимущественно в смоленских и брянских говорах, т. е. там, где отмечается *j* протетический: *антáрь* из

---

[9] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961.

[10] Филин Ф. П. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах. — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966, с. 27.

[11] Там же, с. 32.

янтарь ‘янтарные бусы’ (Смол., 1974), *антáрный*, *антаревый* ‘янтарный’ (Смол., 1974; Брян., 1976).[12]

Отдельные лексикализованные факты появились вследствие вставки согласных или появления гласных на месте старых ъ и ь или являются следами каких-то древних языковых особенностей. Иногда приходится говорить о судьбах конкретных слов, таких как *доржáть*, *порóзный*, *рогóза*, *черéмха* и др., которые отражают или более древнее состояние языка или имеют особую, иную судьбу по сравнению с соответствующими словами литературного языка.

Однако и этим не исчерпывается генетическое многообразие лексикализованных фонетических явлений. Исследование отпадения начальных гласных и выпадения гласных в основах слов показало, что лексикализованные случаи могут возникнуть на почве живого действующего явления современных говоров.

На фоне действующего явления отпадения начальных гласных, не отличающегося регулярностью, в отдельных словах закрепляются результаты процесса (Смол., Брян., Курск. *гарóт* ‘огород’, *гурéц* ‘огурец’, Жиздр. Калуж. *лáдья* ‘оладья’). Перечисленные слова получают новый фонетический облик вследствие отпадения начальных гласных и действия разнообразных факторов, проявляющихся на разных уровнях языка. Это наблюдение расширяет и углубляет наши представления о причинах и сущности лексикализации фонетических явлений и поэтому является одним из наиболее важных в теоретическом отношении.

Не менее важно и другое наблюдение: о возникновении лексикализованных случаев на почве регулярных особенностей говоров. Имеющие, например, преимущественное распространение в юго-западных говорах слова *бля́снуть*, *бля́скнуть* из *блеснýть* (Брян., Орл., 1904; Смол., 1974; Брян., 1976), *бля́скать* ‘блестеть’ (Смол., 1974; Хопер. Дон., 1929) настоящий фонетический облик получили на почве определенной разновидности яканья. Перенос акцента на первый слог закрепил фонему *а* в этом слоге, сделал ее характерным признаком фонематического состава этих слов.

Все полученные выводы, имеющие важное значение для изучения лексикализованных фонетических особенностей, заставляют по-новому взглянуть на понятия лексикализации фонетических явлений, лексикализованных фонетических особенностей и определить их с учетом всего многообразия последних. Таким образом, новое понятие лексикализации должно быть и более точным, более адекватно отвечающим действительности. Л е к с и к а л и з а ц и я фонетического явления, следовательно, есть перевод любого фонетического явления, ограниченного определенной позицией и характеризующегося открытым рядом слов, в явле-

[12] Словарь брянских говоров под ред. В. И. Чагишевой. Л., 1976, вып. 1; Словарь смоленских говоров. Смоленск, вып. 1, 1974.

ние, ограниченное отдельными конкретными словами, реализующееся в закрытом ряду слов.

Учитывая генетическое многообразие лексикализованных явлений, наличие таких, которые появились не в результате превращения фонетического явления в явление, реализующееся в замкнутом кругу слов, следует признать, что термин «лексикализация» может применяться не только к процессу перевода фонетического явления в лексикализованное, но и к его результатам, к результатам вообще всякого явления, реализующегося в закрытом ряду слов. Лексикализация фонетического явления — это реализация его в закрытом ряду слов.

Результаты лексикализованного явления, характеризуя фонетический облик конкретных слов, являются неотъемлемой принадлежностью, индивидуальным признаком этих слов. Фонетическое явление в этом случае имеет лексический характер, так как проявляется на лексическом уровне.

Лексикализованное фонетическое явление — это такое лексико-фонетическое явление, реализация которого характеризуется закрытым рядом слов, в которых результаты настоящего явления служат приметой, отличительной особенностью их фонетического облика.

Соответственно и лексикализованное фонетическое отличие определяется как лексико-фонетическое отличие, характеризующееся закрытым рядом слов, проявляющееся в этих словах как примета, как принадлежность их фонетического облика.

Лексикализованные явления относятся к явлениям пограничным, межуровневым, проявляющимся на фонетическом и лексическом уровнях. Специфика таких явлений заключается в следующем: являясь фонетическими по своей природе, отражаясь в фонетической стороне слов, в то же время они служат индивидуальной приметой их фонетического облика, проявляясь, таким образом, на лексическом уровне.

Многообразие фонетических процессов, действовавших на протяжении истории русского языка, причудливость, прихотливость их реализации, наличие различных исключений обусловливают существование разнообразных лексикализованных явлений и изменение вследствие их реализации фонетического облика диалектных слов. В связи с реализацией лексикализованных явлений часто приходится говорить не столько об определенных фонетических явлениях, сколько об изменениях фонетического облика отдельных слов. Представляется весьма плодотворной мысль С. С. Высотского о ведущей роли при изучении потока живой речи структуры фонетического слова «единицы, в которой, собственно, и реализуются явления звукового строя русского языка и его говоров».[13]

[13] Высотский С. С. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров, с. 11.

В отличие от регулярных фонетических явлений, которые всегда позиционно обусловлены и потому их реализация не ведет к обязательному изменению фонетического облика слова (он поддерживается другими словоформами), лексикализованные явления всегда связаны с обязательным изменением фонетического облика конкретных слов. Их результаты как бы «застывают» в этих конкретных словах, и возвращения к старому фонетическому облику уже не происходит.

Изменения фонетического облика могут касаться начала слова, его середины, а также конца. Довольно большое количество слов изменяется вследствие реализации явлений, связанных с началом слова, — прибавление и, наоборот, отпадение начальных гласных и согласных звуков (Мещов. Калуж. *аржанбй*, *альнянбй*, *автбрник*, *иржи*, *истрýб*, *игруша* и др.; Печор. Арх. *спроводить* 'проводить', *спроводúны*, *спокидать* 'покидать', *сполюбовница* 'любовница' и др.; Курск., Брян., Смол. *гарбт* 'огород', *гурéц* 'огурец' и др.; Усть-Цилем. Арх. *стречáть* 'встречать', *здорожáть* 'вздорожать', *ставать* 'вставать', *змахнуть* 'взмахнуть'), а также середины — многочисленные и разнообразные нерегулярные явления, «обратные» мены, результаты ассимиляции, диссимиляции, метатезы и др.: южн., ср.-рус. *опеть* 'опять', *петь* 'пять', *меч* 'мяч', *мечик* 'мячик', *племенник* и др.; Грязов. Волог. *ковда*, *товды*, *оновда* и др.; Пинеж. Арх. *модовбй* 'домовой', *равзе* 'разве', *тварушка* 'ватрушка' и мн. др. В то же время не так много явлений и, следовательно, слов, охваченных этими явлениями, изменяющими конец корня (*муравéль* 'муравей', *горностáль* 'горностай', *рýбель* 'рубль' и др.).

Изменения фонетического облика слов вследствие реализации лексикализованных явлений бывают разные.

В большинстве случаев (вследствие реализации одного лексикализованного явления) фонетический облик слов изменяется незначительно (одна—две фонемы).

Диалектные лексемы, в которых реализовались лексикализованные фонетические особенности говоров, считаются самостоятельными словами в отличие от лексем, в фонетическом облике которых нашли отражение регулярные особенности говоров: ср. *горбд* 'огород', *гурéц* 'огурец', с одной стороны, и *виснá*, *яснбй*, *ясны́* — с другой. В первом случае результат лексикализованного явления (в силу его межуровневого характера) служит индивидуальной приметой фонетического облика конкретных слов, т. е. проявляется на лексическом уровне; во-втором, результаты яканья характеризуют определенную фонетическую позицию, а не слово, поскольку ряд слов, в которых получает реализацию яканье, открыт и не может быть исчислен.

Фонетические отличия лексикализованного характера могут проявляться в составе фонем слова, их количестве, порядке следования, а также в качестве отдельных фонем (*п'ёр'вый*, *в'ёр'х' вы́шня*, *висбкий*). Последние особенности, хотя они и встречаются в говорах в лексикализованном виде, не могут служить средством

для различения слов. Это утверждение основывается на известном свойстве русской фонологической системы, заключающемся в том, что для различения слов служат отличия в составе фонем слова, их количестве, порядке следования; различия же в качестве отдельных фонем для этой цели служить не могут.[14] Поэтому фонетические комплексы, отличающиеся от литературных хотя бы одной фонемой, количеством и порядком их в слове, образуют самостоятельные слова.

Следует заметить, что признание за диалектными лексемами с лексикализованными фонетическими отличиями отдельности, самостоятельности возможно при условии рассмотрения их а) в сопоставительном плане с литературным языком или б) как явления одной диалектной системы при условии отсутствия в ней соответствующей лексемы, идентичной по значению, с незначительными отличиями в фонетическом составе (*горо́д* и *огоро́д*, *угоро́д*, *игоро́д*). Сосуществование таких лексем в одной диалектной системе предполагает их рассмотрение в качестве вариантов слов.

Однако встречаются случаи, когда слово попадает в сферу действия нескольких лексикализованных процессов. В этом случае его фонетический облик изменяется более существенно, так как отражает результаты не одного, а нескольких (двух и даже трех) фонетических явлений. Фонетический облик таких слов по сравнению с соответствующими литературными словами весьма своеобразен.

Многочисленные диалектные факты показывают, как неодинаково в конкретных словах претворяются фонетические явления, насколько различен набор особенностей в каждом отдельном случае. В таких случаях правильнее говорить не о фонетических явлениях вообще, а о преобразовании, изменении фонематического состава конкретных слов.

Фонетический состав южнорусских слов (*ава́д* из *ад* — ругательство: 'бестолковый, осел'. Бельск. Смол., 1914; *ава́дник* — ругательство: 'побывавший в аду'. Смол., 1914; Клетн. Брян., 1976) изменился вследствие того, что эти слова попали в сферу действия не одного, а двух диалектных явлений: протетического *в* и прибавления *а* перед начальными согласными. Фонематический состав слов *авжо́* 'уже' (Пск., Смол., Копаневич), *авша́т* 'ушат' (Смол., 1914) отражает также результат двух процессов: «обратной» мены *у—в* и последующего прибавления *А*.

Претерпели различные и неоднократные изменения фонематического состава из-за действия нерегулярных фонетических процессов слова *ямга́* из *мга* 'мгла' (Жизд р. Калуж., Добровольский) и *ямшари́на* из *мшари́на* (Пушкиногорск. Пск., 1947). Последовательность их действия очевидна: сначала произошло прибавление гласного *а*, а затем прикрытие его йотом.

---

[14] Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика, с. 35—37.

Могут быть и более сложные отличия фонематического состава диалектных слов. Следы трех фонетических особенностей отразились в фонематическом составе слова *молодня́* 'молния' (Смол., 1974; Брян., 1976). Слово *молодня́* отличается от своего литературного коррелята своим полногласным обликом. Помимо этого, фонематический состав слова испытал действие двух фонетических процессов, протекавших в определенной последовательности (она очевидна): вначале вследствие ассимилятивного процесса сочетание *н'j* заменилось *н'н'*, позже это сочетание подверглось действию противоположного характера — «обратной» мене. В результате фонетический облик этого слова весьма своеобразен: он значительно отличается от исходного, не говоря уже о литературном корреляте.

В словаре олонецкого наречия Г. Куликовского [15] приведено слово *ёрлук* из *ярлык* 'вывеска, ярлык' (Петрозав. Олон., 1898). В другом значении 'грамота, официальный документ, удостоверяющий что-либо,' в северных былинах найдены *ёрлак* (Мезен. Арх., Григорьев) и *ёрлук* (Онеж. Арх., Гильфердинг; Мезен. Арх., Григорьев), в значении 'письмо' — *ёрлок* (Мезен. Арх., Григорьев). Самый набор явлений, реализовавшихся в этих словах, позволяет восстановить их последовательность. Поскольку переход *е* в *о* мог осуществиться только при получении *е* (из *а*), первоначально произошло изменение *а* после мягкого согласного в *е*. Последовавший затем перенос акцента обусловил и следующее изменение; переход *е* в *о* под ударением, а также последующие изменения заударного гласного, его лабиализацию.

В ряде случаев трудно сказать, вследствие каких процессов изменился внешний облик слова: почему, например, в ярославских говорах из алтаря получился *ентáрь* (Пошех. Яросл., 1849; Молож. Яросл.).

На примере только что рассмотренных слов можно видеть, что на протяжении своей истории слова не раз изменяют фонетический облик и в современном виде отражают действие не одного, а нескольких фонетических процессов. В результате этих неоднократных изменений фонематический состав слов значительно изменяется. Эти изменения придают словам самобытный диалектный характер.

Значительный отход от исходного фонетического облика особенно часто наблюдается у слов, лишенных внутренней мотивированности, и слов заимствованных. Исходный облик слова при этом трудно бывает распознать (см. *авáд*, *авшáт*, *андю́к* и др.). Если бы в литературном русском языке не было слова *армяк*, то диалектные слова *йерм'áк* 'армяк' (Арх., Пришексн. Волог., Ленингр., Новг., Костром., Яросл., Перм., Акм., Сиб., Забайк.), *йерм'ач'óк* — уменьш.-ласк. к *ермяк* (Буйск. Костром., 1927) — плохо поддавались бы интерпретации.

---

[15] Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

В то же время неоднократные изменения фонематического состава слов вследствие лексикализованных процессов — почва для утраты словом мотивированности значения.

Изменения фонетического облика слов во всех этих случаях настолько значительны (нередко новый фонетический комплекс мало напоминает исходный и с трудом узнается), что в этих случаях следует говорить об образовании новой основы, нового слова в одной диалектной системе. По утверждению К. С. Горбачевича, фонематические несовпадения вариантов слов обычно не превышают двух фонем (при условии, что одна из них гласная). Следовательно, более значительные расхождения в фонемном составе образуют разные слова: «Варьирование слова обычно осуществляется в определенных акцентологических и фонематических границах. Эти ограничения имеют объективный и необходимый характер, так как формальные различия языковых единиц, воспринимаемых как одно слово, не могут быть слишком значительными. Нарушение этих условий ведет к необратимым формальным изменениям и разрушению тождества». [16]

---

[16] Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978, с. 13—14.

В. В. КОЛЕСОВ

Литературные слова в диалектной речи (3. *Болезнь*)

Слово *болезнь* — церковнославянского происхождения: его нет в восточнославянских говорах, а также в белорусском и украинском литературных языках; на это же указывают его словообразовательная модель,[1] определенная связь с южнославянскими говорами,[2] семантика слова и его история в русском языке. В настоящее время ясно, что производное от **bol'* *болесть* с отвлеченным значением качества—состояния ‘боль’, ‘страдание’ (в физическом смысле) являлось общеславянским, а в древнерусском языке было единственным словом, обобщенно обозначавшим болезнь (см. ниже); слово *болезнь* возникло довольно поздно в южнославянской (книжной?) среде и через литературно-книжный язык проникло в XI в. в русский язык. Это отглагольное образование с фактитивным значением действия стало самым обобщенным словом для выражения значения ‘болезнь, недомогание’, и именно в столкновении с ним восточнославянское слово *болесть* довольно рано развивало новое значение ‘болезнь’, сохранив его по говорам вплоть до XX в. Этого чисто внешнего влияния со стороны слова *болѣзнь* оказалось вполне достаточно, чтобы впоследствии диалектные системы активно сопротивлялись дальнейшему внедрению самого слова *болезнь* в диалектную речь. Обобщенную характеристику словесных средств обозначения болезней, бытовавших среди русских крестьян до революции, дал Г. Попов. Основываясь на большом диалектном и этнографическом материале, он сделал весьма содержательное обобщение такого рода: «Народной симптоматологии, в строгом смысле этого слова, не существует, так как названия болезней в большинстве случаев почти всецело исчерпывают в то же время и их симптомы. Народная симптоматология может быть рассматриваема только как совокупность тех своеобразных выражений, которыми народ опре-

[1] Обнорский С. П. К истории словообразования в русском литературном языке. — Русская речь. Л., 1927, с. 80 и сл.; Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка. — Там же, с. 103.

[2] Кульбакин С. М. О речничкој страни старословенског језика. — Глас српске краљевске академије. Београд, 1930. 138, разр. II, с. 91.

деляет свои ненормальные ощущения и характеризует те или другие болезненные явления. Представляя интерес с точки зрения способности мужика анализировать свои ощущения, все эти определения отличаются большой субъективностью, объективность же их почти всегда имеет суеверный источник.

Прежде всего заслуживают внимания общие определения болезненного состояния. Очень часто самое понятие болезнь выражается словом *боль*: *женская*, *дурная боль*; *боль нашла*, *напала*, — часто говорит народ; имея же в виду выразить ощущение боли, вместо *болит* он нередко говорит *знудит* (Тверск. Псковск. губ.). Такою же гражданственностью для выражения понятия болезни пользуется слово *недуг*; *недужится*, *занедужил* говорят про заболевшего, а иногда говорят *затосковал* (Вологодск. г.). Говорят также, определяя одним словом и этиологию, и симптомы заболевания, — *испуган*, *измешан*, *изурочили*, *сглазили* (Вятск. губ.), а иногда вместо *сглазил* говорят *озепил* (Ярославск. губ.) или *азанул* (Пензенск. губ.). В глазах мужика каждое из этих выражений в состоянии представить комплекс всех симптомов известного заболевания. *Надуло* — выражение для обозначения всевозможных болезненных явлений, распространено почти повсюду и не среди только одного простого народа.

Таким же значением, объясняющим картину болезни, пользуются выражения *вступить*, *напасть* и *войти*: *так вот*, *сразу и вступило*, *напала хворь*, *вошла боль*, — объясняет мужик свое заболевание.

То, что таким образом *вступает*, может по произволу и *кидаться*, куда ему угодно. *Боль кинулась в руки*, *ноги*, *а опух кинулся в лицо*, — говорят при отеках.

Так же кидается в то или другое место простуда и может уйти внутрь или выйти наружу. *Простуда наружу повылезла*, — говорят при хронической сыпи и язве или, с некоторым сомнением и осторожностью, ставят вопрос: *не простуда ли выступает?* Подобные же выражения употребляются и по отношению к другим заболеваниям. . .

Такой же смысл, как *кинуться* и *напасть*, имеет и слово *разбить*. Будучи последовательным, мужик в таком же значении употребляет и слово *бросить*. *Боль отстала*, *лихорадка бросила*, — говорят об окончании болезни, и так же выражаются при поносе: *пронесет*, *так отстанет*.

Процесс выздоровления больного иногда определяют словом *подниматься*, *обмогаться* или *отдыхать*, а исхудание часто обозначают словом *исходить*: *стал исходить* — значит, стал сильно худеть».[3]

Таким образом, внутреннее ощущение болезненности обозначается словом *боль* — основным синонимом *болести*; внешняя причина ее видится в злой силе, способной набросить эту боль

---

[3] Попов Г. Русская народно-бытовая медицина (по материалам этнографического бюро В. Н. Тенишева). СПб., 1903, с. 177—178.

или ее снять. Существует множество частных наименований болезни, очень образных, но вместе с тем и конкретно точных, но самым общим является все-таки слово *боль*; боль воспринимается как объективная реальность — не только объект, но и субъект болезни.

Боль *находит* и *насылается*, но конкретное заболевание имеет не только свое у с л о в и е (холод, отрава, поветрие и т. д.), но и свою общую п р и ч и н у: *сглаз*, *урок*, *прирок*, *сурок*, *притки* и пр. Одно с другим связано, вот почему столь длительно сохранялись древние представления о боли, ее свойствах и причине. Эти представления еще и не давали возможности говорить обобщенно о болезни как о 'расстройстве здоровья', боль существует наряду со здоровьем, вместе и одновременно с ним. Лексическим изменениям должно было предшествовать преобразование на мировоззренческом уровне. Основные этапы этого нам и надлежит рассмотреть.

Довольно определенно распределение лексем *болесть* и *болѣзнь* проявляется в древнерусских источниках.

Сначала отметим, что почти все старославянские памятники употребляют слово *болѣзнь* в обоих значениях: 'болезнь, нездоровье' (а также 'физическая немощь' при греч. ἀσθένεια) и 'боль, страдание'.[4] Среди древнерусских текстов выделяются переводные, которые используют слово *болѣзнь*, иногда даже предпочитая его слову *болесть*: в «Мудрости Менандра», «Житии Нифонта», «Житии Василия Нового», «Синайском Патерике», Изборниках 1073 г. и 1076 г., в Кормчей, «Александрии», «Хронике Георгия Амартола», «Пандектах Никона Черногорца» и др. Здесь намеренно перечислены совместно древнерусские тексты, которые были или определенно переведены в Древней Руси, или связаны с восточноболгарской книжной традицией. Традиция для этих двух переводческих школ общая, и употребление известных лексем также со временем получает свою традицию. Свое значение имел и факт неоднократного переписывания текста в разных славянских областях. Так, «Пандекты Никона» или «Пчела», переведенные, по общему мнению исследователей, на Руси в XII в., подверглись редактированию при переписывании в Болгарии, и если сравнить обе редакции того или иного текста, окажется, что в болгарском варианте последовательно заменяются равнозначные лексемы, ср. в «Пандектах Никона»: *болѣзнь* — на *болесть*, *недугъ*, *больный* — на *недугующий*, *недугъ* — на *болѣзнь*, *пагуба* — на *недугъ*, тогда как *немощь* — всегда *немощь*. В этом смысле явно противопоставлены *немощь—болезни*, тогда как *болесть*, *недугъ*, *болѣзнь* почти синонимы, но принципы их разграничения ускользают от внимания современного исследователя.

---

[4] Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1966, I, s. 135—136. — Этот словарь не фиксирует употребления слов *болесть* и *кручина*, хотя они и сохранились в поздних списках трудов Клемента Словенского, пресвитера Козьмы, Иоанна экзарха болгарского и др.

Останавливает внимание не время перевода и не возможное место этого перевода, а жанр текста и его обращенность к возможному читателю. Перечисленные выше тексты относятся к церковным жанрам: хроники, жития, поучения. Воинские и назидательные произведения, переведенные в тот же период XII—XIII вв., предпочитают слово *болесть*, никаких других слов данной лексико-семантической группы (и *болѣзнь* в том числе) не употребляя: «Акир Премудрый», «Девгениево деяние», «Физиолог», «XII снов Шахаиши», «Сказание об Индийском царстве», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия; в «Пчеле», как уже сказано, разновременность перевода различных афоризмов привела к варьированию слов *болесть* и *болѣзнь*.

Вместе с тем имеется несколько собственно русских текстов, составленных уже в конце XI в., в которых предпочтение оказывается лексеме *болѣзнь* — и все это тексты житийные: проложное житие Владимира (в других вариантах его жития на этом месте употреблено слово *болесть*: очная болесть), житие Феодосия Печерского, «Чтение о Борисе и Глебе», житие Леонтия Ростовского. Житие — именно тот жанр, через посредство которого новое слово входит в оригинальную древнерусскую литературу.

Первоначально его значение полностью совпадало со значениями русского слова *болесть*, обозначая только ‘боль, страдание’. В болгарском переводе Изборника 1073 г. специально указывается, что плоть (тело) получает *болѣзни* параллельно тому, как душа подвластна «тугамъ и печальмъ душьныимъ».[5] Но точно так же и восточнославянский автор в «Киево-Печерском патерике» говорит: не избавленъ ли бысть язвы душевныя и болѣзни телесныя исцѣляя? (л. 90). Следовательно, болезнь воспринимается как физическая боль и страдание. Таково то общее, что объединяет два слова и что стало основой их сближения. В переводах слово *болѣзнь* обычно соотносится с русским эквивалентом *болесть*, признаваясь на первых порах словом высокого стиля — но и только.

Но уже на русской почве, в самых первых опытах включения новой лексемы в свое употребление, древнерусский книжник связывает с *болѣзнью* именно душевные и только душевные переживания, стилистически маркированный эквивалент получает дополнительное значение ‘(душевная) боль’: игумен Даниил, говоря о Богородице, поминал о «болѣзни сердца своего»; но самые ранние примеры такого употребления находим в поучениях самого Феодосия Печерского, а также в круге памятников, связанных с его творческой деятельностью, ср., например: и еще молюся всею душею моею от болѣзнна срдца, горкыя слезы к вамъ испущая (Феодос. VI, 25). В Успенском сборнике все 4 примера употребления слова *болѣзнь* в оригинальных русских текстах (всего же здесь 38 раз употреблен этот корень) связаны с указан-

[5] Бодянский И. М. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года с греческими и латинскими текстами. М., 1883, с. 58.

ными выше житийными текстами (ср. и в «Житии Феодосия»: вижь болѣзнь срдца моего. 12б2). В «Повести временных лет», которая 7 раз употребляет это слово, оно относится либо к переводным текстам (описание событий Ветхого Завета), либо к русским князьям, патронам Печерского монастыря, и к самому Феодосию Печерскому. Что слово *болѣзнь* воспринималось в XI—XII вв. как слово высокого стилистического ранга, показывает не только его употребление в отношении к святым и блаженным, но и использование его летописцами только в тех описаниях, которые связаны с «плачами» по поводу нашествия внешних врагов, ср. в «Повести временных лет» под 1068 г. прямую речь, вложенную в уста бога по поводу первого нашествия половцев: Послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжькыя; в начале XIII в. автор «Слова о погибели русской земли» в аналогичных обстоятельствах повторил это: А в ты дни болѣзнь крстьяномъ от великого Ярослава и до Владимера! В обоих случаях речь идет не о 'нездоровье', а о 'трудности, неприятности', даже 'страдании'. «Материалы» И. И. Срезневского фиксируют такое значение слова и в древнерусских списках XI в., сделанных с более ранних болгарских переводов, но также и в житийных текстах собственно русского происхождения, начиная с XIV в.; ср. в «Житии Стефана Пермского» упоминание о «болѣзни житья сего». В различных местах Ипатьевской летописи начала XV в. слова *болѣзнь* и *болесть* уже отчасти конкурируют в различных по происхождению текстах летописи, а само слово *болѣзнь* все чаще употребляется для обозначения конкретной болезни.

В XVI—XVII вв. слово *болѣзнь* как употребительное обозначение болезни окончательно вытеснило народно-разговорный вариант *болесть* в книжных (главным образом, переводных) текстах, ср. «Вести-Куранты» 1600—1644 гг., «Назиратель» и т. д. Однако до конца XV в. слово оставалось высоким славянизмом, не употреблялось в текстах бытового содержания и даже в летописях (новгородских).[6] В процессе постепенного вхождения в литературный язык восточных славян слово *болѣзнь* изменяло свой стилистический статус и постепенно обрастало собственными семантическими характеристиками, отличаясь уже и от старославянского, и от древнерусского употребления. К началу национального периода в развитии литературного языка оно сохраняло значение '(душевное) переживание', 'болезнь', тогда как все формы физического недомогания в их общем значении передавались словом *болесть* 'боль'.

До недавнего времени слово *болесть* вообще считали лексическим русизмом,[7] поскольку в старославянских текстах оно

---

[6] В Синодальном списке I Новгородской летописи под 1232 г. об архиепископе Антонии сказано: бысть лѣт 6 въ болѣзни той (л. 116 об), и больше никаких употреблений этого слова тут нет.

[7] И с т р и н В. М. Книги временныя Георгия мниха. Пг., т. II, с. 298 (того же мнения и другие авторы).

не зарегистрировано, а все примеры, приведенные И. И. Срезневским, извлечены из русских памятников, в том числе и древнейших. Однако наличие болг. *бо́лест*, серб. *бо̏лест*, словенск. *bolêst*, нижнелужиц. *bólasć*, древнечешск. *bolest* (с XIV в.) и польск. *boleść* (с XVI в.) заставило переменить точку зрения и признать это слово общеславянским.[8]

Как можно судить по древнерусским переводам, это слово сохраняло свое старое значение ‘боль’, ‘страдание’, ср.: Друзии же, не тръпяще мукъ, нудими быша болѣстию солгати (Флавий, 216); Антипатр, по возвращении на родину встретивший всеобщее осуждение и порицание: тѣмь нача по малу разумѣти домашнюю болѣсть (Флавий, 235); И вложи [Фероръ] въ уста своя [отравленную еду], и абие прия страсть и болесть (Флавий, 229); И тии всегда видими. . . в тмѣ страстий же и прегрешений възвращающе и борющеся. . . и нудяще нас здѣ тмами злыхъ и болестьми недуги остращеннаа наши тѣлеса (Василий, 611); Имѣяй немощь или страсть, сему бо подобаетъ приложити мало [милостыни] (Панд., 296 об), — в болгарском варианте на месте *немощь* стоит *болесть*. Ориентированность лексемы *болесть* на обозначение физического страдания впоследствии и привела к постепенному внедрению однокоренного с ним слова *болѣзнь*, и в общем контексте церковнославянских семантических распределений, требовавших лексического противопоставления явлений земных небесным явлениям, столкновение двух родственных лексем привело к контрасту *болесть* ‘(физическое) страдание’ — *болѣзнь* ‘(душевное) страдание’. В таком дополнительном распределении основного значения обе лексемы представлены в книжном языке вплоть до национального периода; диалектные материалы до XVIII в. нам неизвестны, а то, что попадало в записи раньше этого времени, указывает на категорическое наличие в говорах слова *болесть* и отсутствие слова *болѣзнь*.

В самом литературно-книжном языке продолжалось развитие некоторых значений заимствованного слова: ‘болезнь’ — с одной стороны, и ‘горе, скорбь’ и затем ‘беспокойство, забота’ — с другой, тогда как слово *болесть*, кроме исконного значения ‘боль’, развивало параллельное значение ‘болезнь’.[9] Таким образом, новое слово развивало круг значений, связанных с морально-нравственными, душевными переживаниями, которые культивировали литературно-книжные тексты.

В национальный период развития литературного и народно-разговорного языка начинается проникновение слова *болѣзнь* и в коренные русские говоры. Легко проследить основные этапы такого изменения.

---

[8] Дурново Н. Н. Рец. на указ. соч. В. М. Истрина — Slavia, IX, ses. 4. Praha, 1931, с. 458.

[9] Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975, I, с. 280—281.

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

В записях диалектной речи середины XIX в. находим следующие толкования: *бóлесь* ‘повальная болезнь, эпидемия’;[10] *бóлесть* ‘боль’, ‘болезнь’;[11] *болесть* 1) ‘болезнь’, 2) в переносном смысле вообще все нехорошее, вредное, неблагоприятное: Какой болести ты наелась? Ишшо какой болести тебе надо? Каку болесть ты тутока делаш? Пошел замешать корму курицам-то, а посля болесть — падучая болезнь;[12] *болѣсть* 1) ‘болезнь, сожаление, соболезнование’ и 2) ‘помеха в производстве чего-либо’.[13] В конце прошлого века отмечены и следующие значения слова *бóлесть*: заменяет выражения «как бы не так»: . . .ты попроси денег-то у Микиты. — Бóлесь дас(т)! Слышь какая болесь с ним приключилась.[14] *Бóлесь* — выражение удивления: Болесть, чего и придумает!; Недоброе пожелание: Болести тебе, болесть бы тебя взяла! Употребляется и в смысле ‘болезнь’.[15]

Несколько позже, после революции, но еще в довоенные годы отмечены значения ‘болячка’ (и ‘болезнь’) [16] и ‘напасть’, ср.: *бóлесь* ‘болезнь’, ‘напасть’ (ругательное слово); *На кою болесь*! ‘на кой черт!’; *Иди г болестям!* ‘иди к черту!’ [17]

В начале XX в. большинство наблюдателей для слова *болесть* фиксировало всего лишь одно, самое общее значение ‘болезнь’ (примеры многочисленны), однако в этих записях любопытно следующее: ударение постепенно перемещалось на суффикс (*болéсть* в записях 1903 г. по Устюжскому уезду и в записи 1905 г. по Болховскому уезду Орловской губ.), и наряду с тем вместо *болесть* все чаще начинают писать *болѣсть*. Оба фонетических признака указывают на то, что на рубеже XIX и XX вв. началось совмещение двух первоначально самостоятельных слов: диалектного *бóлесть* и книжного *болѣзнь*.[18] Изменялась и акцентная характеристика парадигмы, поскольку *болесть* входила в подвижный акцентный класс (ср. в записях закономерное уда-

---

[10] Протопопов А. Слова простонародные, употребляемые . . . в Вологодской губернии. 1847 г. — Архив АН СССР, ф. 104, оп. 1, № 81.

[11] Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда. — Этнографический сборник Русского географического общества. СПб., 1862, т. V; Бодров Н. Наречие и областной словарь Переяславского уезда. — Архив АН СССР, ф. 216, оп. 4, № 17.

[12] Луканин А. Сборник простонародных слов, употребляемых в . . . Пермской губ. 1856 г. (Рукопись Ин-та русского языка в Ленинграде, № 66).

[13] Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858 г. (соответственно: псковские и казанские говоры).

[14] Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия. 1902. (Рукопись Ин-та русского языка, № 35).

[15] Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

[16] Молчанова Е. П. Материалы для словаря старожильческого говора с. Павловского Барнаульского округа Западно-Сибирского края. (Рукопись, 1929—1935 гг. Ин-та русского языка, № 91).

[17] Романов М. Словарь своеобразных слов в народном говоре . . . Северодвинской губ. 1928. (Рукопись, там же, № 126).

[18] Ср. и более ранние записи: *болѣсть* в записях А. К. Шешенина по Кемскому уезду Архангельской губ. 1887 г. (Архив РГО, 1.1.107).

рение *бóлесть—болестéй*, *болестя́м* и др.), а *болѣ́знь*, как это и следует для книжных слов заимствованного происхождения, всегда употреблялось с неподвижным ударением на суффиксе. Совмещение двух слов по морфонологическим признакам шло в сторону книжного варианта, поэтому с конца XIX в. получаем новые формы типа *болѣ́сть*, *болѣ́сти — болѣ́стей*, *болѣ́стям* и др.

Вернемся теперь к значениям слова *болесть*, которые зарегистрированы собирателями прошлого века: 1) ‘боль’, 2) ‘повальная болезнь, эпидемия’, 3) ‘падучая болезнь’, 4) ‘соболезнование’, 5) ‘нежелательная, неприятная случайность, помеха’, 6) ‘недоброе пожелание или возглас удивления’.

Три первые значения отражают развитие исходного значения ‘боль’ применительно к морально-нравственной стороне дела: и эпидемия, и эпилепсия не являются только «болью» индивидуума, субъекта страдания; налицо определенный сгусток смысла, противопоставленного индивидуальной боли такого же необъяснимого происхождения — но это была не *болесть*, а *притка* (см. ниже). Многовековое сосуществование *болести* и *болѣзни* наложило на разговорную форму определенные ограничения, которые и способствовали дальнейшему сближению лексем. Все значения диалектного слова *болесть*, начиная с четвертого, в точности соответствуют уже семантической линии развития литературно-книжного слова *болѣзнь* — в том виде, как она сформировалась в преднациональный период. ‘Соболезнование’ или ‘беспокойство, забота’ в связи с нежелательной помехой естественнее связать с морально-нравственной стороной «болезни», чем с физической болью субъекта.

Действительно, внутренняя реконструкция семантики производных слов в диалектной речи подтверждает, что в процессе заимствования слова *болѣзнь* первоначально было актуальным именно такое противопоставление диалектного и книжного слов. В «Словаре русских народных говоров» (т. III, с. 72—74) *болезенка*, *болезка*, *болезненький*, *болезно*, *болезновать*, *болезность*, *болезнушка*, *болезный*, *болезочка* связаны со значением сострадательности, соболезнования, сожаления. Все, что вызывает жалость русской женщины, стало *болезным*, со временем (первоначально в лирических песнях — т. е. также сначала в литературном тексте) и само слово *болезнь* вошло в говор в том же узком значении ‘милый, дорогой’. Непосредственным источником производных явилась церковно-книжная речь, но говор освоил заимствованное слово, осложнив его своим (уменьшительно-ласкательным) суффиксом. Перед нами совершенно особый пласт диалектной лексики, связанный с выражением не физического, а душевного страдания, направленного на другого, сострадание. *Болезный* ‘нездоровый’ — позднейшая семантическая контаминация диалектного *болезный* и книжного *болезненный*, она возникает уже на наших глазах: по «Словарю русских народных говоров» и его картотеке первая фиксация 1964 г. (т. III, с. 73).

Как отмечено, и само слово *болезнь* в записях конца прошлого века, хотя оно и встречается редко, означает обращение, выражающее ласку, нежность, любовь: Болезнь моя больная, матушка моя (СРНГ, т. III, с. 73).

В соответствии с законами русской разговорной фонетики новое заимствование из книжного языка и произносилось иначе: *болезень* (зафиксировано в Опыте 1852 г.) или более обычно для говоров *болезь*;[19] совпадение в произношении форм *болесь* и *болезь* (*болесь*) также способствовало совмещению лексем. Современное просторечное произношение *болезнь* показывает, что слово вошло в систему просторечия, тогда как по говорам сохраняется не только произношение *болезень*, но и изменение морфологических характеристик слова в угоду произношению, ср. распространенную в псковских говорах форму *болезня* (женского рода).

В отличие от этого производные от *болесть* — *болес(т)ница*, *болесть*, *болестище*, *болестный* и др. — так или иначе связаны со значением 'боль', всегда определяющим физическое страдание. Эта семантическая доминанта позволяет не только реконструировать исходную точку соприкосновения диалектного и книжного слов, но и убедиться в длительном противостоянии двух семантических систем и двух культур.

Сравнивая употребление слов *болесть* и *болезнь* в границах отдельного современного диалекта, опять-таки обнаруживаем некоторое различие между семантикой обоих слов: *болесть* — всегда какая-то конкретная болезнь, в ее основном значении всегда присутствует сема 'боль'; *болезнь* обычно выражает самое общее значение болезни вообще, не имеющей дифференцированности по своим проявлениям, это скорее 'заболевание'; именно это второе слово обычно входит в новые для говора, фразеологически связанные контексты. Судя по картотеке Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (ЛГУ), положение именно таково, ср.: Болесть-то эту как зовут у целoвека? — Да лишай! (Каргополь); В глаза-то ей не скажут, што за болесть; говорят, водянка (Кондопога); А слыхали болесть, антонов огонь? (Каргополь); Но от ей [травки] кажная болесть выходит (Каргополь); Какая-то сахарная болесть: заболеешь и сдохнешь (Каргополь); Это худая болесть (Подпорожье); И она болела такой болестью, што все забыла (Кемь); Я не боюсь этих болестей (боль при операции — Череповец) и др. (ср. и Словарь русских народных говоров, III, с. 74). Слово *болезнь* как литературное не все собиратели записывают, если одновременно с ним фиксируется и *болесть*; однако, как сказано, только *болезнь* входит во фразеологические сочетания типа: *поправить болезнь*, *прекратить болезнь* 'вылечить' *набрести на болезнь*, *подхватить болезнь*, *пасть в болезнь* 'заболеть', ср.: Мужик мой под болезнь

[19] Ср. ст. М. Зырянова в «Пермском сборнике» (кн. 2, отд. 2; 1860 г., с. 175); Вильер-де-Лиль-Адам В. Дер. Княжая гора и ее окрестности. — Записки Русского геогр. об-ва по этногр. отделению. СПб., 1871, IV.

попал, так умер (Онежск.). Фразеологизм, связанное сочетание необходимы в переходный период развития слова в говоре. Подобно тому как раньше это было в словообразовательных формах (*болезный* при *болезнь*), так и здесь возникает собственный контекст, сам по себе достаточный, чтобы объяснить характер новой лексемы, включить ее в систему говора на равных правах с диалектными формами; то же имеет место и в сочетаниях с прилагательным, например *худая болезнь* или *черная болезнь* для почти терминологического наименования венерического или психического заболевания. Сближение со словом *болесть* идет по стилистическим и одновременно по семантическим признакам: в подобных сочетаниях *болезнь* не вообще 'болезнь', а какая-то определенная болезнь, т. е. уже *болесть*. Однако в той же диалектной среде, в которой записаны приведенные примеры, *болезнь* имеет еще и самое общее значение 'забота, трудность', но в свободном употреблении вне устойчивого сочетания, ср.: Поехал автобус, мы в его сели без болезни (Череповец); И до самой смерти все по болезни ползаешь (Пестово Новгородск.), — т. е. 'по трудностям, неприятностям'.

Согласно картотеке Псковского областного словаря (ЛГУ), в псковских говорах значение 'боль' также сохраняется за лексемой *болесть*, ср.: Бóлесь у меня сильная (Себеж); Раньше бóлесь какая-то, а теперь эту боль убили (Стругокрасненск.); Нога болит, не знаю, что вся болесть в пяту (ушла — Дедовичи); Желомустовый дёготь, бóлесь залей — и конец, всё (Опочка); Это горячка у нево, такая бóлисть ходит (Палкино); Все болести перенесешь (в болезни — Псковск.); Теперь я бóлести не чувствую (от язвы желудка), только старость (Печеры), и др. Некоторые контексты с употреблением слова *болезнь* неопределенны (неясна позиция собирателя в отношении к литературному слову), но и они как-будто также указывают на значение 'боль', ср. единичное в картотеке употребление нового слова в этом значении: Как сделали операцию глазу, так болезнь в руку ринулась (Великие Луки). Конкретное заболевание также обозначается словом *болесть* — это может быть дизентерия, золотуха, катар желудка, оспа, паралич, припадки, колтун, краснуха, мигрень, рак, ревматизм, скарлатина, эпилепсия (перечислены только те болезни, которые указаны в самих контекстах на употребление слова *болесть*): Каких только болестей на свете нет (Ляды); Болесть-то всякая есть (Остров); У кого какая болесть (Стругокрасненск.), и т. д.

Несмотря на некоторые неточности записей, определенно выявляется одна особенность произношения слова *болесть* в двух указанных значениях: *бóлесть* 'боль' с постоянным ударением на корне и *болéсть* 'болезнь' с постоянным ударением на суффиксе. Именно ударение часто позволяет разграничить эти значения слова в тех случаях, когда из самого контекста они не ясны, ср.: Мать у ево больная, не знаю, што за бóлесть: коленки были распухши (Остров) — 'боль'; — А я болеть не болею, а ноги больны,

и в коленках больно, а так боле́сти особой нет (Новоржев) — 'заболевание'; ср. еще: Антонина стукнулась грудью, воду несла, от этого убоя и болесть нашла (Гдов) — подчеркивается, что в результате ушиба напала болезнь как следствие боли. *Боле́сть* в значении 'болезнь' несомненно связано с ударением литературного слова *болезнь*; сама возможность сочетания типа *болесть нашла* подтверждает соотнесенность слова *болесть* с *болезнь*, потому что и в псковских говорах устойчивые сочетания с глаголами характерны только для слова *болезнь*: *болезнь получить*, *в болезнь попасть* и другие в значении 'заболеть'.

Употребление слова *болезнь* в значении 'конкретная болезнь' в картотеке Псковского областного словаря отмечается редко. Вполне возможно, что это связано с невниманием собирателей к литературному слову. Однако те контексты, которые приведены здесь по районам с наиболее архаическими говорами (Гдов, Ляды), показывают, что *болезнь* в первоначальный момент вхождения слова в говор обозначает только повальные инфекционные болезни: болезнь называется нос, в горле нарыв. . .; Всякие болезни были: тиф был, скурлатина; оспины на лице — это от болезни такой выбаливает, и др.

Таким образом, *болезнь*, в отличие от *болести*, не физическая боль как отражение переживания отдельного человека, а результат внешнего давления, какое-то д е й с т в и е, которое одновременно может распространиться на целый коллектив. Более ранние записи (обычно фольклорные) показывают, что главным в содержании слова *болезнь* является внутренняя душевная боль:

Дорога моя подружка,
Во все время не могу;
Вся б о л е з н ь на сердце пала:
Нашел беленький другу.[20]

По-видимому, таков исходный пункт совмещения литературно-книжного слова *болезнь* и народно-разговорного *болесть*. Противопоставление физической боли душевному страданию, индивидуального — коллективному стало реальной основой включения слова *болезнь* в диалектную систему. Принцип сближения данных лексем и распределения значений в большинстве русских говоров был общим: на это указывает и совпадение материалов по псковским и северным говорам, и те редкие замечания, которые можно найти в дифференцированных диалектных словарях.[21] Однако позднее переносные значения слов в отдельных диалектных системах развивались уже по-разному. Так, если для обозначения 'переживания, неприятности' в русских говорах Севера

---

[20] К о п а н е в и ч И. К. Частушки, народные припевки, собранные и записанные в Псковской губернии. — ТПАО, вып. III. Псков, 1905., с. 16.

[21] См.: Словарь брянских говоров, вып. 1. Л., 1976, с. 66; Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975, т. 1, с. 345; Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974, с. 213.

служит лексема *болезнь*, то псковские говоры в том же переносном значении используют еще слово *болесть*, ср.: У меня две боле́сти: осенёй мужик помер, а зимой девка замуж вышла вкратки, вот сразу два переживания (Остров) — с новым ударением, что указывает на какую-то связь с литературным словом; в том же значении может использоваться и морфологически новая форма *болезня*.[22] Увлеченность каким-либо делом также квалифицируется как *болесть*; непромышленный сбор ягод, например, оценивается так: это боле́сть, а не ягода (Великие Луки). Система переносных значений так или иначе связана с новым для говора словом (*болезнь*), хотя по форме это может оставаться и собственным словом (*боле́сть* с новым ударением на суффиксе). Как и любое переносное значение, и данное значение может быть соотнесено с различными литературными эквивалентами: 'переживание', 'неприятность', 'трудность', даже 'хобби' в последнем из приведенных примеров. Именно эта разноликость сопоставлений и препятствует точному и верному с диалектной точки зрения определению переносного значения слова. Ведь совсем не одно и то же — 'переживание' (личное и субъективное) и 'трудности, неприятности' (коллективные, общие, внешние по отношению к субъекту); где-то в переходах переносных значений нового слова и кроются условия его включения в диалектную систему как первоначально противопоставленного исходной диалектной лексеме. Ограниченная численность имеющихся в нашем распоряжении контекстов препятствует получению определенного вывода: является ли использование разных лексем в говорах приметой диалектной лексикологии или это связано с характером самого переносного значения, скажем: *болесть* как качество внутреннего переживания боли и *болезнь* как результат внешнего воздействия, вызывающего всякого рода неприятности. Если довериться акцентологическому критерию и признать, что псковское слово *боле́сть*= литературному *боле́знь*, эта дилемма снимается, потому что в обоих случаях, независимо от диалекта и говора, речь идет о 'болезни' — о внешнем воздействии, вызывающем внутренние переживания субъекта.

Если это так (а доказать это можно лишь монографическими изучениями отдельных диалектных систем), тогда мы присутствуем при возникновении качественно нового этапа в процессе совмещения народно-разговорной и литературно-книжной лексем. Прежнее противопоставление 'внутреннее'—'внешнее' со взаимообратимыми значениями: *бо́лесть* — внутреннее ощущение боли, но в физическом плане; *боле́знь* — внешний источник боли, но воспринимаемой в морально-нравственном отношении — совмещается и дает новые семантические контуры, в которых основным является позиция слова *болезнь*, а не слова *болесть*. Категориальное расхождение между личным и внеличным обусловливает совмещение двух лексем, взрыв переносных значений происходит

[22] См.: Псковский областной словарь. Л., 1973, вып. 2, с. 84—85.

в результате их совмещения, причем динамическим элементом изменения в говоре все время остается новое слово. Во всяком случае, еще и в современных говорах содержание качества *болести*, ее конкретно-ограниченный характер воспринимаются на фоне абстрактно-обобщенной *болезни* как результата нежелательного действия. В основе этого устойчивого противопоставления, как мы видим, лежат глубинные различия категориального свойства, пронизывающие всю семантическую структуру диалектной системы.

Мы не сможем в кратком этюде однозначно решить вопрос о причинах и условиях совпадения значений слова *болезнь* со значениями субстратной лексемы *болесть*, если хотя бы схематически не рассмотрим параллельных обозначений болезни в русской диалектной речи, восходящих к древнерусской системе.

Слово *немощь* (*немочь*) не входит в данную лексико-семантическую группу, поскольку оно связано с обозначением бессилия (слабосилия) вообще, независимо от болезни или боли. И греческие соответствия в переводных древнерусских текстах (ἀδυναμία, ἀσθενής), и характер сочетаемости лексемы в древних текстах (немощь старости, немощь изгниения, немощь прободения, немощни и слаби, и др.) — все указывает на это отличие данного слова от *болезнь*, *болесть*.

Недугъ и *кручина*, напротив, весьма любопытны в развитии своих значений и связаны с темой нашего рассуждения.

В древнерусских источниках *недугъ* является синонимом слова *болесть*, эти слова взаимозаменяемы в целом ряде текстов по их спискам. Однако в отличие от общего обозначения болезни тела (*болесть*) *недугъ* всегда конкретная болезнь, которая обычно и указывается в тексте: боль в животе, проказа, больные глаза, болезни от обжорства и т. д. В Киево-Печерском патерике, где много раз употреблено это слово, всегда подчеркивается, что речь идет о *таковом недуге, какой недугъ, кимъ зелиемъ цѣлится какой недугъ, на кийждо недугъ* (свое лекарство), *недугъ лютъ, золъ, он у каждого свой*, в него *впадают*, им *одержимы* и т. д.

По существу все древнерусские источники указывают как на основное значение этого слова '(конкретная) болезнь', ср. и в переводных текстах *недугъ* на месте греч. ἡ ἀῤῥωστία 'болезненность, болезнь'. *Недугъ* — это физическое недомогание, причину которого видели в действии желчи. Поэтому слово, служившее для обозначения желчи, стало и обобщенным названием всякой внутренней болезни: *кручина*. В Слове Иоанна экзарха болгарского на Преображение в одних списках дано: дашѫ въ ꙗдь моѫ крѫчинѫ,— в других — *жльчь*.[23] Греч. χολή 'желчь' регулярно в старославянских текстах переводится словом *кручина*; ср. и древнерусские тексты, с характерной соотнесенностью желчи с кручиною: о желчи кручинной (Василий, 531); о теплотѣ кручинной в тѣлѣ (Патерик,

[23] Иоан Экзарх български. Слова. София, 1971, том първи, с. 92.

115); в общем перечне рядом даются *кровь*, *волчь* и *кручина* (Пчела, 291), и др. Согласно дошедшим до нас текстам, желчь как источник недуга может быть светлой, темной и желтой, может означать 'сухой осенний воздух', вообще 'осень': кручинѣ же чьрнѣи ращение есть, чьрная кручина прилагающися къ земли суха бо есть и студена; тогда как: жлътая кручина подобящи ся къ огню теплотьна бо есть и суха.[24] То же представление о недуге содержится и в русском поучении XII в. «Поучение Моисѣя безъвременьнѣмь пияньствѣ»: Да аще вся та похотѣния дѣяти будеть безъ времене и без мѣры, то г р ѣ х ъ будеть въ души, а н е д у г ъ в телеси. Н е д у г ъ всь ражается въ телеси человѣчи, въ к р у ч и н ѣ. К р у ч и н а же съсядеться от излишнаго пития и ѣдения, и спания, и женоложья, иже без времене и без мѣры. К р у ч и н ы же три въ человѣцѣ: желта, зелена да черна; да от желтое о г н ь н а я б о л ѣ з н ь, а от зеленое з и м н а я б о л ѣ з н ь, а от черное с м е р т ь, рекши души исходъ.[25] В данном случае н е д у г ъ — конкретное физическое заболевание; *кручина* — источник этого заболевания, разные проявления желчи; *болѣзнь* — боль, имеющая свои формы: горячка, оцепенение, смерть.

Ни один современный говор не сохранил исконного значения слова *кручина*, обычным значением этого слова является теперь 'грусть, тоска, печаль', при этом очень много иллюстраций дается из произведений народного творчества, особенно из лирических песен, которые сложились относительно поздно. Во всяком случае, уже с XVII в. *кручина* — 'тоска, забота', переживание душевное, а не физическое. В результате исторического развития значений этого слова, и притом не без помощи л и т е р а т у р н ы х народных произведений, *кручина* стала соотноситься с *болезнью*, тогда как *недуг* по-прежнему оставался синонимом слова *болесть*. *Недужный* и *больной* в равной мере противопоставлены *кручинному* и *болезному*, хотя между этими последними имелось и существенное различие: *больной* и *болезный* — это взгляд со стороны, *недужный* и *кручинный* — самоощущение боли физической или душевной. Таковы два дифференциальных признака, по которым строилась система обозначений этого ряда в диалектах уже национального периода. Наличие двух точек зрения: от субъекта боли и объективно со стороны — показывает, что полного совпадения двух слов в говорах еще нет: лексемы *бблесть* и *болѣзнь* обслуживают не только стилистически разные уровни диалектной речи, но и семантически не сводимые пока еще к общему знаменателю различные сферы реальной жизни.

Этой длительной несводимости наших слов способствовали, в частности, и те представления о боли и болезни, на которые указывал в цитированной выше книге Г. Попов. «Внутренняя»

---

[24] Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна эксарха болгарского по списку ГИМ Синод. 108 — Чтения Об-ва истории и древностей российских, 1877. М., 1878, т. 4, с. 136, 137, 181.

[25] С о б о л е в с к и й А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. — Изв. ОРЯС. СПб., 1912, т. XVII, кн. 3, с. 77.

боль и «наведенная» боль — не одно и то же, на это постоянно указывают, судя по записям диалектной речи, и современные информаторы. «Раньше не было болезней», — так собирательно можно передать их мысль, «но болести были, и притки случались». Если перевести на литературный язык такое утверждение, окажется, что в прежние времена не было «внутренних» болезней, в том числе и «переживаний», но боль была; сами же болезни все были «наведенными». Вот почему нам следует рассмотреть слово *притка*.

Судя по материалам, собранным в картотеке Словаря русских народных говоров (самые ранние записи с 1820 г.), *притка* — это истерика, припадок, ломота, нечаянный случай, несчастный случай, бедственный случай, неожиданный прилив крови в результате напряжения с неприятными следствиями (например, с геморроем) и др., но всегда от неизвестной причины, возникает неожиданно и быстро.

«*Притка*, *прикос*, *поглум* (д. Коротнево), *доспешка* (д. Чаево). Ушибы, уколы и другие травматологические повреждения, случившиеся внезапным и странным образом и затянувшиеся в лечении на долгое время, причем начальная причина их приписывается уже нечистой силе и говорят: *поглумилось*, *доспелось*».[26] «Чародейство *притки* выражается глаголом *опритчить* — свести с ума (в тамбовской); сюда же до́лжно отнести курское слово *причина* — падучая болезнь на том основании, что *притка* употребляется в областном языке в форме *прича* (в тобольской)».[27] «*Притка* — что-то относящееся к нечистой силе, но первоначальный смысл слова уже утерян. Слово сохранилось только в выражениях типа: — *А, притка тебя побери!* или: — *Ну, и притка с ним!*».[28] *Притка* обычно нападает на женщин и главным образом в результате сглаза. В современных записях употребление этого слова связано с речью женщин и в разговорах на женские темы. Так, в записях, хранящихся в картотеке Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей, находим: *Вот бывает девушке притка пристанет, и в больнице не вылечат* (Белозерск); *Што-то корова заболела, уже не притка ли у ей?* (Череповец — 'сглаз').

Любопытно, что значение 'непредвиденный, несчастный случай' фиксируется в наиболее ранних записях.[29] К концу прошлого века все чаще собиратели регистрируют в качестве основного значения слова «что-нибудь случившееся от неизвестной причины: *И с чего*

---

[26] Герасимов М. К. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии. — Живая старина, СПб., вып. III, 1893.

[27] Буслаев Ф. И. Опыт областного великорусского словаря. — Отечественные записки, 1852, т. LXXXV, отд. V, с. 45.

[28] Гарновский К. В. [Словарик говора Опеченского р-на Новгородской области]. 1920-е гг. (Рукопись Ин-та русского языка в Ленинграде, № 26).

[29] Ср.: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с. 178; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1882, т. 3.

это такая притка стряслась?».[30] «*Притка* (в выражении *притка ее знаить*) — слово, равное по значению нашему слову *черт* в выражении: *черт ее знает!*».[31] «Боль, болячка, нечаянно, вдруг постигшие: *И не знаю, какая притка сделалась.* Урок, озёв, приключившееся с глазу; выражение безотносительное: *притка бы те взяла. — Какая тут притка, прости бог!*».[32] В некоторых говорах уже отмечается смешение с однокоренным словом притча, ср.: «*Притча* — причина. *Кто ево знат, кака притча болезни; он, вишь, сказывали, все лешкался до чертился.* Повсеместно».[33] Впрочем, выражение осуждающего пожелания присутствует уже в самых ранних записях этого слова, так что оно входит в содержание слова искони.[34] Мы можем лишь констатировать, что по отношению к нашему времени все чаще слово *притка* теряет свои основные значения и постепенно превращается в обозначение непознанной п р и ч и н ы болезни. Столкновение основных значений слов *боль, недуг, притка* и литературного *болезнь* со временем видоизменило семантическое содержание слова *болесть* таким образом:

Значения слова *болесть*	Другие лексемы с тем же значением
'боль'	*боль, боленье*
'мор', 'эпидемия'	*болезнь*
'падучая болезнь'	*притка*
'конкретная болезнь'	*недуг*
'соболезнование'	*болезнь, кручина*
'нежелательная и случайная помеха'	*притка*
'недоброе пожелание'	*притка*

Развитие новых значений у слова *бблесть* связано с наложением на его семантику основных значений смежных слов. При современной разработке вопроса мы легко можем определить, что 4-е значение развивалось в XVI—XVII вв. в результате совмещения со значениями слова *недугъ*, но вплоть до нашего времени и *бблесть*, и *недуг* сохранялись в системе говора; также ясно, что 5-е значение развивалось не ранее XVII в. под давлением изменявшего свою семантику слова *кручина*, а затем на этот ряд наложилось и первоначальное употребление слова *болезнь* в произведениях народного творчества. 6-е значение у слова *болесть* развивалось в результате столкновения со словом *притка*, к концу прошлого века только

---

[30] В о л о ц к и й В. Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губ.) говора. — Сб. ОРЯС, СПб., 1902, т. 72, с. 72.

[31] Б у д д е Е. Ф. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. — Изв. ОРЯС. СПб., 1898, т. I, с. 882.

[32] В а с н е ц о в Н. М. Материалы для объяснительного словаря Вятского говора. Вятка, 1907, с. 255.

[33] П о д в ы с о ц к и й А. П. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, с. 140.

[34] Из самых старых записей это значение («бранное мягкое слово») указано в: Т а т а р и н о в И. М. Собрание провинциальных слов, употребительных в Зарайском уезде Рязанской губернии. — Труды Об-ва любителей российской словесности. СПб., 1820, т. 20, с. 195.

значение 7 сохранялось (и сейчас сохраняется) у *притка*, постепенно сливаясь с самым неопределенным и по происхождению весьма поздним значением слова *болесть*. На всех этапах развития значения семантика находила материальную поддержку в наличном ассортименте диалектных лексем, так что каждый конкретный говор мог по-разному отзываться на потребности семантического движения данной лексико-семантической группы.

Субстратом семантического развертывания все время оставалось самое общее по значению и наиболее распространенное по говорам и в этом смысле общерусское слово *болесть*. Развертывание значений в соответствии с общерусской тенденцией происходило в нем под внешним давлением смежных по семантике слов, поскольку только слово *болесть* могло пройти весь путь семантического развития, отмеченный выше. Все прочие слова выражали лишь один какой-то участок этой семантической дуги. Завершение этого развертывания максимально сблизило в семантике диалектное слово с литературным словом *болезнь*, и в результате возникла возможность для их дублирования, а затем и для окончательной замены слова *болесть* новым словом, ставшим общерусским. О конкретных этапах стилистического уподобления и семантического варьирования уже говорилось выше; фонетические и грамматические критерии совмещения также указаны.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЦИТИРУЕМЫХ РУКОПИСЕЙ

Василий — древнерусский перевод Жития Василия Нового по изд.: Вилинский С. Г. Житие св. Василия Нового. Одесса, 1911, ч. II.

Игумен Даниил — Веневитинов М. А. Житье и хожение Даниила Русьскыя земли игумена. 1106—1107. — Православный палестинский сборник. СПб., 1885, вып. 3 и 9.

Панд. — Древнерусский перевод Пандект Никона Черногорца по русскому списку XIV в. (ГПБ, Погод., 267)

Патерик — Абрамович Д. И. Киево-Печерський Патерик. Київ, 1930.

Успенский сборник — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Флавий — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе, изданная Н. А. Мещерским. Л., 1958.

И. А. ПОПОВ

Наречия и наречные сочетания со значением временно́й координации в пределах ближайших суток

Все понятия в сознании людей, связанные с временно́й координацией, имеют богатое и разнообразное выражение в языке, гибко и тонко отражающее последовательность протекания событий во времени.

Одним из случаев выражения такой координации является цепь взаимосвязанных групп наречий со значениями настоящего, прошедшего и будущего времени, рассмотренных частично нами ранее (наречия со значениями 'в настоящее время', 'давно', 'прежде,' 'недавно, некоторое время тому назад', 'вчера').

В данной статье рассматривается то звено в этой цепи, которое еще не было предметом специального изучения на материале всех русских говоров,[1] а именно группа наречий со значением временной координации в пределах ближайших одного-двух дней (суток), т. е. *завтра*, *послезавтра* — лексический состав этой группы наречий, особенности их семантики, территория распространения, сведения по истории формирования.

Предложенное объединение наречий является очень общим, и, поскольку они выражают разные особенности проявления временной координации, они имеют ряд дифференциальных семантических признаков (сем), лежащих в основе объединения слов в более мелкие лексико-семантические группы (семантические микрополя),[2] представляющие собой «лексические объединения с однородными сопоставимыми значениями».[3]

---

[1] Некоторые из этих наречий, обозначающих 'время действия после настоящего, т. е. в будущем' (*за́втре*, *нау́тре*, *нау́тря*, *нара́ни*(*нара́ньи*, *нара́нью*, *послеза́втре*, *послиза́трича*), приводятся в диссертации В. П. Санжаровой «Лексико-семантическая и структурная характеристика наречий в южнорусских говорах (на материале говоров Воронежской области)» (Самарканд, 1972, с. 20—24).

[2] Здесь и в дальнейшем понятия лексико-семантической группы и семантического поля рассматриваются как синонимы. См., например: К а р а у л о в Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976, с. 27.

[3] Ф и л и н Ф. П. О лексико-семантических группах слов. — В кн.: Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, с. 537.

Эти лексико-семантические группы слов выражают разные случаи времени протекания действия в пределах названного периода. Поэтому они имеют не только «линейное» распределение на основе однородных семантических признаков, но и более сложные отношения частного к общему внутри объединений слов с более общей семантикой.

В числе наиболее общих семантических группировок слов можно назвать: наречия (и наречные сочетания) со значением времени совершения действия в пределах ближайших одного—двух дней (суток): *завтра*, *послезавтра* и др.

Наречия (и наречные сочетания) со значением срока, временного предела в указанных границах, к которому (до которого) должно совершиться действие: *к завтрему*, *до завтрего* и др.

Каждая из названных групп состоит в свою очередь из более мелких подразделений, лексико-семантических микрогрупп, различающихся частными дифференциальными семантическими признаками и выражающих вследствие этого гибкую и многогранную характеристику временной координации.[4]

Многие особенности рассматриваемых лексико-семантических групп наречий (их лексический состав, семантика) были восприняты русскими говорами XIX—XX ст. от более раннего периода истории языка. Это обусловило композиционное разделение статьи на две части: диалектные наречия в русских говорах XIX—XX столетий; соотносительная лексико-семантическая система наречий по данным исторических материалов.

А. Наречия и наречные сочетания в русских говорах XIX—XX столетий

I. Наречия и наречные сочетания со значением времени совершения действия в пределах ближайших одного—двух дней (суток).

В системе временны́х семантических полей названная группа наречий входит в систему временно́й координации *вчера—сегодня—завтра* (*послезавтра*) и является одним из случаев выражения наречиями будущего времени. В общем виде данное семантическое соотношение было показано еще в грамматических трудах М. В. Ломоносова. «Наречия имеют многие знаменования, которые в следующих предлагаются.

Времени: Настоящего: ‹времени суть днесь›, нынѣ. . . Прошедшаго: давно, вчера, прежде . . Будущего: завтр‹а›е, послезавтр‹а›ева и проч.».[5]

[4] Использованы материалы Словаря русских народных говоров и его картотеки, Большой картотеки Словарного сектора, а также картотек: Словаря русского языка XVIII в. (в ЛО ИЯ АН СССР), Брянского областного словаря (ЛГПИ им. А. И. Герцена), Псковского областного словаря (ЛГУ им. А. А. Жданова), Древнерусского словаря XI—XVII вв. (ИРЯ АН СССР, Москва); ряд областных, исторических, этимологических и других словарей и иные источники.

[5] Ломоносов М. В. Материалы к Российской грамматике. — Соч. М., 1952, т. VII, с. 754.

Наречия и наречные сочетания, являющиеся предметом нашего рассмотрения, семантически неоднородны, о чем свидетельствуют обширные диалектные материалы (записи речи, определения словарей и собирателей), и составляют, в зависимости от дифференцирующих сем, несколько лексико-семантических микрогрупп, а именно наречия со значениями: а) 'в следующий (на следующий) день после сегодняшнего, завтра'; б) 'в течение следующего дня'; в) 'утром следующего дня'; г) 'через день после сегодняшнего, послезавтра'.

Наиболее обширной среди них является первая микрогруппа, с которой и начнем рассмотрение материала.

1. Наречия с семой 'в следующий (на следующий) день после сегодняшнего, завтра'.

В литературном языке типичным носителем этого значения является наречие *завтра*, которое в словарях имеет такие по сути своей одинаковые, хотя словесно и различающиеся определения: Завтра . . день, следующий за нынешним, время по первой за сим ночи и до следующей (Словарь Даля, I); на следующий день после сегодняшнего (Словарь Ушакова, I, Словарь РЯ, I); в следующий день после сегодняшнего (Словарь РЛЯ, IV). Это наречие, являясь общерусским, широко распространено и в говорах, где имеет иногда диалектное произношение [за́ўтра]. Например: Машина заўтра нада быть паедить. Деулино. Ряз., 1963 (ССРНГ); Ўтръм заўтръ будьт у Лъкъх. Великол., Пск., 1963 (КПОС). Однако главной и наиболее интересной чертой данной лексико-семантической группы является наличие многих диалектных наречий. Они очень разнообразны. Одни из них представляют собой разного рода диалектные варианты общерусского *завтра*, другие — иного образования. Особенно разнообразны диалектные варианты общерусского *завтра*. Среди них прежде всего стоит назвать те наречия, которые являются наиболее распространенными, древними, составляют лексико-семантическое ядро данной микрогруппы, к которому примыкает ряд не столь распространенных диалектных образований.

Одним из них является наречие *заутра*[6] (*за́утра*, *заў́тра*, *заутра́*) 'завтра, на следующий день' (СРНГ), соотносительное с формой родительного падежа с предлогом *за* и распространенное довольно широко в севернорусских и среднерусских говорах.

За́утра, заутра́: А как заутра во Киеве товарушка вдвое-то прибыло. Арх., 1899; Заутра́, девица, будем дел делить, будем

[6] «Сочетание *за* с формой *утра* не находит себе разъяснения в современном русском языке, но объясняется с точки зрения древнерусского языка, где, хотя и редко, встречается сочетание предлога *за* с родительным падежом для обозначения времени» (К у з н е ц о в П. С. Историческая грамматика русского языка. Изд. МГУ, 1953, с. 286); см. также: П р е о б р а ж е н с к и й А. Г. (Этимологический словарь русского языка. М., 1959, т. I, с. 240): «за-оутра. Р[одительный] для обозначения времени»; Ф а с м е р М. (Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. II, с. 73), Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка, М., 1971, с. 152: «Завтра. Общеслав. Возникло в результате сращения в слово предложно-падежной формы за утра».

дел делить да паек паевить. Арх. **За́утра**: Кадн. Волог., 1898. Волог. **Зау́тра**: Даль (без указ. места). Клин Моск., 1903. Гавр.-Посад. Иван. **Заутра́**: Шенк. Арх., 1849—1850. Арх., Олон., Кадн. Волог., Кунгур. Перм. **Заутра** [удар?]: Симб. и др. губ., Шейн. Барнаул. Том.; Сегодня щи и заутра щи, Приходи моя милая, на печи меня ищи. Корч. Твер., Оренб. (СРНГ). См. также пример, записанный в олонецких говорах М. Колосовым: Ежели не достанешь птицы, то заутра голову долой.[7]

Наречию *заутра* сопутствует в говорах, частично совпадая по территории, наречие *заутро* (*зау́тро*, *заутрб*) 'завтра' (СРНГ), соотносительное с формой вин. падежа с предлогом *за*.

Зау́тро: Осин. Перм. 1896. Волог., Симб. **Заутрб**: Молог. Яросл., 1853. Яросл., Волог., Арх., Нижегор., Тул., Сарат., Тобол. **Заутро** [удар?]: Берегись, Василий-царевич! Заутро смерть тебя ожидает. Оренб., 1863. Енис., Костром. (СРНГ).

Таким образом, на территории севернорусских окающих говоров устойчиво отмечаются два варианта: *заутра* и *заутро*. В южнорусских акающих говорах (Тул., Сарат.) *заутрб* встречается под ударением. Однако следует заметить, что старые диалектные записи не всегда точно передавали произношение.

Названный ряд может быть дополнен редким в говорах наречием *заутре* 'завтра'. Нерч. Иркут., 1896, Горьк. (СРНГ). Даль приводит его без каких-либо территориальных помет.

Помимо этого, в говорах имеет широкое распространение ряд диалектных наречий, представляющих собой следующую ступень изменения некоторых из рассмотренных слов. Эти изменения коснулись, во-первых, фонетического облика слов, во-вторых, их словообразовательной структуры.

На почве фонетических изменений (*у* → *в*) образовались (как и литературное *завтра*):[8] *завтре* (← *заутре*), *завтро* (← *заутро*).

Наиболее широкий ареал в говорах разных типов (севернорусских, южнорусских, среднерусских) имеет наречие *завтре* (с его фонетическими вариантами, *завтри*, *завтря* — последний преимущественно в южнорусских говорах).

За́втре и за́втри: Холмог. Арх., 1907, Осин. Перм. **За́втре и за́втря**: Волог., 1902. **За́втри и за́втря**: Новос. Тул., 1854. **За́втре**: Тобол., 1850. Колым. Якут., Енис. Вост.-Сиб.: Вот отец приедет завтре; ср. Прииртыш. Перм. Том.: Завтре стирку надо зачинать.

---

[7] К о л о с о в М. Заметки о языке и народной поэзии в области северовеликорусского наречия. СПб., 1876, с. 188.

[8] «Этимология некоторых наречий с точки зрения современного языка достаточно ясна, но полностью может быть разъяснена лишь исторически. Так, например, довольно ясная связь наречия *завтра* и существительного *утро*. *в* здесь является результатом утраты слоговости безударным *у* (ударение здесь было перенесено на предшествующий гласный, входящий в состав предлога, в соседстве с более открытым гласным)» (К у з н е ц о в П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1953, с. 286). Ср. *за́ўтра* (с *у* на месте *в*) в псковских говорах: Ўтръм за́ўтра бу́дьт в Лу́къх (Великолук, Пск., 1963, КПОС).

Курган. Охан., Шадр. Прм.; Не сегодня, завтре ко мне милый будет. Волог. Соболевск. Арх. Онеж. КАССР. Новг. Петергоф. Петерб.; Поутру завтре узнаем, Где судьба крылась твоя. Моск., Киреевский. Калуж. Бежец., Весьегон. Кашин. Твер.; Костром., Ставроп. Самар., Нижегор., Россошан. Ворон. (СРНГ). Кроме того: Слово завтре склоняется: послев завтрия; к завтрию. Луж. Петерб., Де-Лиль-Адам, 1871; Оны здесь были в отпуску, дак завтре домой ладя. Кондоп. КАССР, авт., 1954; Завтре выходной, а в понеделак магазинщики не торгуют. Себеж. Пск., 1971; Ошпарь пёлы, завтре свиньям дам. Гдов. Пск. 1958 (КПОС). **За́втри:** Самар. 1854: Завтри поедете. Куйбыш. Пенз. Аннен. Ворон.; Завтри, говорит, умрет. Бесед. Курск.; Завтри авторник. Курмыш. Симб. Казан. Казан.; Нынчи на деньги — завтри в долг (поговорка кабатчиков и лавочников). Влад., Чернышев. Осташк., Корч., Твер. Моск., Чернышев. Красноуфим. Перм.; Не сегодни, завтри должен быть домой. Маслян. Новосиб. Тулун. Иркут. (СРНГ). Кроме того: Картошку надо посадить, завтри посадя. Печерск. Пск., Себеж. Пск., 1958—1967 (КПОС). Я завтри к тебе повернусь и договоримся нащет дров. Дзерж. Калуж., Зотов. **За́втря:** Мещов., Медын. Калуж. 1897. Брян., Дубен., Ефрем. Тул., Судж. Курск., Рост., Дон., Саракташ. Чкалов. Завтря пойду. Сев. Прииссык. Киргиз. ССР (СРНГ); кроме того: за́втря днем лишь машина попадет к вечеру. Ряз. Ряз., ССРНГ. Знамен. Орл., авт., Завтря разговляться. Ворон., Санжарова.; Завтря я стирать буду. Аксайск. Рост. Сл. русск. дон. гов., I, 1975; Завтря буду хлебы печи. Красногород., Дед. Пск., 1948—1965 (КПОС).

В Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Академии наук (СПб., 1899), оно приводится с пометой «обл.».

Другое наречие, *завтро*, имеет меньший ареал и встречается в севернорусских окающих говорах: Завтро идти мне, матушка, на побоище короткое, Биться и ратиться. Петрозав. Олон., Рыбников. Олон.; Ишше завтро ю нас ведь уж дел будет. Арх., Григорьев. Ленингр., Устюжск. Тихв., Черепов. Новг., Бабаев. Волог., Рыб. Яросл. (СРНГ); кроме того: Ты завтро-то приди. Завтро сношу. Белоз. Волог. У бога дней не решето, да и не завтро те замуж выходить. Дубровин. Поозеры в Новгороде;[9] А Павел завтро поедет, дак отвезет. Сев.-Зап., п. 74[а], ДАРЯ; В башмаках завтро. Сев.-Зап., п. 87, ДАРЯ. Квалификацию этого наречия как областного находим в Словаре 1899 г.

Незакономерные фонетические изменения внутри слова (вставка звука, выпадение звука) привели к образованию ряда локально ограниченных, возможно окказиональных образований, отмечаемых в каком-либо одном источнике. Таковы: *за́втара*, Хопер. Дон. (СРНГ); *за́втира*, Верхне-Дон., 1929 (СРНГ); *за́тра*, Пск., 1904—1918 (СРНГ); *за́тре*, Яросл., 1961 (СРНГ); *за́тря*: Кы п ты смерть, я б велела табе приходить затря: ночи б приготовилась. Ворон., Санжарова.

[9] Отечественные записки, т. 197, с. 198.

Заметное расширение состава рассматриваемой лексико-семантической группы происходило в говорах, во-первых, за счет вторичной аффиксации некоторых из рассмотренных наречий, во-вторых, за счет появления ряда наречий в результате суффиксации, слияния с частицами или утраты конца слова. В этом процессе пополнения названной группы слов большую роль сыграли образования с приставками *в-* и *на-*.

а. С приставкой *в-*: *взавтра* (*взатра*), *взавтре* (*взавтря*, *взатре*, *взатрека*).

Взáвтра: Как тебя я, Красна девица, Взавтра малехонько, по ране этого, обесчещу, красна девица (песня). Пошех. Яросл., 1896. Соберемтесь мы взавтра опеть. Костром. Тихв. Ленингр. (СРНГ). **Взáтра**: Ноня атаман, а взатра яман — сегодня богач, а завтра станет бедняком. Сев.-Кавказ., 1908 (СРНГ).

Взáвтре: Насыпь наземь, куры подберут взавтря. Ворон., Санжарова. Да можь и взавтря́ приеду. Гудов. Пск., 1971 (КПОС).

Взáтре: Можно взатре идти. Пошех. Волод., Данил., Волог. Яросл., 1929. Яросл. (СРНГ). **Взáвтрека**: Шенк. Арх., 1912 (СРНГ).

б. С приставкой *на-*: *назавтре* (*назáвтри*, *назавтря*), *назавтрева*, *назáвтри* (*назáвтрие*, *назавтрия*, *назавтрея*), а также разговорное *назавтра*. Например: Назавтра она заговорила не все, без памяти ошо бормотала. Волог., ДАРЯ (п. 31); Назавтра по приходе отца дед вывел соплеватых парней. Черепов. Новг. АГО, XXIV, 44, л. 4; Ему бы приехать назавтра, а он приехал на сутки раньше. Белоз. Новг., Соколовы. Сказки (№ 11, с. 22); Назавтра уже иконы будут класть. Себеж. Пск., 1962 (КПОС).

Для нас интерес представляют диалектные наречия *назавтре* (*назáвтри*, *назáвтря*), *назáвтрева*, *назáвтрее* (*назáвтрие*, *назáвтрия*, *назáвтрея*).

Словообразовательная структура их видна из сопоставления с производящими основами: *назавтре* — ср. *завтре*; *назавтрее* — ср. *завтрее*; *назавтрева* — ср. *завтрева*.

Из них наибольшее распространение в говорах имеют наречия *назавтре* и *назавтрее* и их фонетические варианты.

Назáвтре: Устьян. Арх., авт., 1958: Назавтре вот скажем. Назавтре, смотряй, придет жених. Сыктывк. Коми АССР, Сергеенко, 1968; Сёдни я к ему ходила, а дома ночую, а назавтре опять пойду в гости. Отец у меня в кузнице робил — убило его, а назавтре умер дедушко опять. Соликам. Перм., Беляева, 1973; Выпьешь, тольки голова назавтре болит. Новоржев. Пск., 1961 (КПОС); Назавтре у жениха пелемени. Крив. Том.; Назавтре вытащили. Колп. Том., Сл. русск. гов. басс. р. Оби, 1964 **Назáвтри**: Назавтри поедем в гости. Новос., Тороп., Холм. Пск., 1961—1975 (КПОС); Весь обмочилси, назавтри сушилси. Мещов. Калуж., Косогоров. **Назáвтря**: Назавтря суд. Великол. Пск., 1952 (КПОС).

Назáвтрее: Вадко назавтрее приезжать. Афанасьев. Сказки, V,

91. Перм., Миртов, 1930; А назавтрее Добрынюшку сам повызову, А у Добрынюшки, Владимир князь, повыспрошу. Мезен. Арх. (СРНГ 9). **Назавтрея**: Назавтрея пошли искать и нашли. Себеж., Дед., Новоржев. Пск., 1962—1974 (КПОС). **Назавтрие**: Назáвтрие крыжи испилить надо было. Черемуху в пече рассолодеют: поставят на ночь, назавтрие еще поставят, высушат, измелют. Соликам. Перм., Беляева. Пск., Копаневич. **Назáвтрия**: Смол., Мурашов. Один утонул, так его назавтрия только нашли. Пск., Локн., Порх. Пск., 1961—1973 (КПОС). Назавтрия невеста опять как устроила обед, такого у нас никогда не видели. Лит. ССР, Латв. ССР, Эст. ССР. Сл. русск. гов. Приб. 1963.

Назáвтрева: Царь говорит, что я его назавтрева спрошу. Свердл., Миртов.

Семантическая разница между наречиями с приставкой *на-* и без приставки очень тонкая и не всегда отчетливо проявляющаяся. Приставка *на-* вносит обычно оттенок временной последовательности происходящих событий, поэтому наречия *завтра* и *назавтра* и их диалектные эквиваленты не всегда могут быть синонимичны. Не случайно В. И. Даль, говоря о семантическом своеобразии наречия *назавтра*, писал: «*назавтра* . . . завтра, завтрашний день, утром, утре, когда речь идет о назначении срока действия» (Словарь Даля, II). Ср. в академических словарях: «Назавтра, нареч. (разг.). На следующий день» (Словарь Ушакова, Сл. РЯ, II, ССРЛЯ, VII). Это семантическое своеобразие объясняется тем, что приставка *на-* в наречии *назавтра* и других подобных восходит к предлогу *на*, который служит для выражения разных семантических оттенков. Во-первых, предлог *на* с вин. п. употребляется при указании на время совершения какого-либо действия: На следующий день, 9-го мая, были Колины именины. Тургенев. Новь; На другой день Матвей сообщил о происшедшем Соколовскому. Г. Марков. Строговы (ССРЛЯ). Во-вторых, при обозначении срока: Состояние кассы на 1-е июля; Стыжусь: воинственным бродягой увлекся я на старость лет. Пушкин. Полтава; Свечерело. Дрожь в конях. Стужа злее на ночь. Некрасов. Генерал Топтыгин (ССРЛЯ). Особенности семантики предлога *на*, сохранившиеся и в наречной приставке, отразились и на семантическом своеобразии соответствующих наречий, выражающих то сему совершения действия ‘на следующий день, завтра’, то сему временной последовательности, срока. Ср.: Назавтре, смотряй, придет жених. Назавтре у жениха пелемени будут — сема ‘время совершения действия в будущем, завтра’; но: Один утонул, так его назавтрея только нашли; Седни на фронт ехать приказали, а назавтре отменили приказ — сема ‘последовательность действий, срок’. Однако тонкие семантические различия отчетливо проявляются не всегда, и потенциальные возможности слова по-разному реализуются в разном словесном окружении, в речи.

Видимо, особенностями семантики наречий *завтра* (и его диалектных эквивалентов) и *назавтра* (и его диалектных эквивалентов) можно объяснить особенности их лексической сочетаемости

с глаголами. В частности, диалектные наречия, соотносительные с наречием литературного языка *завтра*, употребляются в сочетании с глаголами настоящего, будущего времени и при форме инфинитива и почти не употребляются с глаголами прошедшего времени. Наречие *назавтра* и его диалектные варианты также могут употребляться при глаголах настоящего и будущего времени, однако они могут широко употребляться и в сочетании с глаголами прошедшего времени. Ср.:

1. *Завтра* и его диалектные эквиваленты.

а. С глаголами в форме настоящего-будущего времени.

Госта зафтра поедут. А чово вы будете зафтра стряпать? Заутра нада быть паедить. Я думала, зав пятница будет. Заутра, девица, будем дел делить, будем делить. Сегодня щи и заутра щи [будут]. Заутра голову долой [сниму]. Заутро смерть тебя ожидает. Не сегодня, завтре ко мне милый будет. Поутру завтре узнаем. Завтре домой ладя. Заутре нас домохозяек требуют. Завтри поедете. Завтри умрет. Завтри авторник. Нынчи на деньги — завтри в долг. Завтря пойду. Завтря днем лишь машина попадет к вечеру. Завтря я стираться буду. Ишше завтро ю нас ведь дел будеть. А да и завтро-то будет да зарученьице. Завтро скошу. А Павел завтро поедет дак отвезет. В башмаках завтро [поедет]. Взавтра . . . обесчещу. Соберемтесь мы взавтра опеть. Ноня атаман, взатра яман [станет].

б. С глаголом в форме инфинитива.

Завтре стирку надо начинать. Не сегодни — завтри должен быть домой. Завтро идти мне, матушка, на побоище. Не завтро те замуж выходить. Можно взатре идти.

в. С глаголами в форме прошедшего времени.

Сходили мы днем к ей, а завтрия она рано утром пришла к нам.

2. *Назавтра* и его диалектные эквиваленты.

а. С глаголами в форме настоящего—будущего времени.

Назавтре вот скажем. Назавтре, смотряй, придет жених. Назавтре опять пойду в гости. Назавтре у жениха пелемени будут. Выпьешь, тольки голова назавтре болит. Назавтри поедем в гости. Назавтря суд будет. Царь говорит, что я его назавтрева спрошу. А назавтрее Добрынюшку сам повызову. Назавтрие еще поставяти, высушат. Ставят пиво в печь на сутки, назавтрие добывают из печи. Назавтрие, после празнишку, иконы провожают. Он говорит, назавтрея приду. Празники были, а назавтрея духов день будет. Назавтрея суды приежжают. Оддохнут, назавтрия аще вся родовая придё.

б. С глаголами в форме инфинитива.

Ему бы приехать назавтра, а он приехал на сутки раньше. Вадко назавтрее приезжать. Назавтрие крыжи испилить надо было.

в. С глаголами в форме прошедшего времени.

Назавтра она заговорила не все, без памяти ошшо бормотала. Назавтра по приходе отца дед вывел соплеватых парней. Отец у меня в кузнице робил — убило, а назавтре умер дедушка опять. Назавтре вытащили. Весь обмочился, назавтре сушился. Поехали

назавтри. Назавтри встала, позавтрикала. Седни на фронт ехать приказали — назавтрие отменили приказ. Назавтрие невеста опять как устроила обед. Свекровушка прибегла назавтрия. А назавтрия она померла. Один утонул, так его назавтрия только нашли. Назавтрия еле к своим повозкам вышли. Назавтрея пошли искать.

Из приведенных примеров видно, что наречие *завтра* (и его диалектные варианты) и *назавтра* (и его диалектные варианты) могут быть обычно синонимичными (при условии совпадения ареалов) или эквивалентными при глаголах настоящего—будущего времени или инфинитиве.

Ряд диалектных наречий образовался в результате преобразований конца слова (сращения с частицами, суффиксация). Таковы: *за́втрика*, Пск., Осташк. Твер., 1855 (СРНГ); *за́втракась*, Даль (без указ. места), *за́втрикась*, Пск., Осташк. Твер., 1855 (СРНГ); *за́втресь*: Сей день работу не успеем кончить, придется еще завтресь приттить. Кольск., 1932 (СРНГ); *за́втрича*, Пск. Осташк. Твер., 1855. Твер. (СРНГ), *за́втрышко*, Устюж. Новг., 1896 (СРНГ).

В качестве примера редкого и, может быть, окказионального образования можно привести наречие *зав*, в котором утрачена последняя часть слова: Я думала, зав пятница. Мещов. Калуж., 1896 (СРНГ).

Особое место в рассматриваемой лексико-семантической группе занимают с точки зрения словообразования наречия *завтрего* (*завтрева*), *завтрия* (*завтрея*), *завтрие*, *завтрею*, *завтрая*.

Завтрего: Ты придешь завтрего. Мы уже вчерась овинники скосили, завтрего хочут в полях косить. Яросл., 1908—1928. Новоторж. Пск. (СРНГ). **Завтрева**: завтрева в тебя большая артель соберется. Пск., 1970. Окрутился бы получше, завтрева гулянье. Гдов. Пск., 1958 (КПОС).

За́втрия: Дубен. Тул., 1933—1960 (СРНГ): Вроде завтрия ему не на работу. Стругокрасн. Завтрия, в середу, наша череда поле править. Пушкиногор. Сходили мы днем к ей, а завтрия она рано утром пришла к нам. Опоч. Пск., 1962—1975 (КПОС). **За́втрие**: Сходить к нему завтрие. Холм. Пск., 1962 (КПОС). **За́втрея**: Дон., Миртов, 1929. **За́втрию**: Завтрию не буду хлеб печь. Сланц. Пск., 1958 (КПОС).

Аналогично — **За́втрая**: Грязов. Волог., 1898 (СРНГ).

В их основе лежат формы косвенных падежей субстантивированного наречия *завтрее* (*завтрие*) ‘завтрашний день’: Завтреем не хвались. Опоч. Пск., 1852. Ты меня завтреем не корми. Кадн. Волог. Не знаю, как с завтрим-ту и быть, нечего об завтрем-то говорить. Углич. Яросл. О завтрее не беспокойся. Буйск. Костром. (СРНГ). Завтрием, о завтрии, завтрию. Пск. Осташк. Твер., 1855. «Не лишне указать еще на существительные *завтрия* и *опослия*; . . . образовались от наречий *завтра* и *после* и употребляются в родительном, дательном и винительном падежах». Вытег. Олон. Филимонов. Олон. Арх.: С завтрия надо начинать страдовать. Перм., Лукашин (СРНГ). Ср. замечание по этому

поводу Даля: «завтра или завтрие употребляется как существительное» (ср. род . п. *завтрея* или *завтраго* или *завтрева*; дат. п. *завтрею* или *завтрему* или *завтру*, *заýтру*; твор. п. *завтреем*, или *завтрим*, или *заутром*; предл. п. *о завтрее*, *о завтрем*, *о заутре*). Завтреем не хвались. Не далече до завтрева. К завтрею приспеем. Ныне не сробишь, завтреем не возьмешь. День к вечеру, а работа к завтрему. . .»

Ср. также этимологически более раннее *заутрие* 'утро': с вечера до заутрия (Срезневский) — 'утро следующего дня' (Слов. 1847).

Отсюда образования и таких наречных сочетаний, как *до завтрея*, *до завтрего*, *к завтрему*, а также приведенные выше *завтрего* (*завтрева*), *завтрия* и др.

Как видно из приведенных материалов, все рассмотренные наречия имеют основу *завтр-* (*заутр-*). Однако ими не исчерпывается круг слов данной семантики. Так, в диссертации В. П. Санжаровой приводятся наречия *наýтре* (*наутри*), *наутря́*, которые, судя по текстам и комментированию их автором, также имеют значение 'на следующий день': Умрет и наýтри хоронят. Наýтри встанут рано. Наутря́ празник. Ворон. (Санжарова).

Таким образом, для выражения значения 'в следующий (на следующий) день, завтра' в русских говорах употребляются различные наречия, этимологически восходящие к существительному утро. Исключение составляет наречие *аламéнись* в необычном для него значении 'завтра': Приходи ко мне аламенись. Первомайское. Серов. Свердл., Колеганов, 1961 (СРНГ).

Чтобы обзор был более полным, следует назвать также сочетания *завтрашний день*: Завтрашний день привези мне три волоса медные. Белозер. Новг., Соколовы (СРНГ); Завтрашний день угоняй коров. Плюсн. Пск., 1962 (КПОС); *завтрашним днем*: Петрозав. Олон., 1895—1898. Холмог. Арх. (СРНГ), употребляющиеся в значении наречия *завтра*.

Как видно из приведенных материалов, диалектных наречий, служащих для выражения рассматриваемого значения, много, однако не все они достаточно широко распространены в говорах. Более значительные ареалы имеют лишь те, которые составляют ядро группы: *заутра*, *заутро*, *завтра*, *завтре* (*завтри*, *завтря*).

Заутра: в севернорусских говорах — Арх., Олон. (КАССР), Волог., Перм., Оренб. (Чкал.), Иван., среднерусских (Моск.), Калин. (Твер.), южнорусских (Симб.), в говорах Сибири.

Заутро: в севернорусских говорах — Арх., Волог., Яросл., Костром., Нижегор. (Горьк.), Перм., Оренб. (Чкал.), южнорусских (Тул., Сарат., Симб.), в говорах Сибири.

Завтро: в севернорусских говорах (Арх., Олон., Новг., Ленингр., Волог., Яросл.).

Завтре (*завтри*, *завтря*): в севернорусских говорах — Арх., Новг., Олон. (КАССР), Ленингр., Волог., Влад., Костром., Нижегор. (Горьк.), Перм., Оренб. (Чкал.); среднерусских — Моск., Твер. (Калин.), Пск.; южнорусских — Орл., Тул., Курск., Ка-

луж., Ворон., Дон., Брян., Пенз., Куйбыш., Ряз., Симб., Рост. и в говорах Сибири.

Более узкую территорию распространения имеет следующая группа наречий: *взавтре* (*взавтря*) — в севернорусских говорах (Ленингр., Яросл., Костром.), южнорусских (Ворон.); *назавтря* (*назавтри*) — в севернорусских говорах (Арх., Перм.), южнорусских (Калуж.); *назáвтрее* (*назавтрие*, *назавтрия*) — в севернорусских говорах (Арх., Перм,), в говорах западных областей (Пск., Смол., Эст. ССР, Лит. ССР, Латв. ССР).

Остальные наречия представлены отдельными небольшими вкраплениями в разных местах обширной территории русских говоров: *завтра*, *завтира*, *затра*, *зав*, *затре* (*затря*), *заутре*, *завтрика*, *завтресь*, *завтрича*, *завтрышко*, *завтрего* (*завтрева*), *завтрия* (*завтрея*), *завтрая*, *взатре*, *взатрека*, *назавтрева*, *наýтре* (*наутри*), *наутря́*.

3. Наречия с семой ‘в течение завтрашнего дня’.

Это значение очень близко к предыдущему. Оно отмечается некоторыми источниками диалектной лексики: *зазавтря*, Амур, 1930 (СРНГ), *взавтря*: Да може и взавтря приеду. Гдов. Пск., 1971 (КПОС).

4. Наречия с семой ‘завтра утром, в утро (на утро) следующего дня’.

Выделение э́того значения обусловлено тем, что оно отмечается в ряде лексикографических источников. Ср. у Даля: **«Заýтре, заутрó.** Завтра, завтра поутру, на утро следующего дня». Словарь русских народных говоров: *вутре* ‘завтра утром, на следующее утро’; *заутрия* ‘завтра утром’. Словарь русских донских говоров: *заýтра* ‘завтра утром’.

Значение ‘утром следующего дня’ отмечается обычно у тех же наречий, которые имеют значение ‘завтра’:

заýтра (*заутрá*), *заýтро* (*заутрó*), *заýтре*, *назавтре*, а также у наречий *заýтрия*, *вýтре*, *нарáнье*.

Заýтра: Даль (без указ. места), Вельск. Волог., 1902, Черепов. Новг. (СРНГ): Да заутра станем, виднее будет — не загадывай на ночь. Вешен. Рост. (Сл. р. дон. г., 1976). **Заутрá**: Перм., 1914. Урал. **Заутра** [удар.?]: Симб. и др. губ., Шейн (СРНГ).

Заýтро: Урал., 1930. **Заутрó**: Тобол., 1850. Перм., Вят., Волог., Сев.-Двин. **Заутро** [удар.?]: Корсун. Симб. (СРНГ).

Заýтре ‘завтра; завтра поутру; на утро следующего дня’. Даль (без указ. места).

Заýтрия: Андр. Смол., 1935—1946 (СРНГ).

Вýтре: А мне вутре ехать. Ярен. Волог., 1853. Волог., Вельск. Арх., Енис. (СРНГ). Ср. **Вутре** ‘утром’: Вутре раным-рано по росе пошла. Слободо-Турин. Свердл.; Я седни вутре встала рано то, прибрала, повымыла. Талицк. Свердл. 1964 (СРНГ).

Назáвтре ‘на следующий день утром’: Назáвтре в Демиденки увезли эту девку. Сев. Пск. 1971 (КПОС).

Наýтре (наýтри) ‘утром следующего дня’: Наутри я встала корову доить, открыто все. Ворон. (Санжарова). **Наутря́** ‘утром

следующего дня': Наутря встал, голова раскалывается. Ворон. (Санжарова).

Нара́нье (нара́ньи) 'на другой день, завтра утром', Орл., Опыт. 1852. **Наранья**: Надо бы кинацца в больницу наранья. Ворон. (Санжарова). **Нара́нью**: Да не сходила в лавку, стало быть наранью пойду. Ворон. (Санжарова).

Нара́ни 'завтра утром': Тольки ночь с ней провожжался — сам нарани бабой стал. Я нарани пойду . . — Да, наутри. Ворон. (Санжарова). Орл. (Оловенникова). Ср. **Нара́ньи** 'поутру': Приходи нараньи. Ливны Орл., Лебедев, 1850.

5. Наречия с семой 'через день после сегодняшнего, послезавтра'.

Эту группу составляет ряд диалектных наречий, соотносительных с общерусским *послезавтра — послезавтре, послезавтря, послезатря, послезавтрея* (*послезаврия*), *послезавтрева, послезатрича*, а также наречие *запозавтрея*. Они встречаются в виде отдельных вкраплений в разных местах территории севернорусских говоров.

Послеза́втре: Послезавтре лучше приди. Том. Завтре я не приеду. Я послезавтре приеду. А вечером идет гульба, и гуляют назавтре и послезавтре будут гулят. Том. Сл. Басс. ср. теч. р. Оби, 1964. **Послеза́втря**: Послезавтря уедут. Ворн. (Санжарова).

Послеза́втрея: Устюж. Новг., 1896. Каляз. Твер. (Прогр. АН № 270). Буйск., Галич. (Костром). 1896 (КСРНГ). **Послеза́втрия**: Бабаев. Волог. (Меркурьев): Завтрия выедешь, а послезавтрия в пять часов будешь там. Медвежьегор. КАССР (авт.). Ср. также сочетание *после заутрия*. Петрозав. Олон., 1896 (СРНГ XI).

Послеза́втрева. Нончи пьет, и завтри пьет, и послезавтрива. Бесед. Курск. (Кузнецова); Послезавтрева будем папу провожать. Ворон. (Санжарова).

Послезавтрича: Послезавтрича опять заступя на ночь. Ворон. (Санжарова).

Запоза́втрея: А да и завтра-то будет да зарученьице, а запозавтрея будет у их почесьен пир. (былина). Мезен. Арх. (Григорьев).

II. Наречия и наречные сочетания со значением срока, временного предела, к которому (до которого) должно совершиться действие.

Это значение, как уже отмечалось, в ряде случаев выражается диалектными эквивалентами наречия *назавтра*: Оставь этот кусок назавтреча. Зап. Брян., Расторгуев, 1957 (КСРНГ); Это оставь на завтрей. Буйск. Костром. (СРНГ); Один утонул, так его назавтрия только нашли. Пск., Локн., Порх. Пск., 1961—1973 (КПОС); Седни на фронт ехать приказали — назавтрие отменили приказ: Николая сшибли. Соликам. Перм., Беляева.

Однако отчетливее это общее значение выражается другими наречными сочетаниями, которые конкретизируют его в разных отношениях — это наречные сочетания с семами: а) 'до следую-

щего, завтрашнего дня', б) 'к следующему, завтрашнему дню', в) 'к послезавтрашнему дню'.

Рассмотрим соответствующие материалы.

а. Наречные сочетания с семой 'до следующего, завтрашнего дня'.

В литературном языке обычным выразителем этого значения является наречное сочетание *до завтра*. В говорах, кроме него, встречается ряд его диалектных эквивалентов: *до завтри*, *до завтрего* (*до завтрева*), *до завтря* (*до завтрия*).

До за́втри: До завтри не вырастет. В ей надет черная пара и будет она до завтри там. Пск., 1958—1961 (КПОС).

До за́втрего: Хоть до завтрего в ноги кланяйся. Твер. 1896. Сарат. Оставь это до завтрего. Перм. Луканин. Оставь до завтрего. Опоч. Пск., 1852. Боров. Калуж. (СРНГ — в словарных статьях *на завтре*, *завтрее*, *завтрей*). **До за́втрева**: Мещов. Калуж., 1897 (СРНГ). Кашин. Твер. (Смирнов), Устьян. Арх. (авт.), Зауралье (Тимофеев); Я б и мыть не стала, оставила до завтрива. Плес. Пск., 1962 (КПОС).

До завтря: Погой хоть до завтрея. Костром. (СРНГ). Покр. Влад. (СРНГ — в словарной статье на сущ. **Завтрей**). **До завтрия**: Нижегор. Нижегор., 1905—1921 (СРНГ — в словарной статье на сущ. **Завтрий**). Белоз. Новг. (Соколовы, ТМДК, П, 1910); До завтрия-то нельзя подождать. Белоз. Волог (авт.); Сыпни, кумушка, до завтрия, суруску муки. Нет ли пясточки соли до завтрия. Олон. (Куликовский, с. 116, 97); До завтрия нам рыба свежа уж не будет. Кондоп. КАССР (авт.); Она говорит: мама, обожди до завтрия. Беч., Остров., Палк., Пск., Себеж. Пск. (КПОС).

б. Наречные сочетания с семой 'к следующему, завтрашнему дню'.

В литературном языке это значение выражается описательно, словосочетанием к *завтрашнему дню*. В говорах имеется ряд диалектных наречных сочетаний: *к завтрашну*, *к завтрею* (*к завтрию*), *к завтриему* (*к завтриму*).

К за́втрашну: Не доспеть ли как-нибудь к завтрашну? (т. е. не кончить ли дела к завтрашнему дню). Чебоксары и Поволжские села Ряз. губ. В. Громов.

К за́втрею: Устюж. Новг., 1896. Пудож. Олон. (СРНГ — в словарной статье на слово **Завтрея**). Васильеур. Нижегор. (СРНГ — в словарной статье на слово **Завтрей**); Принеси-ка муки к завтрею. Перм., Словцов; Приготовь к завтрею. Опоч. Пск., 1852 (СРНГ — в словарной статье на слово **Завтрее**). **К завтрию**: Белоз. Новг., Соколовы, ТДМК, вып. 2, 1910: Тая к завтрию будет готова. Белоз. Волог. (авт.), 1954; Пусть останется к завтрию. Плес. Пск., 1962 (КПОС); Дунька, — слышно было, как говорил он в сенях своей дочери, — поди-ка снеси на огороду лапти онучи, пусть немного присохнут к завтрию. Н. Лесков. Отч. о поездке в Чудской край. (Олон. г. Лодейноп. у.) в 1844 г. Ж. С. 1895, в I, с. 8.

К завтриему: Вят., 1915 (СРНГ — в словарной статье на слово **Завтрия**). **К завтрему**: Выстрой к завтрему мне белокаменные палаты. Ряз. Афанасьев. Калуж.; Безотменно к завтрему сделаем, будьте покойны. Костром., Курск., Брян., Твер., Пск., Смол., Новг., Арх., Волог.; Чтобы к завтрему были кони! Цивил. Казан. К завтрему чего готовить. Тобол. (СРНГ), Перм. (Муллов). **К за́втриму**: Набирай к завтриму. Порх. Отнеси миску, латку, их к завтриму надо. Пушкиног. Пск., 1947—1965 (КПОС).

в. Наречия с семой ‘к послезавтрашнему дню’. Для выражения этого значения в говорах встретилось наречное сочетание *к послезавтрему*. Перм. (Муллов).

Как видно из приведенных материалов, наречные сочетания со значением срока, временного предела в ближайшем будущем отмечались собирателями реже, чем наречия предыдущей группы. Этим, видимо, можно объяснить то, что сведения о них встречаются в виде разрозненных вкраплений в разных местах обширной территории русских говоров.

Лексический состав рассмотренных групп наречий и наречных сочетаний при всем разнообразии их семантической гаммы характеризуется строгим этимологическим единством — все они восходят к существительному *утро*. Образования от других основ представлены единичными наречиями: *аламенись*, *наранье*. В то же время их разнообразие обусловлено рядом фонетических и словообразовательных факторов, благодаря которым произошли отличия в кругу рассмотренных групп слов от соответствующей системы наречий литературного языка. Однако в плане семантическом данная система является общерусской, поскольку все отмеченные семантические особенности свойственны также соответствующим наречиям и наречным сочетаниям литературного языка.

Представляет интерес история формирования как всей системы рассмотренных микрополей, так и отдельных наречий в их составе. К сожалению, материалы исторические (памятников письменности, языка более раннего периода), а также других славянских языков не всегда достаточно полны и не дают возможности во всех деталях изучить историю формирования названных групп диалектных наречий. Тем не менее и имеющиеся сведения убедительно свидетельствуют о том, что основные звенья этой системы сформировались значительно ранее XIX—XX столетий.

Б. Соотносительная лексико-семантическая система наречий и наречных сочетаний по данным сравнительно-исторических материалов

При обращении к материалам более раннего периода обращает на себя внимание то, что система рассмотренных диалектных микрополей и основной их лексический состав перешли в русские говоры XIX—XX столетий из языка XVIII в. Об отдельных наречиях имеются и более ранние сведения. Все это делает целе-

сообразным рассмотрение исторических материалов в той же системе, как и диалектных наречий.

I. Наречия и наречные сочетания со значением времени совершения действия в пределах ближайших одного—двух дней (суток).

1. Наречия с семой 'в следующий (на следующий) день после сегодняшнего, завтра'.

Это, как и в говорах, наиболее обширная группа наречий в русском языке XVIII в., а иногда и более раннего периода, в составе которой узнаём уже известные диалектные наречия: *взавтра, взавтре, завтро, завтрѣ, завтря, завтрея, заутра, заутро, назавтра, назавтрѣ, назавтри, назавтрее* (*назавтрие*).

Лексико-семантическое ядро этой группы составляет наиболее древнее из них *заутра* (подробнее см. ниже). Однако и другие, более позднего происхождения, нередки:

Взавтра: . . чаю, что сего дни или конечно взавтра будет. Бужешнов. Птр I (Кикин), т. IV, 555; Мы отсюда кончая пойдем взавтра, и же две брегады сегодня пошли, а другие взавтра пойдут... Птр I (Меньшиков), т. IV, 875; А взавтра отсюда поѣду до Мстислава. Птр I (Меньшиков из Смоленска), т. VII, 638; Не может в завтра от нас нихто жив быти. Повести об Азовском осадном сидении (А. Орлов. Песни и повесть об Азове. Старина и новизна. Кн. 10. М. 1905, с. 279—981); Подите, друзья мои, сказалъ я имъ, отдыхайте: взавтра воскресенье, и вы конечно на работу не пойдете, так и поговоримъ побольше. Живописец. 1772, с. 108.

Взáвтре: Олимпия: У дураковъ, севодни они атеисты, а взавтрѣ суеверны будут: а Тимантъ ни атеистомъ ни суевѣромъ никогда не будетъ. . . А. Сумароков. Соч., VI, с. 64; Хозяинъ приказалъ друзей на жатву звать, И взавтрѣ станут жать; Пора, душа моя, отселѣ отъѣзжать. А. Сумароков, Соч., VII, 1787, с. 131; Дмитрий: Пойди подъ стражу, ты, въ назначенны чертоги, Моя любезная, прекрасная Княжна: А взавтрѣ будеши Димитрію жена. А. Сумароков, IV, с. 102; Я взавтрѣ буду у себя; Приди ко мнѣ откушать. А. Сумароков, VII, 1787, с. 108; А как въ завтрѣ сюда заверніосся, такъ можетъ быть и сама ногь не унесешь. Поденщина, 1769, с. 108. Ср. образованное от этого наречия прилагательное *взавтрешний*: Поздравляю вашу милость взавтрешнимъ днемъ, то есть викторіі въ 1714 году полученной. Екатерина — Петру I, 1719, ПРГ, I, с. 107.

Завтро: наряжаисѧ самъ и людье наради возитисѧ на Вислѣ рать боудеть оу тебе завътро. Ипат. лет. (Гал.-Вол.), ок. 1425 г., 293 об.; Того дня положили бъ чтобъ сего дня, какъ возможно, далеко отойтить отсюду, а завът(ро) конечно къ преспективѣ дойтить. Петр I — Екатерине, 1714, ПРГ, I, с. 39.

Завтре. Это наречие особенно часто встречается в источниках. Приведем лишь некоторые примеры: А кому быть на Москве и кому быть в полкех, и о том наш великого государя указ будет им сказан завтре. Ст. Раз., 1670, авг., № 2, л. 19; Намѣрены итить въ путь завтре. Птр I, 38, 1695 (ПБП, 31); Брачная церемония сеи славнои пары учинится завтре . . . М. Вед. П, 1719, с. 320; Сказалъ

имъ собственну опасность и боязнь; Что завтре лютая самихъ постигнетъ казнь. Ломоносов. Петр Великий. 1760, с. 17; Я завтрѣ же велю старушку в домъ привесть. Майков. Елисей. 1771, с. 60; Завтре увижу тебя, моего друга, и разцѣлую. Державин — Д. А. Дьяковой. Соч. т. VI (изд. 2-е), с. 23.

Как одно из употребительных слово было отмечено ранними лексикографическими источниками XVIII в. (Номенклатор Копиевского, 1700 г., с. 18, Русско-голландский лексикон, 1717 г., с. 238), позднее — в Словаре Академии Российской (1794): Приди **завтре**. Однако Словарь 1847 г. это наречие не отмечает, что является, очевидно, симптомом оценки его как диалектного в то время. Полвека спустя Словарь 1895 г. определяет его место в системе языка пометами «стар.» и «обл.», что свидетельствует о сужении сферы живого употребления слова рамками народной речи. Ареал его показан в Словаре русских народных говоров.

Завтря (диалектный вариант завтрѣ): Ужь завтря должно бъ браку быти, Ужь завтря! — Лиза внѣ себя — Как могъ ты, варвар, позабыти, красу любящу толь тебя? Я. Княжнин. Флора и Лиза. (Сиб. вестник, ч. I, 1778, с. 112); . . .и говоритъ архимандритъ, что завтря кушать буду со всѣми своими пришедшими начальными людьми в трапезѣ. Лепехин. Путеш., IV, с. 78; А сегодня свѣдали, что еще денъ шесть не будешь, так хочет завтря ѣхать. Е. А. Румянцева — П. А. Румянцеву. 1765. Письма Е. М. Румянцевой, 1888, с. 45.

Завтрея: Я отоспособилъся и тоѣ ты чаю провѣд . . а завтрея будет бгъ изволит остати . . (1644). ВК, П, № 79, л. 329.

Назавтрѣ: . . а дроузии молъвѧть оже вы и в городѣ былъ но то не вѣдомо в не҃лю же миноуша городъ по Микоулинѣ дни на за҃три вза҃ша города. Ипат. лет. (Гал.-Вол.), ок. 1425 г., л. 295; Ево два члвка въ ево хоромы одва дотащили назавтре десятово числа февраля. . .1621 г. ВК I, 6, л. 29; На завтрѣ увидѣлъ я себя. Что я сто раз паче был в страсти. Тредиаковский. Езда в остров любви. 1770, с. 138; На завтрѣ он себя к больному присуседил. А. Сумароков. Соч., VII, 1787, с. 235.

Назавтрее: в нєдѣлю на завтрѣе ст(го) Луки евнгл(с)та. Медика, 1404, р 70 (Сл. староукр. мови XIV—XV ст.); . . . на завтрѣе придоша Печенѣзѣ и почаша звати. вѣльможа (Ипат. лет. ок. 1425 г., л. 46—46 об.); . . .и назавтрее пошли к начальником Гсдам Статам. . .1621. ВК I, 6, л. 29; Назавтрѣе я встал очюнь рано. Тредиаковский. Езда в остров любви. 1730, с. 16.

Назавтрие: на то жъ дали есмы грамоту(с) . . . оу суботу по Михалове дни на завьтрис (б. м. н., 1387 СП № 12, Сл. староукр. мови XIV—XV ст.).

Ср. также в Словаре староукраинской мови XIV—XV ст.: Навутрие ‘назавтра, наступного дня’: Тогды на роцѣ напрє(д)рєченымъ стронамъ в медыцѣ в нєдѣлю на вутри(є) ст(г)о Луки євангелиста завитє и конєчнѣ вложенымъ. . мно(г) добры(х) люди. . осудили єсмы. . (Медика, 1404 р 70); С ним, по-видимому, соотносительно воронежское *наутре* ‘завтра’ (Санжарова).

О наречии *нарани* В. П. Санжарова пишет: «Наречие *нарани* в значении ‘на следующий день’ зафиксировано в южнорусских памятниках письменности».[10]

2. Наречия с семой ‘завтра утром, в утро (на утро) следующего дня’.

Рассмотренным диалектным наречиям можно указать такие соответствия из памятников: *заутра*, *в утре*, *наутрее*, а также *нарани*.

Заутра: Бѣжаша на Сулу тое ночи, и заоутра на Гжинъ днь идохо к Бѣлѣ вежи. Поуч. Влад. Мон. Тоу сташа и на ночь; заоутра же слычю въсходащю, вънидоша въ стоую Софию. Новг. I лет. (Срезневский: «На другой день, на другое утро»).

Вутрѣ: А мнѣ вутрѣ ѣхать на погостѣ. 1669 (Протопопов).

Наутрее: и то в ночи учинили, а тело его на морском берегу в песок закопали, а какъ наутрее про то пронеслося і в миру немног осмятеня не учинилос на тех турков. 1638, ВК I, 44, 4; . . . и на том положили, что на недруга в такои теснотѣ непригожа итти, и наутрее в сім числе опят внов на то же место вышли. 1636, ВК I, 35, 7.

3. Наречия с семой ‘через день после сегодняшнего, послезавтра’.

Как и в говорах, в памятниках встретились такие наречия (и наречные сочетания): *послѣ завтре*, *послезавтрева (послезавтрего)*, *послѣзавтрее (послѣзавтрея*, *послѣ завтрия)*.

Послѣ завтре: Уж назад к шлезскому рубежу идет, а полковнику фанъ Дону после завтре в Шлезскую землю итти. 1631, ВК II, 5, л. 80; Когда завтре не раздѣлаюсь; то послѣ завтре буду сам в Магистратѣ. Лукин. Мот, Соч. 1765, ч. I.

Послѣзавтрева (его): будущаго: завтр(а)е, послѣзавтр(а)ева. . Ломоносов. Мат. к росс. гр. Соч. 1952, с. VII, с. 754. Послезавтрего будут переносить прах императора Петра третьего. Капнист. Соч. II, 1960.

Послезавтрее (ея, ия): Послѣзавтрее возвращусь через Амстердам в Гагу. Б. И. Куракин — Г. И. Головкину, 1713 г. (Арх. Куракина, VI, с. 163); . . . о том пришлю ведомость послезавтрея на обыкновенной почтѣ. В. В. Степанов — П. П. Шафирову, 1707 г. (ПБП VI, с. 574); Послѣ завтриа ‘übermorgen’. Копиевский. Номенклатор. 1700, с. 18.

II. Наречия и наречные сочетания со значением срока, временного предела в ближайшем будущем.

Значение срока выражается в определенных контекстах наречиями и наречными сочетаниями *на завтрѣ*, *на завтрее* (*на завтрие*, *назавтрея*):

---

[10] Санжарова В. П. Лексико-семантическая и структурная характеристика наречий в южнорусских говорах (на материале говоров Воронежской области). Самарканд, 1972, с. 21; см. также: Словенникова Г. С. Из истории наречий. Наречия по данным великорусских текстов XVI—XVII вв. Орел, 1961, с. 29.

На завтрѣ: И звать к себѣ на завтрѣ в гости. Осипов. Вергилиева Энеида, 1796, ч. IV, с. 52.

На завтрее: . . И мы велимъ собрать на завтрее до света всѣхъ людей сколько надобе. Посольство Жир.-Засекина, 1600—1601; Моршалокъ Торстенсонъ со всѣмъ своимъ воискомъ пришел под городъ Леун борхъ. а на за[в]трее придет под Сварбархъ. . . 1644. ВК II, 43, л. 270; Густой туман в вечеру приходящей на завтрѣе дождь являет. Флоринова экон., 1738, с. 79.

На завтрие: На то жъ. дали. есмы грамоту и под нашею печатью завеситою. . . оу суботу по Михаилове дни. на завьтрие. Грам. слуги Панка кн. Скирик., 1387. Собол. Пташ. № 12.

Назавтрѣя: Назавтрѣя Купидон хотѣл меня весть во объявление. Тредиаковский. Езда в остров любви. 1730, с. 26. Елид Ибеца повелѣл мнѣ назавтрея изрядное и благородство мое изъявляющее зделать платье. Елагин. Прикл. Маркиза Г*, ч.II, 1757, с. 17.

Но, как и в говорах, значение срока более определенно выражается рядом наречных сочетаний, передающих дифференцированно значения 'до следующего, завтрашнего дня', 'к следующему, завтрашнему дню'. В материалах по русскому языку XVIII в. эти группы наречных сочетаний представлены очень выразительно. Приведем лишь некоторые примеры.

а. Наречные сочетания с семой 'до следующего, завтрашнего дня'. Они представляют собой ряд фонетических и орфографических вариантов трех основных сочетаний: до завтре, до завтрея, до завтрева.

До завтре (до завтря): . . естьли бы в Афинском сенатѣ писари или секретари челобитчикам не отказывали, что сего дня им недосуг, и не отлагали дѣл до завтре. . то и там столько бы челобитчиков не было. Эмин. Прикл. Фемистокла, 1763, с. 52; Парамон: Вѣдашь ты, дѣло та уж слажено; так до завтря к барину та. Влас: До завтря, сват, до завтря. Плавильщиков. Бобыль, 1792, с. 68.

До завтрея (до завтрее): Я всюды готов за тобою, и хотя до завтрея рад здесь дожидаться. Лукин. Мот. Соч., 1765, ч. I, с. 11; До завтрее. отложить, отсрочить. Лексикон Волчкова, 1764. Я это потерпеть до завтрѣе умею, а нынѣ прозбу я поважнѣе имѣю. Майков. Елисей. 1771, с. 14.

До завтрева (до завтрега, до завтряго): Скотинин: Я прошу тебя, сестрица, для такова празника отложить наказание до завтрева. Фонвизин. Недоросль, 1783, с. 6. Граф: Оставь до завтрега, я завтра по утру возьму его с собою. Колычев. Двор. купец. 1780, с. 125; При малейшем наклонении соперников на мир, не отлагайте окончания онаго до завтряго, поступая по 52 §. Державин. Проект устава третейск. совестн. суда. Соч. т. VII, 1801, с. 397.

б. Наречные сочетания с семой 'к следующему, завтрашнему дню': к завтрею, к завтрему, к завтраму.

К завтрею: . . а челобитчику сказать, что к завтрею изготовить. Посошков. Завещ. отеческое. 1708, с. 173.

К завтрему: Волдырев: Постарайся как можно, чтоб она меня к завтрему полюбила. Княжнин. Сбитенщик. Соч. III, с. 282;

Ступайте же, и припасайтесь И к завтрему приготовляйтесь. Осипов. Виргилиева Енеида. 1791, ч. II, с. 85.

К завтраму: Мы с приятелем подрядились поставить к завтраму оду. Зритель, 1792, ч. I, с. 148.

Таким образом, из сопоставления диалектных материалов XIX—XX вв. и материалов более раннего периода видно, что русские говоры сохранили в основном ту систему семантических полей и в значительной степени их лексический состав, которые уже были в русском языке предшествующего периода, в частности в непосредственно примыкавшем по времени русском языке XVIII в., а в отдельных случаях и ранее.

В самих говорах XIX—XX столетий могли происходить лишь частные изменения в этой системе. Они касались, главным образом, локальных или окказиональных образований, а также территориального распределения диалектных слов. Наиболее серьезные изменения эта устойчивая на протяжении ряда веков система начала претерпевать в современных условиях в силу общей тенденции к нивелированию говоров. Не случайно, по-видимому, некоторые из современных диалектных словарей не фиксируют те наречия, которые отмечались собирателями ранее.

III. Из истории наречия *заутра*.

Среди рассмотренных, весьма значительных в ряде случаев по составу, лексико-семантических групп наречий особое место занимает история слова *заутра*, которое исторически явилось краеугольным камнем данной системы. Как уже отмечалось, оно принадлежит к числу древнейших слов славянского фонда, о чем свидетельствуют, с одной стороны, данные ряда славянских языков, с другой, древнерусской письменности.

Ср. старосл. *заоутра* 'завтра', словенск. *zâjtra*, *zâutra* 'завтра утром', чешск. *zejtra*, *zitra*, словац. *zajtra*, др.-русск. *заутра*, а также белор. *заутра*, украинск. *завтра* (Преображенский, Фасмер).

Со словом *заутре* связано по происхождению русское *завтра* и ряд диалектных наречий.

Как одно из опорных в системе языка, оно активно функционировало в древнерусском языке, в том числе в церковнославянской письменности, причем употреблялось и как наречие, и как существительное.

Срезневский отмечает такие три наречные значения у этого слова:

'На другой день, на другое утро'. Заоутра призва Игорь слы и приде на холм, кде стояше Перун. Пов. вр. лет. 945 г. Бѣжаша на Сулу тое ночи, и заоутра на Гжинъ днь идохо к Бѣлѣ вежи. Поуч. Влад. Мон.

'Завтра'. Днь живи, а заоутра у гробъ. Поуч. Влад. Мон. И реимъ: аще не (подъступите) заоутра к городу, предати хотать людье Печенѣгомъ. Новг. I лет., 968 г.

'Утром, рано'. Заутра въставше от сна . . да млтву творѧть. Кормч. Моск. Дух. Ак., л. 37.

Ср. также *заутра* 'утро'. Бы͡ вечеръ и бы͡ заутра, дн҃ь ед҃инъ. Быт. I. 5 сп. XIV в.

Как было показано выше, первые два из интересующих нас старых значений у этого слова сохранились и в говорах. И это не случайно, потому что оно продолжало активно функционировать и в предшествующий период, в языке XVIII в. Его отмечают лексикографические источники XVIII в.: *за́втра, зау́тра* (Поликарпов. Букварь. Собр. имен., 1701, с. ПД); *заутра, завтра, завтрашний день* (Лексикон Волчкова, 1755, ч. I, с. 677), а также Словарь Академии Российской 1793 г. с пометой «церк.» Позднее эта квалификация его как «церковного» была повторена Слов. Акад. 1847 г. Вместе с тем это слово имело широкий выход за пределы церковного жанра как в языке XVIII в., так и в языке начала XIX в. Например: Кто нынѣ без милости злословит царей, сим заутра не может так добрѣ царствовати и может бесчисленно больше погрѣшити, ежели власть такую воспримет. Похожд. Телемаково. 1734, I, с. 137; Летит не возвращаясь время; Спѣша пороков свергнуть бремя Заутра смерть тебя ссѣчет, Во гроб заутра вовлечет. В. Петров, Соч. I, с. 194. Насыт͡ся, говорит (пахарь), насыт͡ся, милой вол, Заутра паки нам итти с тобою в дол. Зритель, 1792, II, с. 119.

Оно нередко встречается в языке лучших писателей первой половины XIX в. (Жуковского, Гнедича, Вяземского, Пушкина, Лермонтова, Полежаева): Увы! Заутра в красоте Опять сей день проснется! Жуковский. Двенадцать спящих дев; Громобой. Разлука с жизнью миг, заутра или ныне. Жуковский. Песнь Барда; Ныне осматривать поле пришел от судов я: Заутра Боем на город пойдут быстроногие мужи ахейцы. Гнедич. Илиада; Заутра новый бой. Окрепнем духом ныне. Вяземский. Молитвенная дума. 1821 (II, 254); Самозванец: Она меня чуть-чуть не погубила, Но решено: заутра двину рать. Пушкин. Борис Годунов; Заутра казнь, но без боязни Он мыслит об ужасной казни. Пушкин. Полтава; Вот смерклось. Были все готовы Заутра бой затеять новый. Лермонтов. Бородино. В последний раз она плясала. Увы! Заутра ожидала ее. . Судьба печальная рабыни. Лермонтов. Демон; Взойдет она, взойдет, как прежде, заутра ранняя звезда, — Проснется неба красота. Полежаев. Осужденный; позднее у Блока: Мой час молитвенный недолог, Заутра обуяет сон. Молитва.

Обращает на себя внимание, что в объяснении значения наречия *заутра* в лексикографических трудах нет полной последовательности. Так, в Словаре языка Пушкина оно поясняется «в наступающее утро, на утро следующего дня». Так же в Словаре Ушакова, Словаре современного русского литературного языка (1955 г.), Словаре русского языка (1957 г.) — «завтра утром». Однако в Словаре 1905 г. имеется более широкое толкование: *зау́тра* 'завтра, поутру, на следующее утро'. Приведенные выше примеры не противоречат такому его пониманию.

Широкое использование наречия *заутра* в языке художественной литературы первой половины XIX в. сделало очевидной ограниченность пометы при нем «церк.» в Словаре 1847 г. Поэтому Словарь 1905 г. уточнил ее, добавив помету «литер.» Позднее эти пометы уточнялись в Словаре Ушакова («книжн., поэтич., устар.»), в Словаре современного русского литературного языка 1955 г. и в Словаре русского языка 1957 («устар. и поэт.»).

Вместе с тем уже Словарь 1905 г., сопроводивший это наречие пометой «церк. и литер.», привел ряд диалектных материалов из севернорусских говоров — Волог., Перм., Вят., Арх., — вступая в противоречие с приведенной оценкой наречия.

Дальнейшее собирание и обобщение сведений по диалектной лексике позволили расширить представление о диалектном ареале слова. Словарь русских народных говоров, учитывая положение слова в системе языка, включил его в сферу своего рассмотрения и в дополнение к названной территории указывает еще Олон., Твер. (Калин.), Оренб., Симб., Моск., Иван., Том.

Таким образом, наречие *заутра* является одним из примеров того, как общерусское слово, функционировавшее длительное время в языке письменности, литературы и в говорах, постепенно утрачивало в литературном языке свои позиции, переходя в разряд слов диалектных.

О. Г. ПОРОХОВА

О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах

(ч. V. Некоторые особенности значений в диалектах)

Особенности семантики слов с неполногласием и полногласием в говорах не ограничиваются отсутствием здесь свойственного литературному языку разделения их значений: отвлеченные значения в литературном языке обычны у неполногласных, а конкретно-вещественные — у полногласных образований.[1] Диалектную специфику семантики слов этих гнезд можно отметить во многих других случаях. Она имеется даже в общих для литературного языка и говоров значениях.

В статье рассматриваются некоторые диалектные особенности основных и ближайших производных значений в гнездах слов с неполногласием и полногласием. Основным называется значение, которое является в настоящее время семантической основой определенного семантического центра гнезда — группы слов разных грамматических категорий, связанных общими семантическими элементами (линиями). Характер семантической производности и соотнесенности с основным значением некоторых ближайших производных может быть различен даже при его общности в литературном языке и говорах. Наличие диалектной семантической специфики возможно и у самих основных значений.

1. Одна из диалектных семантических особенностей слов анализируемых гнезд — более широкие, чем в литературном языке, и диффузные значения. Такие значения имеют неопределенный круг денотатов и в производных дают очень разное, иногда неожиданное и предельно конкретизированное семантическое развитие. В этом сказывается специфика диалектов как сферы разговорной речи, в которой вообще очень распространены слова с чрезвычайно общими значениями и со значениями, конкретизированными лишь ситуацией и контекстом речи.[2] Диффузные значения в диалектах

---

[1] Порохова О. Г. О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах, ч. III. — В кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976.

[2] Рассмотрение этого рода значений в разговорной речи литературного языка см.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 453 и далее. О таких значениях в диалектах: Коготкова Т. С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. — В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 303 и далее.

есть как у полногласных, так и неполногласных образований. Во многих случаях они являются общими для слов с той и другой формой корня, тогда как в литературном языке соответствующие им значения чаще есть только с одной из этих форм.

Основное значение гнезда *празд-/порож-* ‘пустой, порожний’ в литературном языке XX в. существует только у слов с полногласием (например, *порожний*). В говорах это значение встречается у образований с той и другой формой корня: полногласное *поро́жний* (а также с другим, диалектным, морфом *пороз- — порóзний*) и неполногласное *пра́здный* (последнее в этом значении известно в XIX в. и в литературном языке, сейчас оно там устар.). В отличие от литературного языка слова с таким значением в говорах употребляются не только по отношению к объемным предметам небольшого размера (порожняя кастрюля), но и более широко, т. е. в значении ‘свободный’. Например, слово с полногласием *поро́жний* (оно записано в Екатеринб. Перм., 1887. Пенз., Брян., Калуж., Орл., Дон., ПОС)[3] имеет следующее употребление: Вот где школа, тут было порожнее местечко, тут лавку построили (Брян.). Здесь возможно еще большее расширение его семантики. Оно может использоваться для выражения отсутствия чего-либо, что обычно бывает (или ожидается быть) внесенным куда-либо: *поро́жняя каша* ‘каша без масла’ (ПОС), *поро́жний чай* ‘чай без сахара’ (ПОС), *поро́жнее письмо* ‘письмо без сообщения о посылке денег, которое ожидалось’ (Мещов. Калуж., 1916). См. также *непоро́жняя* ‘беременная’ (Верхотиш. Ворон., 1852. Ворон.). Таким образом, это значение в диалектах достаточно широко и часто неопределенно. Даже для одного и того же слова оно конкретизировано лишь в контексте. Со значением этого семантического центра связаны диалектные существительные с очень конкретизированными значениями: *поро́жник* и *па́порожник* ‘пирог без начинки’ (Пск., Осташк. Твер., 1855), а также *порожня́нка* ‘лошадь без поклажи’ (Бурнашев — без указ. места).

Лишь немногим отличаются от этих значения образований с морфом полногласного корня *пороз-* (в литературном языке он отсутствует). Сл. *порóзний* означает не только ‘пустой, не заполненный’: Ты порозние-то кринки вымыть отдай (Волог.), но и ‘не занятый, свободный’ (о предметах большого размера): Все уйдут, порозна изба. Анбар-от порозен. Арх. См. также другие слова этого круга: *опорозня́ть* ‘опоражнивать’ (Крестец. Новг., 1902 и др. север. и зап. говоры. Вторую тарелку опорозняет. Прейл. Лит. ССР), *опорозни́ть* ‘освободить’ (о предметах большого размера): Дом-то я опорозню, жильцов выселю (ПОС). В этом же зна-

[3] В работе использованы материалы картотек Словаря русских народных говоров и Словаря говора дер. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. (Институт русского языка АН СССР, далее КОС и ДОС), а также картотеки Псковского областного словаря ЛГУ (далее ПОС). Более подробные сведения об этих картотеках см. в нашей статье «О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах», ч. I. — В кн.: Диалектная лексика. Л., 1970.

чении записано слово с неполногласием *пра́здный*: мешки-то праздные (Новг.). Слова *пра́здный* и *поро́жний* в наших материалах в близких значениях зафиксированы в одной диалектной системе, т. е. в одном населенном пункте одновременно. Однако характер обозначаемых ими объектов очень различен: Ящики были порожни, ничего в них не было. Облака, небо не праздное. Гдов., 1959 (ПОС). Образований с неполногласием в значении 'пустой' вообще значительно меньше. См. относящееся сюда слово *упразднúть* 'освободить' (Упразднить дом — освободить дом от жильцов. Яросл.). Ср. сл. *упразднúть* 'вылить' (Эту воду надо упразднить. ПОС), в значении которого имеется смешение объекта действия.

В гнезде *стран-/сторон-* в литературном языке от основного значения 'бок' производными для слов с полногласием являются 'местность, край (родная сторона)', а для слов с неполногласием — 'государство, страна' (страна Болгария). Эти значения здесь никогда не соединяются в словах с одним видом корня. В говорах значение 'местность, край' возможно в образованиях с обеими формами корня (при этом имеются дублеты). К тому же оно четко не отделяется от значения 'государство, страна', т. е. семантически неопределенно и широко. Сл. с неполногласием *страна*: Где-то был в теплых странах (ПОС). Я в людях был, знаю, как делают в хороших странах, я в Ростове жил (ДОС). Когда переворот получился, то старожители (отсюда) повыехали, наехали другие, с далеких стран (Амур., 1969). Сл. с полногласием *сторона*: Чужая сторона (общенародное, записано, например, во Влад., Твер.). Отметим переосмысление литературного слова *иностранный* в соответствии с кругом представлений сельского жителя прошлого. Оно имеет значение, связанное с семантической линией 'местность, край': *иностранный* 'не местный (о жителе)' (Калуж., 1910). С полногласием — *иносторонец* 'не местный житель' (Самар., Небольсин).

В гнезде *врем-* в диалектах есть сочетание *на моем време*, которое собиратель определяет как 'при моей жизни' (Колпаш. Том., 1964). Здесь значение слова *время* в сравнении с литературными более конкретизировано. В литературном языке в значении 'при моей жизни' употребляется сочетание *на моем веку*, что более соответствует характеру семантики входящих в него слов. Для слова *век* характерно достаточно определенное ограничивание обозначаемого срока, периода. Оно обозначает 'столетие', 'исторический период, эпоха', что логично связывается со значением 'жизнь' в сочетании *на моем веку* и подобных. По сравнению со словом *век* у значений слов на *врем-* границы обозначаемых ими периодов более неопределенны и разнообразны. Слово *время* выражает значения: 'продолжительность, длительность чего-либо, измеряемая секундами, минутами, часами' (среднесуточное время), 'период, эпоха', а также 'промежуток той или иной деятельности' (хорошо провести время, на короткое время и мн. др.). Надо сказать, что семантика указанного диалектного сочетания *на моем време*, видимо, еще более конкретизирована, чем считает зафикси-

ровавший его собиратель. Приведенная им цитата — *Это на моем време зачинали* дает основание полагать, что оно имеет значение не 'при моей жизни', а 'на моей (чьей-либо) памяти', т. е. 'в период жизни кого-либо, когда он сам был свидетелем чего-либо и еще помнит происходившее тогда', которое связывается с конкретным восприятием факта конкретной личностью. Интересно сравнить с ним литературное *в наше время*, обозначающее или ' в данное время' (в наше время так уже не делают) или 'в определенный (обычно активный) период жизни какого-либо поколения' (в наше время так не делали).

У слова *время* в говорах возможна очень узкая конкретизация значения в зависимости от ситуации. См. сочетания *на времени́(е́)* 'в последний период беременности' (Волог., 1902. Рыб. Яросл.).

В отличие от диалектов в литературном языке конкретизированные значения могут получать не отдельные слова, а целые группы слов гнезда. Иногда они имеют одинаковую приставку. В диалектах лексемы, имеющие эту приставку, могут относиться к разным семантическим центрам гнезда, часто вообще не ассоциируясь семантически с соответствующими литературными словами.

В гнезде *врем-* в литературном языке единую морфосемантическую группу образуют слова с корнем *врем-* и приставкой *со-* (современный, современник и др.). Основой их семантики является значение 'относящийся к одному времени, к одной эпохе с кем-, чем-либо'. В говорах слова на *соврем-* записаны в разных значениях, не связанных с семантикой литературных слов на *соврем-*, при этом их конкретизация не имеет единства. *Современно* 'впоследствии, со временем' (Арх., 1889) и *современью* (уд.?) 'когда-нибудь' (Олон., Якуб.), но *современно* 'при удобном случае' (Шенк. Арх., 1852. Арх.). Значения с ограничительным семантическим элементом возможны и в бесприставочных диалектных словах на *врем-*: *вре́менем* 'в определенное время' (Мещов. Калуж., 1896), *времённый* 'своевременный' (Смол., 1914), *времённо* 'своевременно' (Смол., 1914).

Вернемся к рассмотрению диффузных диалектных значений.

В гнезде *прек-/перек-* в литературном языке есть группа слов со значением 'возражать'. Оно представлено в образованиях с той и другой формой корня (книжн. *прекословить* и разг. *перечить*). В говорах ему соответствует более широкое и неопределенное значение. Например, слово *прека́вить* в одной диалектной системе может употребляться в значениях 'прекословить' и 'препятствовать физическими действиями' (Колым. Якут., 1901). В слове *прекосло́вье* соединяются значения 'замечание', 'несогласие' и 'упорство' (Шадр. Перм., 1846), в слове *пре́ка* 'упрямство' и 'сопротивление' (Колым. Якут., 1901). То же в словах с полногласием на *перек-*: *попере́чить* 'говорить или делать наперекор' (Я тебе ни словом, ни делом не поперечу. Ярен. Волог., 1847), *суперечить* в таком же значении (Я любила, Ты отбила. Я не суперечила. Зауралье, 1962). См. также *попере́чница* 'женщина, любящая спорить или делать наперекор' (Тихв. Новг., 1852. Ср. Урал). Однако в ди-

алектах есть слова, в которых имеется только один из этих семантических элементов. С одной стороны, здесь записаны слова *пере́чина* и *пере́чье* 'противоречье, спор' (оба в Осташк. Твер., Пск., 1855), *перепере́чивать* 'возражать' (Когда же я буду переперечивать — отец да сестра. Орл. Брян., 1907). С другой — *пере́чить* 'делать наперекор' (Пошех. Яросл., 1850. Твер., Волог., Вят., Костром., Арх., Перм., Орл., Ряз.), *попере́чничать* — в том же значении (Тыштып. Хакас. Краснояр., 1967) и семантически конкретизированное *пере́чить* 'делать назло' (Черепов. Новг., Даль).

Относящееся к гнезду *слад-/солод-* слово *солощий* в литературном языке имеет значение 'неразборчивый в еде'. В говорах его значение может быть шире. См. *соло́щий* 'прожорливый' (Черепов. Новг., 1910). Здесь есть и другие слова, относящиеся к этому семантическому центру. См. *солоща́вый* 'неразборчивый в еде' (Южн., Зап., Новг., Онеж., Волог., Симб., Даль). Вместе с тем значения слов соответствующего семантического центра в говорах иногда очень конкретизированы: *соло́ща* 'охотник до сладкого, лакомка' (Осташк. Твер., 1852), *соло́щий* 'любящий выпить' (о пьянице) (Волог., 1822. Яросл., Медвежьегорск. КАССР) и даже *соло́щий* 'жадный до коров (о быке)' (Ишим. Тобол., Арканов) и под.

Приведенные примеры дают основание утверждать, что диалектные значения слов с неполногласием и полногласием могут отличаться от значений слов соответствующих семантических центров в литературном языке диффузностью, неопределенным и ситуативным применением к разным денотатам в зависимости от конкретной ситуации. Вместе с тем здесь имеются очень узкие конкретно-предметные производные значения. Обратим внимание на то, что слова в таких значениях часто употребляются территориально ограниченно. (Естественно, что конкретизированные значения могут связываться в говорах не только с диффузными, но и с вполне определенными значениями. В наших материалах имеются бесчисленные доказательства этому). В отличие от говоров в литературном языке конкретизация значений не достигает степени индивидуальной предметности. Конкретизированные значения имеются здесь обычно не у отдельных лексем гнезда, а у целых, относящихся к нему групп слов, иногда связанных между собою использованием одной приставки. Диффузность диалектных значений слов анализируемых гнезд осложняется более частым, чем в литературном языке, употреблением в одном значении лексем с разными морфами корня или наличием одного значения в образованиях с обеими его огласовками.

2. Остановимся еще на одной семантической особенности слов с неполногласием и полногласием в диалектах.

Как уже было показано выше, в литературном языке сосуществование образований с двумя формами корня для одного семантического центра встречается реже, чем в говорах. Оно отчасти упорядочивается дополнительными различительными средствами. Кроме стилистического их разграничения (что было показано для

слов гнезда *прек-перек-*) таким различительным средством в литературном языке может являться, например, нормативное закрепление определенных значений за теми или другими лексемами, независимо от формы их корня. В говорах эти ограничения отсутствуют.

Например, в гнезде *глас-/голос-* в литературном языке производные от основного значения 'голос' различаются. У слов с неполногласием это — 'напев в церковном пении' (*глас*), с полногласием — 'голос в пении вообще' (*первый*, *второй* и т. п. *голос*). Однако семантика сложных слов с этими корнями не соответствует такому разделению. Часть сложений с полногласием (*голосный*) закрепляется за терминологией пения (*двухголосный*, *многоголосный*). Другая, также включающая полногласие составная часть сложений *-голосый* (без *-н-*) употребляется по отношению к голосу вообще, не только в пении: звонкоголосый, разноголосый, что соответствует основному значению гнезда 'голос'. Такое же значение имеют сложные слова с корнем в неполногласной огласовке *-гласный*: громкогласный, сладкогласный. Вместе с тем часть сложений *-глас* может быть в словах с другой семантикой (разногласие).

В говорах значение 'напев, голос в пении' имеется для слов с той и другой формой корня. Оно зафиксировано в образованиях с неполногласием *глас* (ПОС) и *прогла́ска* (Волог., 1894). Но слово с неполногласием *прогла́сица* имеет значение 'сила, звучность голоса' (видимо, не обязательно в пении) (Кадн. Волог., 1895). В одной диалектной системе со словом *прогла́ска* записано слово с полногласием *го́блос* в том же значении. В Костром., 1894 и Онеж. Арх. зафиксировано сочетание *петь в голося́нку* 'петь в определенной тональности, в тон'. В говорах имеются достаточно разнообразные производные от этого значения, представленные в словах с полногласием. Из них важно указать *на́голос* 'на известный мотив' (Смол., 1927). Записаны также слова, связанные с качеством голоса в пении, с подпеванием, с характером песен и под.

Таким образом, в отличие от говоров, в литературном языке закрепление значений за образованиями с определенным морфемным составом четко выделяет терминологическую лексику.

3. Еще одно семантическое отличие диалектных значений анализируемых слов касается их внутренней формы, что имеет место в двух случаях: когда производные значения от одного одинакового в литературном языке и говорах исходят из разных признаков общего для них денотата или когда в литературном языке слова с неполногласием (обычно приставочные) не обладают отчетливой внутренней формой, так как получили свое значение не в русском, а еще в старославянском или церковнославянском русского извода и семантические связи для них в русском отсутствуют. В говорах у таких слов может восстанавливаться внутренняя форма в соответствии со значениями входящих в них морфем. Иногда соотношение значения и морфемного состава слова в литературном языке и диалектах осложняется различием в употреблении приставок,

а также использованием в говорах другой формы корня, чем в литературном.

Первое проиллюстрируем следующим примером. В гнезде *врат-/ворот-* литературному сочетанию *оборот денег* соответствует диалектное *перевóрот денег* в том же значении (Покр. Влад., 1905—1921). В диалектах слово *переворот* соотносится с основным значением гнезда 'вращать, поворачивать' (ср. *перевóрот кишок* 'заворот кишок'. Слобод. Киров., 1950). В литературном, благодаря использованию в слове *оборот* приставки *об-* в значении 'двигать по окружности', в сочетании *оборот денег* подчеркивается цикличность обращения денег, что более точно выражает нужное значение.

Второе покажем на примерах, когда в говорах семантике слов с неполногласием и определенной приставкой, обособленных в литературном языке в гнезде семантически и потому имеющих неясную внутреннюю форму, соответствуют образования с полногласием и другими приставками. Внутренняя форма их достаточно отчетлива.

Например, в гнезде *праздн-/порож-* слову литературного языка *испражняться* соответствует диалектное *опорóжниться* в соответствующем значении (Перм., 1930). Оно отчетливо связывается с семантическим центром 'пустой'. В гнезде *врат-/ворот-* значению существительного литературного языка *отвращение* соответствует семантика глагола *переворотúть* 'опротиветь' (Пск., Осташк. Твер., 1855), который примыкает к семантическому центру 'вращать, поворачивать.'

Есть случаи, когда в диалектном слове по сравнению с литературным другой является только форма корня, а приставка остается той же. Так, в гнезде *врат-/ворот-* литературным неполногласным *возвратить, возвратиться, возвращение* в говорах соответствуют слова с полногласием и той же приставкой *возворотúть* 'возвратить' (Великоуст. Волог., Баженов. Волог., 1902. Ворон., Том.), *возворотúться* '*возвратиться*' (Новг., Афанасьев — в сказке. Симб., Том.), *возвóрот* 'возвращение' (Петров. Сарат., 1960—1961). Они имеют более ясную внутреннюю форму, чем слова литературного языка, так как семантически соотносятся с общенародным бесприставочным словом в полногласной огласовке *воротить* в том же значении и некоторыми диалектными словами этого семантического центра как бесприставочными, так и приставочными. См. *ворочáть* 'возвращать кого-либо куда-либо' (Зубц. Твер., Афанасьев — в сказке. Орл., Перм., Том., Куйбыш., Смол., Новг., Арх.), несколько слов в значении 'возвращение' : *воротúща* (Арх. Арх., 1857. Арх.), *вóрот* (Мосал. Калуж., Добровольский), *вóроть* (Тулун. Иркут., 1924), *воротя́та* (Пинеж. Арх., 1858. Арх.), сочет. *без воротя́ты* 'безвозвратно' (Арх., 1850), *без воротúща* в том же значении (Холмог. Арх., 1907). См. также сочет. с приставочным словом *без отвóроту уйти* 'уйти безвозвратно' (Помор. Арх., 1855. Пск.), *изворáчивать* 'возвращать' (Лебед. Тамб., 1850), *вы́воротить* 'возвратиться' (Новг., Афа-

насьев — в сказке. Симб., Том.), *вы́воротиться* в том же значении (Перм., 1930), *за́ворбт* 'возвращение' (Ельн. Смол., 1899). Надо сказать, что внутренняя форма у некоторых из указанных диалектных слов также несколько затемнена, но это объясняется другими, чем в литературном языке, причинами. Если в литературном языке исчезновение внутренней формы связано с тем, что слово не имеет здесь соответствующего бесприставочного с той же формой корня и принадлежит по значению той же семантической линии, то в говорах ее затемнению способствует невыразительность различия значений слов с разными приставками и приставочных с бесприставочными.

Здесь же укажем случаи, когда внутренняя форма, отчетливая в диалектных словах с полногласием, как бы помогает восстановить внутреннюю форму некоторых диалектных слов с неполногласием, близких по значениям к литературным.

В гнезде *врат-/ворот-* в литературном языке слова с неполногласием и приставкой *раз-* образуют обособленную семантическую группу с общим значением 'низкий моральный уровень отношений, поведения' (*разврат*, *развратный*, *развратить* и под.). В говорах к этому семантическому центру примыкают слова с обеими формами корня и разными приставками. К литературному *развратить* есть прямой дублет в полногласной форме *разворо́тить* в том же значении (ПОС), а также дублетная к литературной, но отличающаяся по значению лексема *разворбт* 'семейные неурядицы, раздор' (Дон., 1897). Эти слова можно рассматривать как образования, связанные, с одной стороны, с существующим в диалектах у слов с полногласием и приставкой *раз-* значением 'разламывать, разрушать' (см. *разворбчить* 'разрыть' — ПОС), с другой — с семантикой иноприставочных: *заворбт* — о беспорядке в доме (Зауралье, 1962) и *отворот* в сочетании пойти в *отворбт* 'начаться ссорам' (Свердл., 1964). *Разворо́тить* 'развратить' и *разворбт* 'семейные неурядицы' ассоциируются с первым из них благодаря наличию приставки *раз-*, обозначающей разрушение, нарушение чего-либо, а со вторым и третьим — благодаря возможности семантического сближения непорядка в вещах и отношениях людей. Таким образом, все указанные диалектные слова с полногласием представляют в гнезде более или менее семантически связанную группу, в какой-то мере соотносящуюся с литературными словами на *разврат-*. К ним примыкают и некоторые диалектные слова с неполногласием. Они имеют, как и литературные, приставку *раз-*, однако по значениям соотносятся с обеими семантическими линиями, упомянутыми выше для диалектных слов. См. *развра́тня* 'разврат' (ПОС), но *развра́т* 'вражда, ссора' (Покр. Влад., 1910), *разврати́ть* 'поссорить' (Судж. Курск., 1915), *развра́тный* 'разбивающий семью' (ПОС), *развра́тник* 'брань' (Уржум. Вят., 1882). Иначе говоря, в диалектах в гнезде *врат-/ворот-* есть группа слов, связанных по форме корня, наличию определенной приставки и семантике (или только семантике) с литературными словами семантического центра 'разврат'. Их

значения более расплывчаты, они имеют разные приставки, однако в отличие от литературных обладают сравнительно определенной внутренней формой.

В этой же связи интересны значения некоторых литературных и диалектных слов гнезда *треб-/тереб-*. В литературном языке слово с неполногласием и приставкой *о- отребье* употребляется преимущественно в своем переносном значении ‘отбросы общества, преступные, разложившиеся элементы’. Его прямое значение ‘отбросы, негодные остатки чего-либо’, непосредственно связанное с семантическим центром слов, имеющих полногласную огласовку корня ‘теребить, трепать’ (лен, пеньку и под.) практически не используется. Вследствие этого *отребье* семантически изолировано от других слов гнезда. Отсутствуют у него и морфемные связи с ними, так как приставка *о-* в других образованиях с неполногласием в гнезде не употребляется.

В говорах прямое значение, непосредственно связанное с основным значением гнезда ‘теребить, трепать’—‘остатки от щипания, теребления’, известно в образованиях с обеими формами корня, при этом там и тут с приставкой *о-*. С неполногласием: *отре́би* ‘отходя от чесания льна’ (Новосиб., 1966), *отре́быш* ‘пакля’ (Лапти из пакли плетут, отребыш называется — ПОС). С полногласием: *отребѝть* ‘ощипать птицу’ (Волог., 1883—1889. Арх., Север.) и мн. под., а также *отре́быш* в производном значении ‘что-либо изорванное’ (Тотем. Волог., 1852). См. дублеты *отре́бок* ‘оборванный человек’ (Яросл., 1918—1924) и *отре́бок* ‘плохо одетый человек; неряха’ (Уржум. Вят., 1882), а также *отре́быш* в том же значении (Вят., 1907) и производное семантически *отре́быш* ‘маленький худенький мальчик’ (Охан. Перм., 1930).

Таким образом, в говорах слову *отребье*, которое в литературном языке стоит в гнезде обособленно по своим семантическим и морфемным особенностям, соответствуют лексемы, входящие в круг семантически и по морфемному составу однородных образований гнезда, вследствие чего они имеют отчетливую внутреннюю форму.

В заключение укажем случай, когда слово с неполногласием и приставкой, затемненное в литературном языке с точки зрения своей внутренней формы, в говорах употребляется в другом значении, которое, связываясь с семантикой составляющих его морфем, обладает ясной внутренней формой. В гнезде *врат-/ворот-* слово *обраща́ться* в говорах употребляется в значении ‘поворачивать назад’ (Енис. Енис., 1903. Свердл.). Ср. лит. *обращаться* ‘поворачиваться в направлении кого-, чего-либо’; ‘совершать кругооборот’; ‘поступать, вести себя как-либо по отношению к кому-, чему-либо’ и ряд соответствующих производных. Из них лишь ‘совершать кругооборот’ достаточно определенно с точки зрения своей внутренней формы. В говорах слово *обраща́ться* соотносится с другими словами с неполногласием и приставкой *об-* в значении той же семантической линии: *обра́т* ‘обратный путь (Перм.,

1920), *обра́ток* в том же значении (Пск., Осташк. Твер., 1855) (ср. лит. *обратный*, *обратно*).

Рассмотренный в статье материал показывает, что диалектные слова гнезд с неполногласием и полногласием, входящие в одинаковые с литературным языком семантические центры, имеют специфику семантики, свойственную устным сферам языка в целом или обусловленную особенностями существования слова в гнезде, куда входят образования с двумя огласовками корня без четкого их нормативного распределения. Последнее проявляется в отсутствии в говорах присущей литературному языку нормативной закрепленности значений за определенными лексемами и неприятии ими литературных значений слов, имеющих неясную внутреннюю форму. Слова с неясной внутренней формой иногда внедряются в систему семантических и морфемных отношений, свойственных другим диалектным лексемам гнезда, что в некоторых случаях отражается на их семантике. В говорах им могут соответствовать семантически близкие лексемы с другой формой корня и другими аффиксами.

Взаимоотношение семантики слов с неполногласием и полногласием в говорах очень разнообразно и не отличается достаточной отчетливостью. Это объясняется не только тем, что диалектные лексические элементы одного гнезда употребляются на разных, отдаленных друг от друга территориях, но и тем, что в диалектах отсутствует кодифицированная норма, упорядочивающая семантико-морфемное соотношение неполногласных и полногласных образований.

И. С. КОЗЫРЕВ

Развитие и соотношение областной и литературной лексики со значениями 'мастер по ковке металла', 'помещение, в котором обрабатывается металл ковкой' в русском и белорусском языках

Прослеживание судьбы древнерусских слов-синонимов — дублетов — в формировании словарных составов восточнославянских языков дает в руки исследователя материал для характеристики древнерусских диалектов, их группировок; уяснения роли различных пластов древнерусской лексики диалектов в формировании каждого из восточнославянских языков, их разновидностей (литературных языков и групп говоров); определения различий в направлениях развития языка-основы, обусловивших раннюю оригинальность трех языков-потомков; выяснения путей расхождения и схождения в их развитии. В основном этим же целям служит изучение слов с тождественными значениями, в ранний период дифференцирующих восточнославянские языки, их диалекты. Сравнительно-историческое изучение формирования словарных составов восточнославянских языков имеет важное значение для вскрытия закономерностей развития этих языков в целом и каждого из них в отдельности.[1] Объединение задач изучения диалектологии и истории языка вполне оправданно.[2]

Обработка металла ковкой играла очень важную роль в производственной жизни восточных славян в древнерусский период, а также и во время образования русской, украинской и белорусской народностей и наций. Можно полагать, что названия мастера по обработке металла ковкой и помещения для обработки металла ковкой не были узкодиалектными: кузнечное дело предполагает преемственность, интенсивное распространение накопленного

[1] Задачи, условия выполнения, выбор проблемы подобного рода исследования детально описаны в статье: К о з ы р е в И. С. Развитие и соотношение областной и литературной лексики со значением 'внезапно' в русском и белорусском языках. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 113—115.

[2] Ср.: «Принимая во внимание единство науки о народном диалектном языке в современном состоянии и истории, представляется целесообразным выдвинуть в качестве основной проблемы для разработки в ближайшие годы проблемы диалектологии и истории языка в их взаимоотношениях» (А в а н е с о в Р. И. О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии. — Изв. АН ОЛЯ, 1964, № 6, с. 559; см. еще: К о з ы р е в И. С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970, с. 16—18).

опыта в пределах государственного объединения или крупного экономического района, скрепленного торговыми связями.

В современных славянских языках названия мастера по ковке металла не отличаются большим разнообразием: *кузнец* (русск.), *коваль* (укр.; *каваль* белорусск., *kowal* польск., *kowal* н.-луж., *kovál* (словац.), *ковач* (болг.; *ковач* македон., *ко̀ва̄ч* сербохорв., *kovač* словен., *kováč* словац.), *kovář* (чеш.).[3]

В данной статье нас интересует история русской и белорусской лексики. Обратимся к данным языка-основы. Здесь требуется сделать одно предварительное замечание. Если мы обнаруживаем то или иное слово в оригинальных древнерусских памятниках, то можем утверждать, что оно бытовало (было известно) в древнерусском языке. Если же мы не находим того или иного слова, то еще не можем категорически заявить, что оно не было известно древнерусскому языку, тем более если древнерусский язык мыслить широко, включая в него письменную и устную разновидности (в том числе и многочисленные территориальные диалекты). К тому же не удается исчерпывающе проверить наличие того или иного слова по всем даже выявленным памятникам письменности. Предположение об отсутствии того или иного слова в древнерусском языке нужно дополнительно аргументировать различного рода косвенными свидетельствами.

Вот данные древнерусских памятников письменности:

Кузньць:[4] Феодосии ше/дъ къ единомоу о(т) *коузньць*. повелѣ емоу желѣзо съчепи/то̄ съковати (Успенский сборник, л. 30б; см. также л. 116г).

Ковачь:[5] О *ковачи*. Аще безъ потребы углие губитъ... (Феод. Студ. Ост. 201, Срезневский, т. I, стлб. 1242).

Кузникъ:[6] и ляхы идяхӯ днь и во дн̄ь и оуноты и мастерѣ вси̯ции бѣжахоу ис татаръ. сѣдѣлници и лоучници. и тоулници. и *коузницѣ*. желѣзоу и мѣди и среброу (Ипат. л.—Гал.-Вол. под 1259 г., л. 281 об.).

Коваль: Замьчь *коваль* Леонъ. (Георг. Ам. 308, Срезневский, т. I, стлб. 1241). В древнерусских памятниках письменности отмочается единично, восходит к праславянскому периоду.[7]

---

[3] См.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, с. 334—336; древнерусские, устаревшие, диалектные русские и белорусские названия приводятся ниже.

[4] Слово *кузньць* образовано от слова *кузнь* 'металлические изделия' при помощи суффикса действующего лица *-ьць* (см.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках, с. 355).

[5] Слово *ковачь* образовано от глагола *ковати* при помощи суффикса *-ачь* (ср. *ткач*).

[6] Это название также образовано от именной основы *кузн'* — при помощи суффикса *-икъ* (см.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках, с. 355).

[7] См.: Там же, с. 334; в древнерусском письменном языке отмечается слово *ковальня* (СДР XI—XIV вв.), что свидетельствует о неизолированном положении слова *коваль* в лексико-семантической системе древнерусского языка.

Возможно, в древнерусском языке бытовало слово *ковьць* 'кузнец', так как отмечается слово *желѣзоковьць* (Срезневский, т. I, стлб. 852).[8]

В памятниках письменности древнерусского языка изредка отмечаются слова *кричь*, *кърчи* (*кърчии*, *кърчия*),[9] *вътръ*[10] со значением 'мастер по обработке металла ковкой' (см.: Срезневский, т. I, стлб. 434, 1412—1413).[11]

Самым типичным названием мастера по обработке металла ковкой в древнерусском языке было *кузньць*. Слово *коваль*, по-видимому, не было общенародным, а было локализовано; *ковачь* было книжным словом.

Не все древнерусские названия мастера по ковке металла приняли участие в формировании словарных составов русского и белорусского языков (см. ниже).

Древнерусское слово *кузньць* наследует русский язык.[12] Например: Да язъ, Филипъ Никитинъ *кузнець*. . . (Арх. Строева, 631. 1592 г.).

В белорусском языке слово *кузнец* почти не получает распространения. Нам оно встретилось в памятнике 1530 г. (Белорусский архив, с. 196); отмечен антропоним Артемъ *Кузнецъ* (Белорусская антропонимия, с. 228. 1577 г.). В современных восточных белорусских говорах наряду с *коваль* нередко отмечается слово *кузнец*. но в некоторых селах (пп. 4, 61, 93, 101, 292, 302, 306, 309, 310, 483, 534, 568, 570, 585, 602, 645, 647, 796, 838, 901, 911, 1013, 1015, 1024, 1027)[13] регистрируется только *кузнец*. В пунктах, где употребляются оба указанных слова, собиратели регистрируют комментарии, свидетельствующие о заимствовании, нетипичности слова *кузнец*: «редко», «изредка», «говорит молодежь», «позднейшее слово», «это русское слово», «говорят приезжие», «теперь говорят».[14] По-видимому, это слово получило распространение в восточных белорусских говорах под влиянием русского языка.

Древнерусское слово *коваль* 'кузнец' наследуется старобелорусским языком:[15]. . . а собе *коваля* старостою выбирали (Повесть

---

[8] Ср. составные аналогичные термины, бытующие в древнерусском языке: *кузнец железный*, *кузнец меди*, *кузнец серебру* (см.: Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937, с. 418).

[9] Слово *кърчи* считается тюркизмом (см.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках, с. 336).

[10] Это праславянское диалектное название (см. там же, с. 337—341).

[11] См.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, т. I, с. 83, 85.

[12] См.: Вакуров В. Н. Из прошлого русской терминологии. — Очерки по стилистике русского языка. Изд. МГУ, 1959, с. 137; Борисова Е. Н. Из истори бытовой лексики рязанских памятников XVI—XVII вв. АКД Рязань, 1956, с. 69, 443; Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 229—230

[13] Нумерация дается по работе: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, с. VI.

[14] Там же, с. 905.

[15] Слово *коваль* обычно в украинском языке (см.: Худаш М. Л. Лексика українських ділових документив кінця XVI—початку XVII ст. Київ,

о трех королях, с. 94»), *коваль* утек (Акты Минского суда, с. 161).

Слово *коваль* 'кузнец' переходит в новый белорусский язык (в литературном языке оно не имеет синонимов).

Древнерусское слово *коваль* в литературном (письменном) языке русской народности отмечается редко. Вот наиболее ранний пример: тако(ж) и *коваль* сѣдя бли(з) наковални. съгляда дѣло желѣза курение (Библ. Генн. 1499 г., 29). В XVII в. слово *коваль* в письменном языке употребляется исключительно редко,[16] иногда даже комментируется.[17] Судя по материалам Картотеки Словаря русских народных говоров, областных словарей и различного рода исследований, слово *коваль* 'кузнец' регистрируется в смоленских, брянских, орловских, курских, тульских, белгородских, вологодских, астраханских, тверских, костромских говорах. Наиболее компактное распространение это слово имеет на западе и юго-западе русской территории, т. е. в говорах, прилегающих к границам БССР и УССР, о чем можно судить на основании материалов, собранных для диалектологического атласа русских народных говоров (для V и VIII томов): слово *коваль* 'кузнец' бытует на широкой полосе вдоль границы с БССР, УССР; восточная граница его распространения намечается следующим образом: западнее Опочки, Невеля, Белого, Духовщины, Ельни, Рославля,[18] восточнее Новозыбкова, Стародуба, Трубчевска, Севска, Рыльска, Курска, Старого Оскола.[19]

Предполагать, что в указанных говорах слово *коваль* 'кузнец' является заимствованием из белорусского и украинского языков, вряд ли возможно. Есть больше оснований считать, что оно беспрерывно употребляется здесь с древнерусского периода, белорусский же и украинский языки лишь затормозили его вытеснение словом *кузнец*, что объясняется не столько соседством и контактами указанных языков с русскими говорами, сколько вхождением многих западных и юго-западных земель в Литовское и Польское государства.

Древнерусское слово *ковач* было унаследовано русским языком и долгое время было синонимом к слову *кузнец*, но употреблялось несравненно реже. Его находим в разговорнике XV—XVI вв.:

1961, с. 54, 59—61); П. Берында слова *ковачъ*, *корчій* толкует словом *коваль* (см.: «Лексикон словеноросский Памви Беринди». Київ, 1961, с. 54, 55).

[16] Так, С. И. Котков в большом количестве южнорусских памятников XVII–начала XVIII вв. встретил лишь два случая его употребления, да и то один раз в антропониме (см.: Котков С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 230).

[17] Старобелорусское слово *коваль* московский переводчик XVII в. протолковал: *ковалю*, сіирьчь *кузнецу* (см.: Лаппо И. И. Литовский статут в московском переводе — редакции. Юрьев, 1966, с. 349—350).

[18] Восточнее перечисленных пунктов слово *коваль* 'кузнец' отмечается очень редко: пп. 185, 404, 551, 554, 557, 668, 750 (нумерация пунктов здесь и далее дается по «Приложению (картам)» к книге: «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962.

[19] На других территориях, картографируемых в VIII томе, слово *коваль* 'кузнец' отмечается очень редко: пп. 111, 130, 223, 232, 277, 309, 328, 423, 428.

мѣдныи *ковач* (Тонкословие, с. 12), *ковач* (там же, с. 12), *ковач* железу (там же, с. 29); Стоглаве : Ино одѣяние купцу и ино златарю, ино желѣзному *ковачю* (Стоглав, с. 180). В рукописном словаре XVIII в. оно толкуется: «*ковач* — р(усское) *кузнец*» (Лексикон XVIII в., с. 142). Оно как синоним к слову *кузнец* дается Э. Вейсманном (Лексикон Вейсманна, с. 275, 552).

В старобелорусском языке слово *ковач* 'кузнец' встречается чрезвычайно редко: Павел *ковач* ч(о)л(о)в(е)къ прихожи (Яблонскис, стлб. 21.XVI в.).[20]

В современных псковских говорах регистрируется слово *ковец* 'кузнец' (Даль, т. II, с. 128). Возможно, оно восходит к древнерусскому языку (ср. древнерусское желѣзо*ковьць*).

Другие древнерусские названия мастера по ковке металла не приняли участия в формировании словарных составов русского и белорусского языков.

Укажем на новообразования, позднейшие заимствования.

В некоторых севернорусских говорах регистрируется слово *ковальник* 'кузнец'.[21]

В словаре Поликарпова 1704 г. отмечается слово *железник* 'кузнец' (л. 105 об.). В старорусском языке XV в. находим слово *блехчи* 'кузнец': *Блехчи* бо и златаринъ . . . руду кождо по своему ремеслу делает.[22]

Проведенные наблюдения показывают, что в древнерусском языке еще не было выработано единого названия мастера по ковке металла. Это свидетельствует о значительной обособленности экономических районов Древней Руси, пестроте источников пополнения языка, его расслоении по территориальному признаку, бурном обогащении словарного состава письменного языка. Слова *кузнец* и *коваль* были локализованы и дифференцированы по сфере употребления, *коваль* было характерно для западных, юго-западных и северных земель, а слово *кузнец* хотя и было известно в указанных землях (может быть, кроме крайнего запада), но более употребительно было на востоке древнерусской территории, входило в структуру письменного языка.

В формировании словарных составов русского и белорусского языков приняло участие лишь небольшое количество соответствующих древнерусских слов: *кузнец*, *коваль*, частично *ковач* и, может быть, *ковец*. Книжное слово *ковач* было отодвинуто в пассивный запас словаря словами *кузнец*, *коваль*, в распространение которых впоследствии внесли определенные коррективы границы

---

[20] В украинском языке слово *ковач* 'кузнец' имело хождение (см.: А л е к с е е в а Т. Ф. Лексика и фразеология южнорусских грамот XIV—XV вв. Канд. дис. (Машинопись). М., 1956, с. 121; Г р и н ч е н к о Б. Д. Словарь украинского языка, собранный редакцией ж. «Киевская старина», т. II. Киев, 1908, с. 260).

[21] См.: Слово в народных говорах русского Севера. Изд-во ЛГУ, 1962, с. 70.

[22] Описание славянских рукописей Московской Синод. б-ки. Отдел II. М., 1866, с. 38. XV в.

государств народностей, сложившихся на развалинах древнерусского государства; на распространении названных слов сказались и различные судьбы земель, вошедших в состав русского государства лишь спустя значительный промежуток времени после распада древнерусского государства.

В современных славянских языках находим ряд названий мастерской, в которой обрабатывается металл ковкой: *кузня* (укр., белорусск. и диал. русск., болг.; польск. *kuźnia*, диал. чеш. *kúzňa*, *kúzeň*, валашское, ляшское *kuzňa*, ю.-чеш. *kouzeň*); *кузница* (русск., диал. болг., сербохорв. топоним *Kuznica*, ю.-чеш. *kouzničkа*); *ковальня* (диал. укр.); *ковáчница* (болг., макед.; сербохорв. *ковáчница*, словен. *kovačnica*), *kovarna* (чеш.), *шмытя* (диал. укр.); *vígenj* (диал. словен.; сербохорв. *вúгањ*; диал. ю.-чеш. *výheň*, словац. *vyhňa*).[23]

Обратимся к данным древнерусского языка. Единично встречающийся в древнерусском языке термин *кръчиинница* (*къръчиинница*) 'кузница' (Срезневский, т. I, стлб. 1412) русским и белорусским языками не был унаследован.

Слово *кузница* бытовало в древнерусском языке:[24] И гла ему братъ. келья си/*кузница* есть. единою млатомь. а второе самъ оударенъ будеши (Панд. Ник. Черн. XIV в., л. 172б). Его унаследовал лишь русский язык.

Слово *кузня* (*кузьня*) 'помещение, в котором обрабатывается металл ковкой' в древнерусских памятниках нам не встретилось, но нельзя утверждать, что оно отсутствовало в древнерусском языке: это общеславянское слово, имеющее локальное распространение. Слово *кузня*[25] наследуется старобелорусским и старорусским языками: Пры томъ же броваре *кузня*, драницами крыта (Яблонскис, с. 242), з *кузны* взяли молотовъ чотыри (АВАК, т. XXVI, с. 376. 1585 г.), Въ старомъ горшечномъ ряду отъ *кузни* по лѣвои сторонѣ (Кн. п. Моск. I, стр. 318. 1577—1578 гг.).[26]

Лексема *кузня* 'кузница' в русском языке не получает нормативности.[27] В русских говорах она употребляется широко, но в определенной локализации: курских, орловских, брянских, калужских, тульских, воронежских, липецких, рязанских, тверских, смоленских (КСРНГ).

---

[23] См.: Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках, с. 322—325.

[24] Слово *кузница* образовано от отглагольного существительного *кузнь* 'ковка', 'все кованое' при помощи наложения суффикса — *ница* со значением 'место ковки', 'место хранения кованого'.

[25] Слово *кузня* образовано аналогично слову *кузница*: наложением суффикса *-н(я)* на существительное *кузнь*.

[26] В старорусских памятниках слово *кузня* с указанным значением употребляется редко; в старобелорусских, напротив, см.: Марченко Е. З. Бытовая предметная лексика в старобелорусских памятниках деловой письменности XV—XVI вв. АКД. Вильнюс, 1965, с. 8—9.

[27] В произведениях художественной литературы это слово находим у ряда писателей: Н. Успенского, И. А. Бунина, Л. Н. Толстого.

Слово *кузня* 'кузница' в белорусском языке прочно закрепляется: вошло в новый литературный язык и употребляется в говорах.

Итак, термин *кузня* 'мастерская по обработке металла ковкой' в русских говорах локализуется на территории, язык которой после распада древнерусского государства некоторый период не получал четкой ориентации: определенно не примкнул в своем развитии ни к языку Северо-Восточной Руси, ни к языку так называемой Западной Руси, а позже претерпел различной длительности и интенсивности воздействие белорусского и украинского языков (главным образом в период нахождения ее под властью Литвы и Польши).

Укажем на названия, появившиеся в русском и белорусском языках после распада древнерусского языка.

В старобелорусском языке имело некоторое распространение слово *гамер* 'кузница'.[28] В русском языке XVII—XIX вв. находилось в пассивном запасе слово *ковальня* 'кузница'.[29]

Таким образом, есть некоторые основания допускать, что в древнерусском языке слово *кузня* 'мастерская по обработке металла ковкой' было локализовано на западе и юго-западе древнерусской территории, а слово *кузница* с отмеченным значением тоже не имело повсеместного распространения: на крайнем западе древнерусской территории оно не употреблялось, на востоке древнерусской территории имело широкое монопольное распространение, в центральной части древнерусской территории конкурировало со словом *кузня*.

Прослеживание истории слов, служащих для названия мастера по обработке металла ковкой и мастерской по ковке металла, показало, что слова *коваль* и *кузня*, с одной стороны, и слова *кузнец* и *кузница* — с другой, тесно взаимодействовали в истории формирования словарных составов русского и белорусского языков; эти пары были четко противопоставлены, что диктовалось характером их локализации в древнерусском языке, их некоторой дифференциацией по сферам употребления (слова *кузнец*, *кузница* были характерны для письменного и разговорного языка, а слова *коваль*, *кузня* — главным образом для разговорного). Закреплению слов *коваль*, *кузня* в белорусском языке способствовал польский язык.

---

[28] Из польского языка заимствовано (польск. hamer < нем. Hammer), см.: Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972. с. 78.

[29] Лексема *ковальня* 'кузница' отмечена в Словаре Поликарпова 1704 г., в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (т. II, с. 184); в древнерусском языке это слово выступало со значением 'наковальня': *ковалня* есмь (Пролог нач. XIV в., л. 135а. — СДР).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВАК	— Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1865 и сл., т. III—XIX.
Акты минского суда	— Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильна, 1912, т. XXXVI.
Арх. Строева	— Архив П. М. Строева, т. I—РИБ, т. 32. Пг., 1915.
Белорусская антропонимия	— Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966.
Белорусский архив	— Белорусский архив древних грамот. Минск, 1928, ч. II.
Библ. Генн 1499 г.	— Книги Нового и Ветхого завета, написанные в Новгороде. Книга Иисуса сына Сирахова XXXVIII. 1499 г.
Даль	— Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. I—IV.
Ип. л. — Гал.-Вол.	— «Ипатьевская летопись. Галицко-Волынская летопись». БАН, № 16, 4.4.
Кн. п. Моск.	— Писцовые книги Московского государства, ч. I—II. — Писцовые книги XVI в. Изд. РГО. СПб., 1872—1877.
КСРНГ	— Картотека Областного словаря. Институт языкознания (Ленинградское отделение) АН СССР.
Лексикон Вейсманна	— Э. Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон. . . СПб., 1731.
Лексикон XVIII в.	— Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Л., 1964.
Панд. Ник. Черн.	— Пандекты Никона Черногорца. XIV в. (ГИМ, Чуд., № 16).
Повесть о трех королях	— Повесть о трех королях-волхвах в западнорусском списке XV в. СПб., 1903.
Пролог нач. XIV в.	— Пролог сентябрьской половины, перв. четв. XIV в. (ГИМ, Син., № 239).
СДР	— Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Хранится в Ин-те русск. языка АН СССР (Москва).
Срезневский	— И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I—III. (М., 1958).
Стоглав	— Стоглав. Изд. 2. Казань, 1887 (1551 г., сп. XVII в.).
Строгоновские столбцы	— Строгоновские столбцы № 1—98. 1558—1570 гг. Хранится в ЛОИИ.
Тонкословие	— Речь тонкословия греческого. ПДП, т. 114. СПб., 1896.
Успенский сборник	— Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
Яблонскис	— Jablonskis K. Istorijos archyvas. Kaunas, t. I, 1934.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Слова со значением 'стоянка', 'стан' в русском языке

В современном русском литературном языке функционирует лексико-семантическая группа слов со значением места остановки, временного жилья за пределами населенного пункта (во время переходов, работы, экспедиций и т. п.). Это — *стоянка*, *лагерь*, *бивак* (*бивуак*), *стан*, *становище*, *становье*. Между этими словами намечается ряд различий семантического и стилистического характера, а также различий, касающихся употребительности и сферы применения, но обозначают они одно понятие. Так, по свидетельству «Словаря синонимов русского языка»,[1] *стоянка* — основное, наиболее часто встречающееся слово; *лагерь*, *бивак* и *бивуак* употребляются по отношению к многолюдной стоянке кого-либо, временному жилью во время походов, путешествий и т. п., слова *бивак* и *бивуак* свойственны книжной речи; *стан* употребляется преимущественно для обозначения временного жилья рабочих в период сезонных работ, жилья промысловых охотников и т. п.; *становище* и *становье* означают преимущественно стоянку кочевников, а также временное жилье промысловых охотников Севера и Сибири.

Эта лексико-семантическая группа прошла большой путь развития, в течение которого претерпела значительные лексические изменения и семантические сдвиги. В разные эпохи истории русского языка состав этой группы был неодинаков.

В древнерусском и старорусском языке для обозначения понятия стоянки, лагеря были известны слова *вѣжа*, *колымагъ*, *станъ*, *становище* (*становищо*), *обозъ*, *таборъ*, *товаръ*, *товарище*, *обедище*, *юртовище*. Некоторые из этих наименований сосуществовали, функционировали в одной языковой системе, образуя своеобразный синонимический ряд, обладая вместе с тем и специфическими чертами, присущими каждому отдельному члену ряда. Между ними происходили сложные процессы борьбы и конкуренции, в которых заметную роль играли и внутриязыковые закономерности, и обстоятельства экстралингвистические. В результате

[1] Словарь синонимов русского языка. Л., 1971, т. II, с. 507.

этих процессов отдельные лексемы ряда были вытеснены из лексико-семантической системы языка, выпали из его словарного состава или закрепились только в определенных сферах словоупотребления. Так, слова *юртовище*, *вежа*, *обедище*, *товарище*, *колымаг* перестали быть членами лексической системы русского литературного языка. С другой стороны, состав группы пополнялся новыми словами.

История лексико-семантической группы со значением временной стоянки, лагеря в русском языке начиная с его ранних периодов до наших дней представляет интерес и в общем и в конкретно-лексикологическом плане. На протяжении веков менялся состав лексем, входящих в группу, менялись их отношения друг с другом и их положение в группе (их значимость), менялась семантическая структура отдельных слов и всей совокупности в целом.

Характерной особенностью истории слов этой группы является то, что на всех этапах это была история определенным образом взаимосвязанных наименований, т. е. история лексико-семантической группы. Чтобы вскрыть хотя бы основные закономерности функционирования слов со значением стоянки, лагеря в русском языке, следует проследить историю каждого слова в отдельности, увязав его с историей других элементов группы. Эти взаимосвязи и отношения, все то, что входит в понятие системных связей, могут быть вскрыты и прослежены именно в процессе исторического движения лексического состава литературного языка и народных говоров. «Системность лексических явлений, — писал Ю. С. Сорокин, — связь между отдельными элементами лексики и их взаимозависимость обнаруживаются преимущественно при их историческом изучении, при исследовании их движения... Только историческое изучение лексики открывает надежный путь к выяснению ее системности, ее внутренних связей и внешних условий, способствующих установлению этих связей».[2] Системные связи прослеживаются и в фактах, относящихся к литературному языку и к разным говорам, хотя разные говоры по своей структуре и не обладают таким единством системы, как один говор или литературный язык. Однако нельзя отрицать и того, что говоры одного и того же языка в отношениях между собою и в отношениях с литературным языком обнаруживают много общего, как следствие их исторической общности, единства и особенностей их развития в условиях взаимодействия с литературным языком. Возможность и необходимость объединения задач исторического и диалектного изучения отмечались многими учеными. «Принимая во внимание единство науки о народном диалектном языке в современном состоянии и истории, — писал Р. И. Аванесов, — представляется целесообразным выдвинуть в качестве основной проблемы для

---

[2] Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90-х гг. XIX г. М.; Л., 1965, с. 20.

разработки в ближайшие годы проблемы диалектологии и истории языка в их взаимоотношениях».[3]

История древнерусских слов, составлявших одну лексико-семантическую группу, дает в руки исследователя материал для определения роли различных групп древнерусской лексики в формировании словарного состава русского языка, для характеристики закономерностей развития лексики литературного языка и народных говоров.

Изучение конкретных условий употребления слова в разные периоды его речевой жизни, определение исторических закономерностей изменения значений, связывающих судьбу отдельного слова с общим ходом развития всей лексико-семантической системы языка, — наиболее важные задачи историко-лексикологических исследований.

В статье предпринята попытка, насколько это позволяют материалы, показать эволюцию смысла указанных нами слов, изменение их содержания, процесс конкуренции, вскрыть динамику развития лексической группы и внутренние причинно-следственные связи.

Вежа. В значениях 'шатер', 'кибитка'; мн. вѣжи 'стан', а также 'башня' известно с древнейших времен. Как одно из наименований важного в Древней Руси явления слово широко представлено в памятниках письменности самых различных жанров и содержания и локально не ограничено в своем употреблении: Оугри. . . пришедше къ Днѣпру и сташа вежами (Пов. вр. л., 6406). Взяша бо тогда / у половцев / скоты и овцѣ и конѣ. . , и вежѣ с добыткомъ и с челядью и заняша Печенѣги и Торкы с вежами (там же, 6611).[4] В текстах клерикального содержания *вѣжа* употребляется в значениях 'помещение, заведение, где готовили вино, лекарства (зелье)' и 'род питейного заведения': Въ градѣ Дорогобужи нѣкаꙗ жена раба суща дѣлаша въ вежи госпожа своею въ дн҃ь ст҃го Николы (Иак. Бор. Гл., 131); Иже безъ времене идеть въ вежю или винницю развѣ повелѣнию строитель, да отлучиться день единъ (Феод. Студ. Ост.); Пътъ ѕ҃ ю годинꙋ и иде въ вежю и сварши зелїе (Жит. Феодул., 4).

Уже с древнейших времен *вѣжа* входит в состав топонимических названий; так, была известна *Бѣла вѣжа* — город Саркел: Ѡдолѣ Ст҃ославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлу вежю взя (Пов. вр. л., 6473); Идохомь к Бѣлѣ вежи (Поуч. Вл. Мон). Ср. современное *Беловежская пуща*. Слово известно всем славянским языкам: укр. *вежа* 'башня' (из польск.), бел. *вежа* 'башня', словац. *veža* 'сени', 'передняя', др.-чеш. *věž*, *věžě* 'башня', словац. *veža*, польск.

---

[3] А в а н е с о в Р. И. О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии. — Изв. АН ОЛЯ, 1964, № 6, с. 559.

[4] См. другие многочисленные примеры употребления слова *вѣжа* в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (СПб., 1893, т. I, стлб. 482—483).

wieża, в.-луж. *wježa*, н.-луж. *wjaža*, *jaža* 'дом'. В этимологии слова нет больших расхождений. А. А. Потебня возводит *вѣжа* к праслав. **věža*, **vězia* (от *vezǫ* русск. *везу*) 'дом', 'повозка на полозьях или колесах'.[5] Таким образом, за исходное значение слова *вѣжа* принимается 'дом-повозка', 'кибитка', 'перевозное жилище', 'передвижная башня'.[6]

В большинстве современных славянских языков слово сохраняется в составе литературного словаря. Ср. в украинском: «Вежа. 1. Высокое, узкое сооружение, которое имеет высоту значительно большую, чем ширину, и строится отдельно или как составная часть крепости, дворца и т. п. // Вышка для наблюдения и передачи сигналов; 2. Устар. Тюрьма, темница. // Заключение (тюремное); 3. Военн. Башня (танка, броневика)».[7] Отмечая праславянский (общеславянский) характер слова *вежа*, авторы «Лексики Полесья в пространстве и времени» [8] считают первичным, исходным значением его 'хата', 'дом', 'жилье'. Это значение было известно в белорусских текстах XVI—XVII ст. и сохраняется сейчас на границах славянского ареала ('жилье, его части — более или менее примитивное').

В современном русском литературном языке слово *вежа* неизвестно.

Другая судьба у слова в русских говорах, где оно зафиксировано в значениях: 'башня', 'каланча' (зап., Даль); 'каланча, вышка, место для дозора идущей рыбы' (черномор., Даль); 'шалаш, устроенный из жердей и покрытый хворостом и дерном; жилище саама' (арх., олон., мурман.); 'устроенная из жердей и удобопереносимая с места на место лопарская изба в летних погостах' (арх., Подвысоцкий); 'землянка' (кольск.); 'палатка', 'кочевой шалаш', 'балаган', 'кибитка' (арх., зап., курск.); 'шалаш охотника', 'вид легкой временной постройки из веток и пр.' (брян.); 'шалаш над прорубью для ловли рыбы на блесну' (черномор., Даль); 'рыболовецкая артель, ватага' (новг., Буслаев); 'ватага, рыболовецкий стан с шалашами на берегу' (черномор., Даль); 'грань, рубеж, межа' (новг.).[9] В курских и брянских говорах известны уменьшительно-ласкательные формы *вежка*, *вёжка*, *вежечка* 'шалашик', 'шалаш', 'балаган', 'сторожка'. Как свидетельствуют приведенные материалы, *вежа* сохраняется и в севернорусских и в южнорусских говорах, однако в основном слово известно в архангельских, новгородских и олонецких говорах и лишь спорадически в курских и брянских; последнее можно объяснить украинским и белорусским влиянием.

---

[5] Потебня А. А. К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. Варшава, 1881, т. III, с. 41—42.

[6] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 284.

[7] См.: Словник української мови. Київ, 1970, т. 1, с. 316.

[8] Лексіка Палесся у прасторы і часе. Под ред. В. В. Мартынов. Минск, 1971, с. 163—166.

[9] См.: Словарь русских народных говоров. Л., 1969, вып. 4, с. 94—95.

Таким образом, в говорах не только долго сохранялись древние значения слова *вежа*, но и развились новые, не известные древнерусскому языку. Развитие получили в основном значения, связанные с наименованием легких, временных построек-жилищ. Значения 'стан', 'место стоянки', отраженные в памятниках древнерусской письменности, фиксируются Далем на черноморском побережье. Это реликтовое значение не отмечается больше ни в одном из славянских языков.

Стан. Самые ранние письменные памятники свидетельствуют об употреблении термина *станъ* в значении 'стоянка', 'место остановки': Придохомъ на сътанъ и отрѣшихомъ врѣтища свою (Быт. XLIII. 21 по сп. XIV в.). С конца XII в. в оригинальных памятниках слово зафиксировано в значениях: 'подстава в пути', 'станок', 'стан', 'лагерь (военный)'; 'жилище', 'дом'; 'страна', 'предел'; 'округ', 'волостное деление'; 'постав на весах, куда кладут товар при взвешивании'; 'постоянство', 'отступление', 'нарушение' (Срезневский, III, с. 492—494).

Стан в современном литературном языке известен в значениях: 'место временного расположения, стоянки кого-либо, лагерь', 'место временного поселения полевых, охотничьих и т. п. бригад в период сезонной работы'; 'войско воюющей стороны'; 'общественное объединение', 'группа воюющей стороны'; 'в дореволюционной России — административно-полицейское подразделение уезда', 'полицейское управление в таком подразделении'.[10]

Разнообразнее и шире диапазон семантических филиаций и оттенков слова в русских народных говорах.

По записям XIX—XX вв. в русских говорах слово *стан* известно в значениях: 'остановка', 'стоянка'; 'место временной остановки, стоянки' (брян., 1961); 'место стоянки, ночлега и отдыха в поле во время полевых работ' (сарат., том., кемер., ворон., куйбыш., курск., яросл., урал., кемер., колым.); 'место ночлега в поле, в лесу': Мы далеко шишки в лесу колотили, а там *стан* был недалеко (том., 1965); 'временное жилище людей, работающих в поле (шалаш, землянка, балаган)' (южн.-сиб., 1858): Избушки хоть были в поле, *стан* назывался (новосиб., сиб., урал., челяб., перм., беломор., свердл., краснояр., волог., арх., астрах.); 'временное жилище, избушка рыбаков, охотников' (олон., Куликовский. Арх., беломор., волог., север., волж., ряз., алт., краснояр.), 'шалаш в лесу' (волог., 1892. новосиб.); 'лесная избушка' (прионеж., Шайжин), 'изба' (дон., Миртов); 'дом' (пск., Копаневич); 'раскидная походная палатка' (шатер?) — олон., Барсов; 'шатер' (дон., Миртов); 'место временного лова рыбы': «Постоянные же заведения, устраиваемые для того, называют ватагами и учугами (астрах., Опыт.); 'артель на рыбном промысле' (арх., Шейн); 'излюбленные места скопления рыбы' (арх., 1950); 'глубокое место в реке, озере, море': А рыбы ушли в глубокие *станы* (Рыбников, Песни); 'место стоянки рыбы, воров' (твер., Преображен-

[10] ССРЛЯ, XIV, стлб. 716—717.

ский, 1860); 'место зимовки лосей и кабанов' (Меньшов, 1861); 'логово диких зверей': Отыскать зверя на стану (Меньшов, 1861); 'лес': А устали, да в стану и заночевали (олон., Второе доп.); 'легкий сарай, крытое помещение для скота в осенние ночи и бури' (Арх., 1907, иркут.); 'место остановки обоза в пути для корма лошадей' (чаще называется «станок») (сиб., Даль); 'станция, где меняют лошадей' (также — *станок, заимка*) (северо-вост., 1822); 'утоптанное, величиною в тарелку, место, которое избирает себе каждый турухтанный самец для сражений во время токованья'; 'деревня из 20—30 маленьких изб, временных жилищ рыбаков на Кубенском озере' (волог., 1883); ср. обобщенное определение «стан, становище, станок, временный лагерь, транспортная станция, изба в лесу, приют, поселок рыбаков, охотников, удобное место для причала судов. Многие из таких временных станов превратились в постоянные селения, поэтому поселок, селение на Кольском полуострове, на побережье Белого моря и в Сибири называется становище» (Мурзаевы, 1959).

Известны производные от стан — *становище, станище*, зафиксированные самыми разными памятниками.

Становище 'стоянка', 'стан'; 'место стана'; 'остановка'; 'охотничья стоянка'. Первые два значения известны издревле по оригинальным памятникам. Эти значения полностью синонимичны значениям *стан,* хотя широта (частотность) употребления первого значительно меньше, чем второго: Суть становища еѧ [Ольги] и ловища и до сего дни (Пов. вр. л., 6454); И положиша и братья в церкви святою мученику, юже бѣ создалъ отець его Гюрги на Нерли, идѣ же бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба (Лавр., 6667); Онѣмъ же [купцам] ставъшимъ на нощьнѣмь становищи (Нест. Жит. Феод., 5); Се купи. . . и пожни, и хмельники, и перевесища, и становище (Новг. купч. XIV—XV в., 7).

Станище 'место остановки в пути'; 'пристанище', 'путевая мера'. Известно только по переводным клерикальным памятникам. Собственно говоря, слово не входило в состав наименований рассматриваемой группы.

Значительно шире круг производных, употребляющихся в говорах.

Станишка 'постройка для временного жилья' (Том., 1965); **станище** 'шалаш для косцов' (Киров., 1966—1969); **становать** 'останавливаться для ночлега во время лова рыбы': Становали на чужом берегу (Волхов и Ильмень, Шамахов.); 'ночевать' (волог., 1902; арх.); 'проживать' (Усьян.-Дмитр. Северо-Двин., 1928); 'пустовать'. . Дом станует (арх.,); **становье** 'временная стоянка в поле' (арх.); **станежник** 'муравейник' (каляз. твер., 1852); **станить** 'ухаживать за скотом'. Мирушки хорошо скотину станить (волог., черепов., Чайкина).

Широко распространено в говорах слово *станица* в значениях: 'становище', 'стан' (онеж., Былины, 1948); 'группа' (множество людей)', 'толпа' (онеж., пенз., моск., север.): *Станицей* идти: группой идти (онеж., печор., 1948); 'сообщество казаков' (дон.),

‘зимовая, легкая, конная станица’ (дон.); ‘группа животных одного вида’, ‘стая’ (ряз.); ‘стая змей’ (тул., курск.); ‘множество грибов, растущих рядом’ (ряз., волог.); ‘посольство’ (дон., Опыт); ‘казачье селение на Волге и Дону’ (Бурнашев); ‘волостное село’ (дон., Миртов).

Кроме того, широко распространены омонимичные с точки зрения современного языка значения слова *стан*: ‘ткацкий станок’; ‘часть женской рубахи’ и менее употребительные (узкодиалектные); ‘тиски для выжимания льняного масла’ (волог., 1883—1889); ‘состояние’ (псков., твер.); ‘стойкость’ (псков., твер.); ‘столб, поддержка, голбчик’ (свердл.); ‘комплект колес для телеги (четыре колеса)’ (вят., тамб., ворон., пск.); ‘полный плав сети’ (дон.); ‘четыре коровьих ноги, покупаемых на студень’ (дон.); ‘дом, занимаемый становым приставом; его резиденция’ (вят., ворон.); ‘стан’, ‘талия’ (твер.); ‘стан женской рубахи’ (яросл.); ‘большая льдина’ (арх.).

Лексема *стан* распространена на всей славянской территории с широким кругом значений,[11] что является свидетельством архаичности слова.

Конечно, не все значения, отмечаемые в славянских языках и их говорах, одинаково древни, но безусловно значения ‘стоянка’, ‘место остановки’ и связанные с ними — самые древние, первичные. Как раз они и сохранились в семантической системе современного русского языка (и в литературной и диалектных его разновидностях).

Товар. До XII в. слово занимало господствующее положение в ряду наименований военного лагеря, стана, стоянки, обоза. Но уже к концу XII в. позиции слова *товаръ* в этих значениях были поколеблены включившимися в эту лексико-семантическую группу терминами *станъ* и *колымагъ*.[12]

Производное от *товаръ* — *товарище* (мн. *товарища*) употреблялось в значении ‘стан’, ‘стоянка’ как абсолютный синоним производящего слова: Володимеръ же прииде въ *товарыщ* и посла бирючи по воискγ (в Л. — *товары*) (Пов. вр. л., 6501): Изъславъ же. . ., всѣдше на конь, гна до товарищь ихъ и види товарища (переправлено: товары) горѧща, и воротисѧ ипѧть (И., 6667).

Известно прилагательное *товарьныи* ‘обозный’: Бѣ же в короля полковъ ·О· и ·Г· полци... опроче поводныхъ конии и товарныхъ (И., 6660).

Оба производных в этих значениях также выпали из лексико-семантической системы русского языка уже в XIII в. В современных говорах эти слова также неизвестны.

С конца XII в. в группу включается заимствованное из тюркских языков *колымагъ* (оригинальные памятники) и *колымогъ*,

[11] Сводка значений слова в славянских языках приведена в книге «Лексика Палесся», с. 166—169.

[12] Подробнее о функционировании термина *товаръ* в древнерусском языке см.: Сороколетов Ф. П. Военная лексика в русском языке XI—XVII в. Л., 1970, с. 195—196.

www.ruslang.ru

колимагъ, *колъмагъ* (переводные памятники). Слово употреблялось в значении 'стан', 'стоянка'. Для XII—XIII вв. было характерно безразличное употребление типа: И возратишася во колымагы свои, рекше во станы (И. 6716). Кроме этого значения, слово имело и другое — 'шатер', 'палатка', которое следует считать первичным, по крайней мере на русской почве: Потъкноу Варакъ *колимогъ* си (Суд. IV, II по сп. XIV в.). Все случаи употребления слова в этом значении известны по переводным памятникам клерикального содержания. Этимология и пути заимствования слова не получили общепринятого объяснения. Кроме русского, слово известно и другим славянским языкам: сербск.-церковносл. *колимогъ* 'шатер', ц.-сл. *колимагъ* 'шатер', укр. *колимага* 'ломовая телега', *колимаг* 'шатер', бел. *каламажка* 'вид повозки (бричка, коляска, тележка)', др.-чеш. *kolimah* 'повозка', др.-польск. *kolimaga* 'повозка'.[13]

В современном русском литературном языке известно слово *колымага* в значении 'старинный крытый экипаж с высоко расположенным кузовом', 'тяжелая громоздкая и неуклюжая повозка'; 'двухколесная телега для перевозки тяжелых грузов' (ССРЛЯ) и уменьшительная форма от него — *колымажка*. Лексема *колымага* в русских говорах зафиксирована в значениях: 'свадебная повозка', 'свадебный поезд' (дон., сарат.); 'громоздкая неудобная повозка' (тул.). Производное *каламажка* 'небольшая тележка, особенно ручная на двух колесах', 'тачка' употребляется в курских и томских говорах. По реке Мсте зафиксирована словоформа *коломаха* 'фура' (род повозки), а в Донском словаре Миртова имеется слово *каламажники* 'поезжане — участники свадебного обряда'.

Таким образом, и в литературном языке, и в его говорах не сохраняется древних значений слова (из славянских языков только в украинском известно *колимаг* в значении 'шатер'). В других, в том числе в русском литературном и его говорах, слова, связанные с древним *колымагъ—колымогъ*, употребляются в значении 'род повозки' (в русском это формы *колымага*, *колымажка*, *каламажка*, *коломаха*).

В синонимические отношения с рассматриваемыми словами вступало также заимствованное *шатер* 'походная палатка', 'шатер'. В сочетании с глаголом *стати* (*стояти*) *шатры* оно образовывало терминологическое выражение со значением 'стать (расположиться) станом, лагерем': Блжныи же Борисъ, ꙗко же сѧ баше воротилъ сталъ бѣ на Льтѣ шатры (Иак. Бор. Гл., 67).[14] Слово известно укр. — *шатрó* 'палатка, навес'; словен. *šator* 'палатка'; *šatora*, *šatra* 'рыночная палатка'; болг. *шатор*, *шатър*, *шатра* 'шатер'; сербохорв. *ша̑тра* 'шатер', 'рыночная палатка', *ша̑тор* 'шатер'; польск. *szatr* мак. *szatra* 'цыганский шатер'. Заимство-

[13] См. различные гипотезы об этимологии *колымаг* в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (II, с. 291).

[14] См. многочисленные примеры употребления слова в «Материалах» И. И. Срезневского (1583—1584, т. III).

вано из тюркских языков, куда в свою очередь попало из иранского (*čadar*). Н. К. Дмитриев непосредственным источником русского считает казах., ногайск. *шатыр*.[15]

В современном литературном языке *шатер* имеет значения: 'легкое переносное жилище из ткани, кожи и т. п., сооружаемое обычно в виде конуса'; 'навес, матерчатый или деревянный'; 'потолок в виде купола'; 'навес, образуемый переплетением веток и листьев деревьев'; 'небо, небосвод'; 'кровля в виде высокой четырехгранной или восьмигранной пирамиды, увенчанная в церковных постройках главкой с крестом, в гражданских и военных — вышкой, флюгером и т. п.'; 'конусообразная сеть для ловли тетеревов или куропаток'; 'укладка или приспособление для сушки травы, снопов и т. п. в виде конуса'.[16]

В современных говорах сохраняется старое значение слова 'стоянка', но приобретшее специализированный оттенок. Так, по свидетельству Р. Липец, в форме мн. ч. *шатры* употребляется для обозначения промысловых становий, «возникших у самой воды, ближе к промыслу». Эти становья были обитаемы лишь часть времени в году. Застраивались эти места (становья) самыми примитивными жилищами: «маленькими бревенчатыми или дощатыми срубами под односкатной дерновой крышей, землянками; иногда же постройки этого рода на месте промысла или на пути к нему заменялись просто „шатрами“ — шалашами и заслонами из хвойных деревьев» (Р. Липец, 1950, с. 14/1, 432).

В значении 'шалаш' слово известно в новосибирских говорах: *Шатер* или *шалаш* называют, одно и то же ведь (новосиб., 1965); 'намет или обширная палатка' (Бурнашев, 1943); 'свод над очагом, иначе называемый колпаком' (Бурнашев); 'палатка' (новооск. курск., 1852); 'четырехскатная крыша' (ср.-амур., 1968) (другое название — *зонт*); 'четырехскатное перекрытие — шатром' (перм.); 'конусообразная установка жердей при закладке стога сена' (ю.-урал., 1968); 'широкий сруб в колодце, который врубается снизу основного сруба, более узкого' (ряз., 1955—1958); 'ловушка на птиц — род сети' (Бурнашев, том., новосиб.). Ср. также в языке фольклора: По Свиры-реки есть шатер быстер. . . поворот крутой, струя, водоворот, течение (?); Былины Печоры и Зимнего Берега, 1961: Винна речюшка Шатром полё пролегла. . . (ср. у Даля: *шатер* 'растение перекати-поле, Eypsophila paniculata (вят., Зеленин).

Вѣжа, *станъ*, *товаръ*, *шатеръ* находились между собой в синонимических отношениях в древнерусском языке до XIII в. Всем им было присуще значение 'стоянка', 'место стоянки', 'укрепленный лагерь' (в военном словоупотреблении); в конце XII в. синонимическая группа пополняется заимствованным

[15] Об этимологии шатер см.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958, с. 1231; Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. Лексикографический сборник. М., 1958, вып. III, с. 136.

[16] ССРЛЯ, 17, 1927—1928.

колымагъ. До конца XII в. трудно говорить о преимущественном употреблении какого-либо одного из слов в указанном значении. Может быть, *товаръ* и *станъ*, как наиболее общие обозначения места стоянки (укрепленного лагеря), отличались более широким и устойчивым употреблением, что способствовало сохранению последних и в современном языке.

С XV в. группа пополняется тюркским заимствованием *кошъ* 'стан', 'обоз'. Ср.: Сетеи и рожновъ и осок и собакъ бояромъ нѣ дѣржать, и колодевъ и кошовъ не ставити (Судебн. Казим. 1498., Рум. 659); И Нѣмцы кошъ свои поставиша опричь и молвиша: только де Русь ударится на кошь, и мы не выидемъ изо Псковскои земли (Пск., 1, 7011); см. также: Срезневский, 1, 1037. Время проникновения термина на русскую почву, видимо, надо отнести к началу XV в., ибо производные от *кошъ* — *кошевыи*, *кошевныи* 'воин обоза', 'обозник' документируются памятниками середины этого столетия. Был известен и глагол *прикошовати* (*прикоштовати*) 'присоединиться к кому-либо (обычно к войску)': Великому князю Ивану слово мое от Брата своего Ямгурчея. . . к салтан Боязыт салтану посылал есми о том приказывали: ныне Ямгурчеи добръ и 70 000 рати нарядилъ, Ямгурчею прикоштовалъ (Сборн. русск. истор. об-ва, т. 41, с. 110).

Кроме восточнославянских языков (укр. *кош*, *кіш*, *кошовій*; бел. *кошеваць* 'разбивать лагерь'), слово известно польскому (*kosz*, *koszowy*). На русской языковой почве оно развило значения 'обоз', 'стан', 'казачий лагерь', 'стоянка кочевников', 'жилище кочевников'.[17]

В ССРЛЯ отмечено четыре значения слова *кош*: 'жилище кочевника'; 'кибитка', 'палатка'; 'летний временный стан', 'стойбище кочевников'; 'шалаш'; 'артель, ватага' и в старину — 'место пребывания запорожских казаков, сечь, а также временный казачий лагерь, бивак, военное братство в Запорожье'. Из этих значений и оттенков только два последних не имеют пометы «обл.» (известны как историзмы), остальные относятся к народным говорам. Эти значения широко распространены в диалектах. Так, в значениях 'стан', 'лагерь' слово известно в ворон., ряз., рост., уральск. ('место табора, остановки в дороге или на работе', 'в старину место постоянного жительства казаков'); 'род хутора, в который зажиточный скотовод переселяется весною со своим скотом' (терск., кубан., Водарский); 'летнее становище пастухов' (кубан., терск., 1905—1921); 'стоянка в поле во время работ' (дон.); 'место для обеда в поле' (дон., ворон., курск., яросл., кубан., новорос.); 'шалаш', 'пастушеское становище' (терск., дон., гребен.); 'легкая постройка вообще' (казаки-некрасовцы, 1969); 'полотняная кибитка', 'легкая юрта' (оренб., Даль); 'малая холостяцкая кибитка' (ю.-урал.); 'войлочное летнее жилище ко-

---

[17] Об этимологии слова имеются различные точки зрения. Большинство исследователей признают *кош* заимстованием из тюркских языков и рассматривают отдельно от исконно славянского *кошъ* 'корзина'.

чевников' (Хакассия, 1969); 'сборище людей': В этом доме кош воров (орл.).

Известно производное *кошук* 'шалаш' (яросл., 1959).

Большинство значений и употреблений *кош* является достоянием русских диалектов. По всей видимости, развились они в позднее время и преимущественно в районах, граничащих с тюркским населением, — на юге, Урале, в Сибири.

Нельзя, видимо, согласиться с утверждением Н. П. Гринковой о том, что в древности было одно слово *кошъ* со всеми значениями, и что только впоследствии, прежде всего в лексикографической практике, произошло разделение единой лексемы на два омонима.[18] Однако нельзя отрицать также и семантических связей, существующих ныне между рядом значений двух омонимов. Так, например, трудно определить, к какому омониму отнести значение 'шалаш' (шалаш всегда плетеный) и др.

Но в этом сказывается не первичное родство омонимов (его не было), а совпадение, близость семантического наполнения того и другого омонима. Когда эти омонимы сталкивались в языковой системе одних и тех же говоров, происходило взаимопроникновение их семантических структур, и они сливались в одно слово.

Следует также принять, что в старорусский период слово *кош* имело только три значения — 'лагерь', 'обоз' и 'временная стоянка охотника'. На русской почве появление слова и развитие его значений проходили не без влияния украинских письменных источников и украинского разговорного языка; оно было занесено на великорусскую почву из юго-западной Руси и не приобрело права гражданства на всей территории Московской Руси. Да и теперь слово известно главным образом в южных и юго-западных говорах русского языка. В памятниках Московского государства в соответствующих значениях предпочтительнее употреблялись *станъ*, *становище*, *обозъ*, *таборъ*, *юртовище*.

К XV же веку относится и начало функционирования в русском языке заимствованного из тюркских *таборъ* 'военный лагерь', 'боевое расположение войска, прикрытое обозными телегами'. Это значение широко представлено в исторической и художественной литературе на исторические темы. Судя по тому, что слово *таборъ* наличествует во всех славянских языках, можно считать его довольно ранним заимствованием. По всей видимости, в язык великорусской народности слово проникло из юго-западных областей, куда в свою очередь попало из украинско-белорусской языковой области.[19] Слово *табор* широко употребляется в современном русском языке. Так, в ССРЛЯ отмечено три значения слова: в России XV—XVII вв. — 'походное боевое расположение

---

[18] Гринкова Н. П. Об областных словах современного русского языка: *вблна* — шерсть, *кош* — корзина. — В кн.: Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1956, т. 122, с. 139—182.

[19] См. об этимологии слова: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV, с. 6—7; Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря, с. 43.

войска, прикрытое обозными телегами'; 'военный лагерь'; 'группа семейств цыган, кочующих вместе'; 'место стоянки цыган'; 'расположившаяся на временную стоянку большая группа людей'; 'место их расположения'.

В современных говорах известны другие значения слова: 'привал переселенцев', 'переносное селение' (Даль, IV, 385); 'большая группа людей, толпа' (семипалат. Каз. ССР, 1959; смол., 1958: Шли с работы табором); 'стоянка каравана', 'становище' (сиб., 1968); 'лагерь': Ну что же, возьмите, говорит, ее к своим таборам-то, палаткам-то (Ванилово, Бронницк. Моск., Каринский, 1936); 'место стоянки в поле, в лесу, на лугу (во время работы)', (тамб., Цветков. рост., амур.); 'сооружение в поле, полевой стан' (краснодар., 1965); 'место хранения колхозного инвентаря, цистерн с горючим': Муж на таборе работает, там сидит, работа не тяжелая (комарич. брян., 1961); 'открытое ровное место', 'луг': Табун собирается на табор, там гнуса нет (том., 1965); 'куча, скопление однородных предметов': Табор коек (том., 1963); 'штабель древесины' (том., 1961, новосиб.); 'скопление чего-либо (навоза, соломы)': Навоз в *таборе* (иркут., 1970).

В новгородских говорах известны *таборище* и *таборы* 'городище, место с остатками древних укреплений, вала, становища, военного стана' (Даль, IV, 385). В вятских говорах известны *таборить* 'свозить в одно место лес, дрова' (Вят., 1973); *табора* 'болтовня, сплетни' (Вят., 1973). В говорах получает развитие как раз неспециальная линия семантического изменения *табор* и его производных. Так, у слова появляются значения 'стая', 'табун', 'сборище': Табор оленей (стадо оленей) (арх., Даль). Глагол *табориться* в сибирских говорах означает 'табуниться', 'собираться стаями' (Даль, IV, 385).

Юртовище 'место стоянки артели'; 'стоянка татар (татарского войска).' Известно в этом значении с XIV в. по письменным источникам северо-восточной Руси (Никоновская, Симеоновская летописи, Рогожский летописец); слово совершенно не известно в памятниках западной и северной письменности. Вместе с русским *станъ* и *таборъ* юртовище одержало победу над синонимичным им термином *товаръ*, который полностью был вытеснен из группы обозначений стоянки, лагеря. Это произошло в пределах северо-восточной Руси. Однако *юртовище* также недолго удерживалось в русском языке.

Ср. употребление в Ник. л.: Обрѣтоша въ полѣ дворы ихъ повержены и шатры ихъ и вежи ихъ и юртовища и алачюги ихъ и телѣги. . . (1378), где *юртовище* выступает в одном ряду с древнерусским *вежа* и заимствованными *шатры* и *олачюги*.

Юртовище вместе с исходной формой *юртъ* в значениях 'род', 'родичи' и 'родовое владение' были довольно широко употребительными словами в языке московской письменности; они обозначали явления, относящиеся к жизни тюркского населения. Но уже в XVIII в. слова эти не встречаются, неизвестны они и в говорах.

Юртъ употребительно в южнорусских памятниках XVI—XVII вв. для обозначения поселения донских казаков: Отъ царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси на Дон, в нижние и верхние юрты, атаманам и казаком (Дон. Дела.). Употребительно и в Сибирских летописях: Учали [татары] жити в прежних своихъ юртахъ (С, 26).[20]

Обозъ 'досчатый подвижной городок': Облегоша весь градъ обозами (С, 35); Близъ же. . . града яко поприща два. . . повелѣ. . . поставити градъ, обозъ нарицаемы, иже некоего премудростию на колесницахъ устроенъ и къ бранному ополчению зело угоденъ и тамо повелѣ совокупити. . . воинство, и великие пушки и многие бранные хитрости (Ник., VII, 338).

Видимо, если говорить строго, слово *обозъ* ни в этом, ни в другом своем значении ('вереница следующих друг за другом повозок с кладью') не входило в лексико-семантическую группу обозначений места временной стоянки, лагеря, а лишь примыкало к ней, обозначая обстоятельство, сопровождающее устройство, оборудование места стоянки, лагеря. В семантике слова *обоз* были диффузно слиты, не дифференцированы представления о транспортных средствах для перевозки — телегах — и об укрепленном городке, лагере, стане, устраиваемом из повозок, поставленных тесно друг к другу. Ср.: Татарове взяша обозъ и тѣлѣги кованые утверженныя съ чепми желѣзными (Ник. III, 174); Облегоша весь градъ обозами (С, 35).

Уже было отмечено, что в языке московских памятников основным наименованием стоянки, военного лагеря было слово *станъ*, одержавшее победу в борьбе с синонимическими параллелями.[21] Наряду с ним употреблялись *становище*, *обозъ*, *юртовище*, *таборъ*. К XVII в. слова *товаръ*, *колымагъ*, *шатеръ*, *кошъ* выпадают из анализируемой лексико-семантической группы литературного языка, но продолжают линию семантического развития в различных говорах русского языка. Как можно заметить, не все слова, входящие в группу, принадлежат одному хронологическому срезу, не все они сосуществовали и входили в одну языковую систему. Поэтому естественно не все они находились сразу в отношениях синонимии и в лексико-семантических оппозициях.

На большую синонимичность древнерусской лексики и лексики русских народных говоров неоднократно указывали многие исследователи. Они отмечали существование двух, трех и более тождественных обозначений для тех или иных понятий или явлений. Часто, однако, синонимами называются слова, не сосуществующие в одной языковой системе как реальном языковом сознании определенного коллектива (разнодиалектные слова, слова литературные и диалектные, слова, функционировавшие в разные периоды истории языка, и т. п.).

---

[20] Порохова О. Г. Лексика Сибирских летописей. Л., 1969, с. 151.
[21] Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке, с. 194—200.

Материалы, приведенные выше, свидетельствуют вместе с тем о наличии в составе этой группы лексики синонимии в подлинном смысле слова. Слова, выступающие как синонимы, представляют собой явления системные, принадлежащие к одним изохронным группам лексики. Причины широкой синонимии, существования двух, трех и более тождественных обозначений для одного понятия или явления лежат в условиях формирования и развития языка, в диалектной дифференциации лексики, в отсутствии единых норм языка. Одной из решающих причин этого является слабая отграниченность специального словаря от остального словарного состава языка, нечетко выраженная специализация слов и их значений, что давало возможность последним вступать в синонимические связи и отношения с большим рядом лексем.

С другой стороны, нельзя забывать и тех случаев, которые возникают в речи и характеризуются неустойчивостью отношений, возникают в условиях контекста, зависят от ситуации. Что касается хронологического аспекта, то явления одного времени легко отграничиваются от соответствующих фактов иной эпохи.

В истории развития этой лексико-семантической группы проявляется действие системных связей и зависимостей. Группа развивалась как нечто целое, отдельные элементы ее всегда испытывали воздействие связанных с ними синонимических и прочих отношений с другими элементами лексико-семантического единства. История функционирования в русском языке рассмотренных слов может быть представлена как история развития лексико-семантической группы в пределах одной лексической системы, включающей понятия литературного языка и его говоров. В этой группе происходили замены одних элементов другими, происходило обогащение ее состава новыми словами, изменялась семантическая структура и фразеологическая сочетаемость слов, но все это происходило в рамках данной лексико-семантической общности как целого, в которой отдельные факты и явления существуют в тесной связи с этим целым и обусловлены зависимостью от него.

Конечно, диалектные лексико-семантические системы индивидуальны, история развития отдельных групп лексики в них или всей лексической системы говора представляет собой своеобразную картину. И все же можно наметить определенные общие тенденции развития лексико-семантических систем всех говоров русского языка.

Условия жизни и работы сельского труженика, рыболова, охотника, промысловика вызывали необходимость устройства временных стоянок, временного жилья и т. п. в местах работы и промысла. Сохранение старых наименований, перенос их на новые сходные явления и понятия в этих условиях представляются вполне понятными и закономерными. Изменения в диалектных словах исследованной тематической группы касаются разного рода семантических смещений и переносов — метонимических и функциональных, что приводило к еще более ощутимому укреплению позиций слова в диалектном языке.

Устойчивость местной лексики (определяется) зависит от устойчивости самих реалий, названиями которых являются диалектные слова. Это хорошо подтверждается судьбой (историей) слов рассмотренной тематической группы в русских народных говорах. В условиях крестьянского и ремесленного быта долгое время сохранялись без существенных изменений явления и реалии, ведущие свое начало из древнерусской жизни, тогда как эти явления и реалии или полностью ушли из общерусского «культурного» быта или дошли до нашего времени в настолько трансформированном виде, что потребовались новые средства номинации.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

О тунгусских словах в русском языке и его говорах

Известный русский лексикограф Филипп Иванович Рейф в своем двухтомном «Русско-французском словаре, или Этимологическом лексиконе русского языка» (СПб., 1835, с. 16) указал на связь русского слова *балаган* с персидским بالاخانه *balakhâne* — *балаханэ*, имеющим в современном персидском языке значения: «1) комната (на верхнем этаже), мезонин; 2) антресоли» [по старому определению «Персидско-русского словаря» М. А. Гаффарова (М., 1976, с. 92): «бельведер, комната над домом, верхняя комната»]; ср. также тадж. *болохона* 'верхний этаж, надстройка над домом; мансарда', и восходящим к словосочетанию بالا *бала* 'верхний' (тадж. *боло*)+خانه *ханэ* 'помещение' (тадж. *хона*). Материал другого лексикографического труда прошлого века — двухтомного «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» Лазаря Захаровича Будагова (т. I, СПб-, 1869, с. 236): «بالاخانه 'верхний этаж дома с террасой, бельведер', *балкон* (испорченное из персидского), кир. بالاغان 'навес, балдахин' (перешло и в русск. *балаган*)» — позволил этимологам говорить о заимствовании названия *балаган* русским языком не прямо из персидского языка, а через тюркское посредство. С этих пор во всех русских этимологических словарях существительное *балаган* прочно заняло место тюркского лексического элемента и устойчиво рассматривается как тюркизм.[1] Никто из писавших об этом слове почему-то не обратил внимания на то, что персидское بالاخانه *балаханэ* в тюркских языках не могло фонетически измениться в *балаган*; в тех немногих тюркских языках Средней Азии, где имеется это персидско-таджикское заимствование, оно сохраняет довольно близкую к персидско-таджикской форму: туркм. *балахана* (устар.) 'второй этаж (легкая надстройка над первым этажом)', киргиз. *балакана* (южн. диал.) 'балахана (легкая надстройка

[1] Эти сведения о слове *балаган* даже проникли в 1-е издание Большой Советской Энциклопедии, возможно из «Толкового словаря» В. И. Даля, где содержится общее указание на татарское (т. е. тюркское) происхождение слова. Столь же ошибочно и указание в 3-м издании этой энциклопедии на персидский источник.

над первым этажом, иногда в виде веранды)', узбек. *болохона* 'балахана (легкая надстройка над первым этажом), второй этаж'. Весьма характерные затруднения лексикографов в толковании этого слова видны из приведенных здесь толкований этого слова в двуязычных тюркско-русских словарях. Ср. авторское примечание Камила Акмалевича Икрамова по поводу этого слова в его повести «Круглая печать» (М., 1970, с. 220): «Дорогой читатель, я пишу „чердак", чтобы не затруднять вас узбекским словом „балахана". На самом же деле балахана только отчасти похожа на чердак, и возможно, что лучше назвать ее мезонином. Но и мезонин не вполне похож на балахану. Прямо не знаю, как и быть. Балахана — это второй этаж узбекского дома, иногда высокий и приспособленный для жилья, иногда низкий, используемый для хранения продуктов и вещей не первой необходимости. Короче, это и мезонин, и не мезонин, это и чердак, и не вполне чердак».

Этимологами не была принята во внимание также разница в значении среднеазиатского слова *балахана* и русского *балаган*: балаганом никогда не называется надстройка над первым этажом, и временная грубая наземная постройка нигде не именуется балаханой. Несмотря на довольно большую звуковую близость при весьма малом и призрачном сходстве значений (п о с т р о й к и, обозначаемые словами *балахана* и *балаган*, очень мало похожи друг на друга), эти слова, по-видимому, не могут быть возведены к одному источнику.

При поисках этимологии русского названия легкой временной дощатой постройки *балаган* важно учесть время и место его появления в русском языке.

Как показывают материалы выходящего сейчас фундаментального «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (вып. I. М., 1975, с. 67), существительное *балаган* впервые встречается в Сибири в конце XVII—начале XVIII в. Самое раннее употребление известно нам (в уменьшительной форме *балаганец*) по «Житию протопопа Аввакума им самим написанному» (1672—1673 гг.) при повествовании автора о его сибирской ссылке, где воевода Пашков опального протопопа, по его словам, «в засѣку пустилъ и указал мнѣ мѣсто. Такъ мы с робяты отгородились, балаганец сделавъ, огонь курили».

Чисто случайно исходная форма *балаган* известна нам с несколько более позднего времени (под 1706 г.) в «Памятниках сибирской истории XVIII в.» (кн. I. СПб., 1882, с. 251): «З балагана плетеныя, съ печми, въ нихъ живутъ работные люди».

«Словарь современного русского литературного языка» (т. 1. М.; Л., 1950, стлб. 252) сообщает: «Первый балаган для зрелищ был сооружен в Москве в 1702 г.». Однако это здание именовалось не *балаган*, а *театральная хоромина*.

Другие материалы картотеки этого словаря по употреблению слова *балаганъ* в памятниках письменности также связаны с Сибирью XVIII в. и встречаются в той же двухтомной публикации «Памятников сибирской истории XVIII в.» под 1710 г.:

«В прошлом же 709 году, будучи онъ Петръ на усть Камчаткѣ рѣкѣ, у Камчацкого моря, сбиралъ тебѣ великому государю ясакъ съ ясачныхъ и неясачныхъ иноземцевъ соболи добрые въ своемъ балаганѣ одинъ, безъ служилыхъ людей» (кн. I, с. 444). Под 1722 г.: «Для жилья работныхъ людей срубленъ балаганъ деревянной, не мшоной, лиственнишного лѣсу, шириною во всѣ стороны 7 аршинъ, вышиною аршина полтретья, покрыто дранницами» (там же, кн. II. СПб., 1885, с.240). В «Обозрении Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии, учиненном Сергеем Плещеевым» (СПб., 1787, с. 45) *балаганами* именуются жилища камчадалов: «Камчадалы. . . зимою живут. . . в подземныхъ юртахъ, лѣтомъ же въ балаганахъ, построенныхъ на столбахъ на подобіе голубятенъ».

Любопытно, что в первом издании «Словаря Академии Российской» (т. I. СПб., 1789, с. 87) слово *балаганъ* зафиксировано в двух значениях, и первое из них связано с камчадалами: «1) летнее жилище камчадалов, состоящее из шатра на столбах, в которое лазят по стремянке; 2) кровля или навес на столбах, под которою вешают рыбу на жердях для вяленья.» Во втором издании этого же Словаря (ч. I, СПб., 1806, стб. 88) сохраняются те же сведения: «1) летнее жилище камчадалов, состоящее из шалаша на столбах, в который лазят по стремянке; 2) кровля или навес на столбах, под которою вешают рыбу на жердях для вяленья».

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (т. I. СПб., 1847, с. 49) система значений слова значительно перестроена: «1) дощатый шалаш для продажи товаров на ярмарках; 2) сарай, в котором во время празднеств представляются разные зрелища; 3) землянка; 4) летнее жилище камчадалов, состоящее из шалаша на столбах, под которым вешают рыбу для вяленья». Здесь любопытна ошибочная контаминация двух значений первого издания «Словаря Академии Российской» в составе 4-го значения, обращает на себя внимание и знач. ‘землянка’, уже исчезнувшее в современном русском языке. Дальнейшая контаминация сведений о жилище камчадалов и о навесе, под которым вялят рыбу, отражена еще более ярко в «Энциклопедическом словаре» изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. II[а]. СПб., 1891, с. 781), где после подробного описания ярмарочных и театральных балаганов указывается: «*Балаганами* называются и шалаши, из которых охотятся на тетеревов, приманивая их чучелами, а также летнее жилище камчадалов, состоящее из шалаша на столбах, под которым вешают рыбу для вяленья».

В сочинениях Н. Г. Спафария (Милеску), относящихся к описанию Сибири, слово *балаган* отражено как основа для топонимов уже в 1675 г.: Одну протоку [Иртыша] называют мунгальцы и калмыки Уренгою, а другую Балаганъ (Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примеч. Ю. В. Арсеньева. Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., т. X, вып. 1,

с. 41); На правой сторонѣ острогъ Балаганской. А стоит при правомъ берегу Ангары (там же, с. 112).

Источник для русского слова *балаган* следует искать в Сибири. Таким источником являются тунгусо-маньчжурские языки, в тунгусской ветви которых наряду с широко распространенным словом *ǯ͡ǯ* [дж͡ж] не менее широко представлено в качестве названий жилища и его разновидностей слово *балаган*: эвенкийск. (тунгус.) *балаґан* 'жилище, дом; барак; чум из плах; шалаш'; эвенск. (ламутск.) *балаґан* (диал. *балаӽан*) 'жилище, дом (деревянный, бревенчатый)'; негидальск. *балаґан* 'жилище, дом (бревенчатый)', удэйск. (удэгейск.) *балака* 'жилище, дом (бревенчатый)', орокск. *бāлаґа* 'жилище, дом (бревенчатый); землянка'. Тунгусские слова имеют в других алтайских языках однокорневые соответствия (с другими суффиксами): ст.-монг. *balγasun*, совр. монг. *балгас* 'город', бурят. *балагааһа(н)* 'хлев (овечий)', др.-тюрк. *balyq* 'город'. [2]

Непрезентабельные жилища тунгусских народов, называвшиеся *балаган*, произвели впечатление на русских первопроходцев, которые усвоили тунгусское слово, но уже применительно к временному строению, плохо приспособленному для жилья.[3] Постепенно это слово, зачастую с некоторыми семантическими сдвигами, распространилось по всей территории, где говорят по-русски. Большую роль в распространении слова *балаган*, по-видимому, играли ярмарки, куда стекались толпы народу из разных, зачастую весьма отдаленных уголков России и где можно было видеть множество разного рода балаганов, возведенных для складов, лавок и театральных представлений. Сводный «Словарь русских народных говоров», издаваемый Институтом русского языка АН СССР, отмечает широкое распространение слова *балаган* для обозначения легких временных укрытий и строений во многих русских диалектах, но старейшая запись (1842 г.) относится именно к Сибири (вып. 2. М.; Л., 1966, с. 68—69), откуда оно и получило всеобщее распространение.

Разобранный пример со словом *балаган* хорошо показывает недостаточность ходячего тезиса о том, что заимствование якобы обычно связано с культурным влиянием, что заимствованные

---

[2] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975, т. 1, с. 68; Константинова О. А. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем. — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 232—233. — Следует заметить, что якутск. *балаґан* 'якутская юрта, построенная в виде усеченной пирамиды из тонких наклонно поставленных бревен', считавшееся источником тунгусских слов, само скорее должно рассматриваться как заимствование из тунгусских языков. Об этом, в частности, говорит его слишком узкое значение в противоположность более широкому значению 'жилище' у тунгусских слов. Бурятское *балгаан* 'шалаш, балаган' является, вероятно, русским заимствованием.

[3] Любопытно, что и русское слово *сарай*, пришедшее к нам из персидского языка через тюркское посредство, восходит к слову с более приличным значением: в персидском и мусульманских тюркских языках *сарай* значит 'дворец'. В эвенкийском языке русское слово *сарай* употребляется в значении 'крыша', как и в русских говорах Севера.

слова «из стран передовых передвигаются в более отсталые, обозначая, как вехи, пути культурного развития».[4] Случаи обратного движения также многочисленны. Можно привести еще один пример широкого распространения тунгусского слова для обозначения примитивного строения — *чум*, которое известно как название переносного жилища некоторых народов Северной Европы и Сибири, принятое и у русских. В русский язык оно, по-видимому, попало из удмуртского языка (*чум* 'клеть (для одежды)' в среднем диалекте), как правильно определено в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Удмуртское *чум* вместе с параллелями из других пермских языков (коми-зыр. *чом* 'шалаш, конура', коми-язьв. *č'um* 'амбар', коми-пермяцк. *чом* 'клеть; овин как мера при молотьбе') не имеет финно-угорских соответствий и не этимологизируется на финно-угорской почве.[5] Первоисточником пермского названия примитивных строений *чом*, вероятно, можно считать суффиксально расширенное тунгусское название жилища *ǯȳ* [д͡жӯ], как оно представлено в эвенкийском *ǯȳma* [д͡жӯма] 'юрта, покрытая замшей из лосины', в эвенкийском *ǯȳm* [д͡жӯм] 'юрта, чум конической формы».[6] В качестве передаточного звена выступали обско-угорские языки, где следы этого слова обнаруживаются в среднелозвинских говорах мансийского языка по старым записям венгерского лингвиста Б. Мункачи: *śum(-kwäl)* 'чум, чуман', также *śumэn* 'балаган'.[7] В связи с таким предположением версия о русском или коми-зырянском происхождении рассматриваемых мансийских слов должна быть признана устаревшей.

Ярмарочные балаганы способствовали не только популяризации их наименования в русском языке и развитию у слова новых значений, но и содействовали попаданию этого слова в другие языки: укр., белор. *балаган*; польск. *bałagan* 'неразбериха, беспорядок'; болгарск. *балага́н* 'временный барак; ярмарочный театр'.[8]

Если старые тюркские словари, в том числе и капитальный «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, не знают в этих

---

[4] Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, с. 174. — Это лишь частный случай среди так называемых «бродячих слов». См.: Добродомов И. Г. Бродячие слова. — Русская речь, 1971, № 1, с. 129—137.

[5] Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 309.

[6] Колесникова О. А. Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем, с. 226.

[7] Kálmán B. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961, S. 247; Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970, S. 160.

[8] Милев Ал., Братков Й., Николов Б. Речник на чуждите думи в българския език. София, 1970, с. 100. — Предположение авторов о турецком происхождении болгарского слова (тур. *balagan*?) повисает в воздухе. Справедливо считают русизмом болгарское *балаган* составители другого болгарского словаря редких слов: Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. София, 1974, с. 26.

языках и наречиях слова *балаган* (о единственном исключении — фиксации казахского слова *балаған* в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова речь уже шла), то сейчас оно часто отмечается новыми толковыми и двуязычными словарями современных тюркских языков, что свидетельствует о вхождении этого слова в тюркские языки из русского. Русизм *балаган* отмечен в следующих тюркских языках, зачастую повторяя и развивая многозначность русского слова: чуваш. *палакан* 'балаган' (А ш м а р и н Н. И. Словарь чувашского языка, вып. IX. Чебоксары, 1935, с. 81), татар. *балаган* 'балаган (в разных значениях)' (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, I. Казан, 1977, с. 116), ногайск. *балаган*, казах. *балаған* 'шалаш, покрытый травой' (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, I. Алматы, 1959, с. 86), кирг. *балаган* (сев. диал.) 'шалаш, легкий навес для защиты от солнца (обычно в поле)' (К. К. Ю д а х и н. Киргизско-русский словарь. М., 1965, с. 103), правильно указывается русское происхождение слова), гагаузск. *балаган* 'киоск, ларек, мясная лавка'.

Обращение к русско-тюркским словарям могло бы увеличить этот список, но эти данные использовать было бы труднее, поскольку семантика случайного там слова *балаган* в тюркских языках этими словарями не очерчивается.

Благодаря ярко выраженному сингармонизму слово *балаган* хорошо вписывается в тюркскую лексику и производит впечатление исконного слова, чем даже может вводить исследователя в заблуждение, как пришедшее во многие тюркские языки из русского языка очень тюркское по виду слово *атаман* ввело в заблуждение известного тюрколога Э. В. Севортяна, который сделал ошибочную попытку его этимологизации на тюркской почве.[9]

Через русское посредство слово *балаган* проникло и в ряд финно-угорских языков: коми-зыр. *балаган*, марийск. *балаган*, мордовск. *балаган*.

Не вполне ясно отношение русского слова *балаган* и ненецкого слова таймырского говора *бя̑лок*, *пя̑лок* 'балóк, передвижной домик, установленный на нарте, — деревянный каркас обтягивается брезентом или холстом и шкурами; заменяет чум'. Не отражается ли в нем искаженное русское *полог*?

Вопрос о вкладе тунгусо-маньчжурских языков в русскую лексику во всей полноте пока даже не ставился исследователями русского словарного состава. Весьма скромный список всего лишь из двух ламутских (эвенских) заимствований в русские сибирские

---

[9] С е в о р т я н Э. В. 1) Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 198; 2) Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 202. — Русское *атаман* возникло из более старого русского же булгаризма *ватаманъ* в результате падежно-предложного переразложения, как и в «укороченном» *Аршава* (*Варшава*). См.: Б о г о р о д и ц к и й В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд. М., 1939, с. 155. — Историю слова *атаман* см.: Д о б р о д о м о в И. Г. Атаман и гетман. — Русская речь, 1972, № 5, с. 110—114.

говоры привел А. М. Селищев в своей книге «Диалектологический очерк Сибири» (Иркутск, 1921): *алачики* ‘женская домашняя обувь’, *чеканить* ‘мочиться’ (см. А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968, с. 376). Более длинный перечень эвенкийских слов, проникших в русские говоры Сибири, привела Г. М. Василевич в своем «Эвенкийско-русском словаре» (М., 1958, с. 667): *ти́ска* ‘берестяная покрышка на чум, сшитая из трех вываренных берест’ (эвенкийск. *тыкса*); *рямужи* ‘ноговицы, гамаши на всю ногу’ (эвенск. *арамус*), *поня́га* ‘охотничья заспинная дощечка для ношения тяжестей’ (эвенск. *панāгэ*, *пōнāгэ*), *унты́* ‘мягкая меховая обувь’ (эвенск. *унта*). Последнее слово известно и русскому литературному языку, откуда оно проникло, например, и в якутский язык.[10] В книге И. С. Вахроса «Наименования обуви в русском языке», I (Хельсинки, 1959, с. 179—183) отмечается, что русскому языку наименование *унты* известно уже с начала XVII в. (самая ранняя фиксация, по картотеке «Словаря русского языка XI—XVII вв.», относится к 1624 г.), причем автор упоминает еще три эвенкийских заимствования из обувной номенклатуры: *омчуры́* (забайкал.) ‘короткие унты’, *ба́кари* (сибир.) ‘длинные унты’ и *арамы́зы* (вост.-сибир.) ‘гамаши-ноговицы’, причем последнее слово можно было бы сопоставить с упомянутым у Г. М. Василевич другим вариантом этого же слова *рямужи*. Нельзя обойтись без тунгусо-маньчжурского материала при объяснении происхождения колымского *сары* ‘непромокаемая обувь’ (ср. эвенск. *чāрӣ*, *сāрӣ*, *сāры* ‘непромокаемая обувь, обычно из нерпичьей кожи, бродни’ и т. д.) с его фонетическим вариантом *чары́*, причем в последней форме также обнаруживается влияние тюркского по происхождению слова *чарыки*, *чарки*, тоже обозначающего вид старинной обуви типа поршней, башмаков или даже полусапожек. Сибирское название замшевых башмаков *кенчу́ры* имеет параллели в эвенкийск. *кэн'этэ*, *кун'эту*, *кун'этэ*, *кэнчэ*, *hэн'этэ* ‘унты, обувь’, эвенск. *кэ́н'эчэ* ‘меховые чулки’, как и сибирское же *котенцы́* ‘теплая исподняя обувь из зайчины, вроде унт’ при эвенкийск. *кэтэнчэ* ~ *кэтинчэ* ‘меховой чулок’.

По-видимому, нельзя отделить от тунгусского (а зачастую и якутского) лексического материала следующие сибирские русские слова *бадаран* ‘трясина, никогда не просыхающее болото’, колым. *карги́н* ‘олень чукотский (дикий, оказывающий сопротивление при поимке, годен только для езды на нарте)’, охотск. *качемаз* ‘подсушенная, вяленая рыба, юкола’, сибирск. *лайда* ‘береговая отмель’, *ларга* ‘нерпа, тюлень’; *лахта́к*, *лафта́к*, *лавтак* ‘вид большого тюленя’ (эвенск. лақтақ; у М. Р. Фасмера считается темным словом), камчат. *мандара́*, *мандра* ‘выделанная и окрашенная ольховым корьём оленья или нерпичья шкура’, вост.-сиб. *мунда*, *мундушка* ‘рыба вьюн, гольян’; устар. *навыска* ‘поднятая, навышенная часть’ (?), сиб. *пимка*, *пинка* ‘булавка’ (?); *порса*

[10] Романова А. В., Мыреева А. А., Барашков П. П. Взаимодействие эвенкийского и якутского языка. Л., 1975, с. 159.

'рыбная мука', вост.-сиб. *са́йва, са́йба* 'амбарчик на сваях' (у М. Р. Фасмера только указание на заимствованный характер слова), сиб. *черкан* 'ловушка на мелкого зверя, самострел'; *шокур, шохур* 'сиг', *остбл, оштбл* 'палка для езды на собачьей упряжке', *ю́кбла* 'вяленная на воздухе и соленная в ямах рыба'. Важно выяснить историю этих слов не только в русских говорах Сибири, но и историю слов в языках сибирских аборигенов. Только тогда можно будет окончательно говорить об их первоисточниках. Обильный русский вклад в тунгусские языки также ждет еще своего исследователя.

Этот предварительный список тунгусо-маньчжурских проникновений в русский язык можно было бы дополнить названием сибирского пушного зверька *колонбк* Mustela sibirica вместе с сибирским диалектизмом *солонгбй* 'хорек' (оба из разных эвенкийских диалектных форм названия колонка *солонго — holонго*), колымским диалектизмом *ту́рка* 'легкие оленьи сани' (из эвенск. *турки* 'сани, нарты'), а также широко известным *шаман* с производными.

Остается спорным привлечение тунгусо-маньчжурского материала для этимологизации славянского названия *дыня* (Х. Шёльд) или русского *тундра* (М. Рясянен).

Обращение к материалам русских говоров, частично зафиксированных теперь в многотомном «Словаре русских народных говоров», позволит несколько увеличить список тунгусо-маньчжурских проникновений в русский язык. Частично эти слова уже выявлены русскими сибирскими диалектологами. Их только целесообразно собрать и систематизировать. Недавний выход в свет капитального «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» под редакцией В. И. Цинциус (т. 1—2. Л., 1975—1977) значительно облегчит выполнение этой задачи, тем более что в словаре обычно учтены русские сибирские диалектизмы, имеющие аналогии в тунгусо-маньчжурских языках.[11]

---

[11] Опыт анализа такого рода лексики см. в статье: В. Ф. Иванова. Об эвенкийских заимствованиях в русском старожильческом говоре Среднего Причунья Иркутской области. — Материалы и исследования по сибирской диалектологии (Докл. 7-й зональной конф. кафедр русск. яз. сибирских вузов). Красноярск, 1965, с. 70—77.

Н. Г. АРЗУМАНОВА

Семантическая структура глаголов со значением ‘бить, ударять’ в северновеликорусских говорах[1]

Лексико-семантическая группа глаголов физического воздействия со значением ‘бить, ударять’ в севернорусских говорах неоднородна по своему составу. В нее, кроме глаголов, общих с литературным языком, входят известные литературному языку (в толковых словарях литературного языка они употребляются с пометой «разг.» или «простореч.»), встречающиеся в других говорах, а также собственно севернорусские (в основном заимствованные из финно-угорских языков).

Просторечные слова ЛСГ со значением ‘бить, ударять’ рассматриваются нами как микросистема в системе диалектной лексики. «Если лексический состав диалекта изучается как определенная лексическая система, — пишет Ф. П. Сороколетов, — то общенародные слова и диалектные должны вовлекаться в исследование на равных правах, так как с точки зрения носителей говора диалектизмов не существует».[2]

Открытость, проницаемость диалектной системы, особенно на лексическом уровне, проявляется не только во взаимодействии диалектной лексики с лексикой литературного языка, но и во взаимодействии лексики разных групп говоров друг с другом. Так, в составе ЛСГ со значением ‘бить, ударять’ выделяются глаголы, встречающиеся в других говорах. Это лексемы типа *зудúть*, *зы́кать*, *убúть*, *набúть*, *кóкать* и др. Эту особенность диалектной лексики отмечал Ф. П. Филин в проекте «Словаря русских народных говоров» применительно к семантической структуре диалектного слова: «Поскольку диалектное слово распространено хотя и в различных, но близкородственных говорах единого русского языка, его значения всегда составляют единую семантиче-

---

[1] Материалы для анализа извлечены из картотеки Печорского областного словаря (хранится в Межкафедральном словарном кабинете ЛГУ), картотеки Словаря русских говоров Карелии и сопредельных смежных областей (хранится на кафедре русского языка ЛГУ), а также личных записей, сделанных в ряде экспедиций с 1966 по 1977 гг.

[2] Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 224.

скую структуру (если не произошло распадения на омонимы), позволяющую говорить об одном, а не о нескольких словах. Самостоятельно возникшие в разных говорах значения диалектного слова всегда имеют один источник, поэтому соотносятся друг с другом независимо от того, сохраняется непосредственный контакт между говорами или он утерян».[3]

В составе исследуемой группы глаголов выделяется пласт слов локально ограниченных, собственно северных. Это глаголы типа *бáнгать*, *рячкать*, *пазгáть*, *шúньгать*, *кóчкать*, а также группа глаголов на *-айдать*, *-андать*.[4]

В соотношении внутри лексико-семантической группы слов просторечных, разнодиалектных и локально ограниченных, собственно северных, проявляется одна из возможностей системного изучения лексики диалекта.

Системные отношения в диалектной лексике нашли свое отражение в исследовании тематических и лексико-семантических групп диалектной лексики. Начало такому изучению диалектной лексики было положено Ф. П. Филиным и успешно продолжается в настоящее время.

«Лексико-семантическую группу, — пишет Ф. П. Сороколетов, — можно считать своеобразной микросистемой, а словарь диалекта в целом предстает как система большего порядка, объединяющая эти микросистемы, которые взаимодействуют друг с другом, противопоставляются друг другу. Сложность и многообразие этих отношений и составляет во многом суть системных отношений лексики диалекта».[5] Такой микросистемой нам представляется лексико-семантическая группа глаголов со значением ‘бить, ударять’. «Глагольная лексика в силу категориального значения глагола, всегда потенциально указывающего на ситуацию, характеризуется наибольшим количеством синтаксических, т. е. бесспорно собственно языковых показателей».[6]

Описание ЛСГ предполагает построение ее компонентов в некоторой системе. В семантической структуре исследуемых нами глаголов (как и в глаголе *бить*,[7] который является ядром этой группы) значения взаимосвязаны, но не находятся в отношении иерархической подчиненности. Семантика этих глаголов будет рассмотрена в зависимости от объекта, на который направлено действие.

---

[3] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961, с. 148.

[4] Азарх Ю. С. О глаголах типа *улайдать—уландать* в северно-русских говорах. — В сб.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 203—210.

[5] Сороколетов Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике. — В кн.: Диалектная лексика. Л., 1978, с. 15—16.

[6] Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 104.

[7] Корнев А. И. Историко-этимологические разыскания в области семантики русских глаголов. АКД. Л., 1971.

1. Действие над неодушевленным предметом

Если действие направлено на неодушевленный предмет, глаголы исследуемой лексико-семантической группы употребляются в обобщенном значении ‘производить удары, ударять’.

Так как «многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами»,[8] то семантика этих глаголов будет рассмотрена с учетом их лексической и синтаксической сочетаемости. Синтаксическая конструкция может выступать как яркая дополнительная примета значения и как основной признак, в соответствии с которым дифференцируются значения.[9] На важность лексической и синтаксической сочетаемости при определении «смыслов» указывали многие исследователи (Котелова Н. З., Лукьянова Н. А., Шмелев Д. Н. и др.).

Чаще всего ударом каким-нибудь предметом о что-нибудь или во что-нибудь производят стук, шум. Цель производимого стука раскрывается всем контекстом. В этом случае глаголы имеют значение ‘ударами производить стук, шум, стучать’. Несов.: *бомби́ть, ба́чкать, бя́чкать, зы́кать, ло́майдать, ка́бундать, жа́рить, мя́кать, свиста́ть, сту́кать, стукота́ть, то́пать, ту́гондать, ты́ркать, хря́стать, ря́чкать, хо́зать.* Сов.: *ерзону́ть, ко́кнуть, колкону́ть, ме́снуть, хро́пнуть, хря́снуть.* Фчера́ бомби́ла ф стенку [девки разговаривали] бу-бу-бу, ника́к засну́ть не могла́ (Подп. Грибан); А па́рни дава́й по до́му ко́льями бя́чкать (Подп. Хевроньино); И ста́ла по стена́м бя́кать (Подп. Пелусозеро); Зы́кают — э́то стуча́т в две́ри, например, или инструме́нтом каки́м (Хабариха); И кто там в синя́х ка́бундает, я уш сполохалась (Подп. Важины); До́лго ходи́л [муж] мя́кал ф сте́ну (Плес. Усть-Поча); Са́нька, ты чем сви́шшешь (Медв. Черный Наволок); Не то́пайте дверьми́, спать не даете (Пуд. Песчаное); Туристы до 12 часо́в дверя́ми хо́зали (Кирил. Кленово); Не на́до две́рью ря́чкать (Степановская).

Значение ‘ударами производить стук, шум, стучать’ реализуется при определенной синтаксической обусловленности; глаголам в этом значении свойственно употребляться в конструкции типа стучать + во что-то: бомби́ть в стенку, зы́кают в двери, колкону́л в у́гол, мя́кал в сте́ну, стукота́ли в окно́; во что чем: ме́сне ф стол кулако́м; по чему чем: по до́му ко́льями бя́чкать; по стена́м бя́кать; чем: не то́пайте дверьми; две́рью ря́чкать, ту́гондать хло́пталкой; дверя́ми хря́стать; что: хро́пнула две́ри [она]. Иногда дополнение отсутствует, но легко восстанавливается из контекста: [Муж пришел пьяный] замо́к со́рвал, в ы́збу зашо́л, мимо [сразу] и поле́с две́ри лома́ть, зы́кал, зы́кал, мы заложы́лись (Верховская).

[8] Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947, с. 26.

[9] Котелова Н. З. Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре. — В кн.: Лексикографический сборник. М., 1957, вып. 1, с. 99.

Если стук производится в окно, дверь, то некоторые глаголы (*ко́кнуть, колону́ть, то́рнуть*) могут иметь значение ‘стуком дать знать о чем-нибудь’. То́лько ко́кнула бы в око́шко, я бы и откры́ла (Карг. Орлово); Я немно́шко колону́ла, то́рнула к ней, на тундру поезжа́ли (Великовисочная). В последнем контексте глагол употре́блен с эллипсисом дополнения, но оно легко восстанавливается из контекста. Это значение реализуется в конструкции типа стукнуть + во что. Глаголы *деря́баться, ко́лкаться, колоти́ться, ко́чкаться* употребляются в значении ‘стучать во что-нибудь, стуком выражать просьбу впустить’: Дак э́то Никола́й дира́бался в дверь (Пуд. Бочелово); Цё ли ко́цкаецца кто-то, две́ри-то зала́живаюцца (Карг. Орлово). Это значение реализуется в конструкции типа стучать + во что и без дополнения, так как сама ситуация предполагает, что стучат в дверь или окно.

Некоторые контексты показывают, что значения ‘производить стук, шум ударами’ и ‘стуком подать сигнал о чем-нибудь’ не всегда дифференцируются. Сравним контексты: Па́лкой жа́рили по о́кнам, на схо́тку зва́ли (Медв. Толь Бор); Хря́стаю ф сте́ну, кричу́, згори́те, а они́ не слы́шат (Конд. Кончозеро). Глаголы *жа́рить* и *хря́стать* в этих контекстах реализуют значение ‘ударом оповестить о чем-нибудь’ или ‘стуком подать сигнал’. Это значение выделяется по цели, с которой совершается удар, а цель присутствует в контексте, поэтому глаголы в приведенных примерах употребляются в значении ‘ударами производить стук, стучать’ — налицо значение удара.

Многие глаголы исследуемой группы имеют значение ‘с силой стукнуть, ударить’; *бя́кнуть, бя́хнуть, ко́кнуть, ко́лнуть, мячкону́ть, пазгну́ть, ря́чкнуть, сигану́ть, стрёкнуть, ту́кнуть, тя́пнуть, форкону́ть, хайдану́ть, щёлкнуть*. Как можно заметить, это значение реализуют глаголы с суффиксами *-ну-, -ону-* (*-ану-*), которые указывают не только на однократность совершаемого действия, но и на резкость, интенсивность такого действия: Усыпля́ла ёна́ робя́т, а ра́дио орёт, тогда́ взяла́ поле́но, да как сиганёт по нёму (Баб. Мамаево); Как те́пнет градови́ной, так и стекла́ нет (Кирил. Глухарево); Я топо́р снял, да как форкану́л им по берёзы (Выт. Мегра); Пришли́ мы да дры́ном мячкону́ли по стене́, дак они́ и вы́бежали на у́лицу (Прион. Суйсари); Горшо́к-то на го́лову наде́нут, хво́шшут по горшку́-то, па́згнут — разва́лицца горшо́к (Баб. Аксентьевское); Большу́шший ка́мень взял да ря́днул по бара́ку (Филипповская); Ли́сва па́ла да хайдану́ла ко́млем по нога́м (Нерица). Это значение реализуется в такой же синтаксической позиции, что и значение ‘ударами производить стук, шум, стучать’, т. е. глаголы в этом значении управляют конструкцией типа ударить + по чему, чем, что: *о́бухом по льду, дры́ном по стене, ка́мнем по бараку* и т. п. Иногда указание на предмет, которым наносится удар, отсутствует, но это легко восстанавливается по контексту. Ясно, что удар наносится каким-нибудь предметом, но это не влияет на семантику глагола.

Некоторые контексты позволяют выделить значение ‘ударять чем-н. гибким (кнутом, прутом и т. п.)’: Дру́шка кнуто́м хлы́шшет по посте́ли, мо́жет и по наро́ду жи́рнуть (Чуд. Дерева); В 12 часов идёшь на Ива́нов день, где-то тебе́ присни́цца клад, на счастливы огонёчек, как-то пруто́м хлы́шшут по э́тому ме́сту (там же).

В некоторых играх (лапта, бача, городки и т. п.) ударяют по мячу, баче — деревянной палке, которая используется в игре. В севернорусских говорах в таком случае чаще всего используется глагол *клеска́ть*, но наряду с ним *коло́ть*, *щелка́ть*; сов. *стрекну́ть*. Эти глаголы употребляются в значении ‘с размаха ударять (по мячу, баче и т. п.)’: У нас клёсканками игра́ли в мец, один поддава́т мец, а другой клёскат, клёсканка из дерева, один коне́ц плоско́й (Филипповская); Игра́ли в игру́, дак одни и́мут мец, а други́е клёскают (Белом. Ендогуба); Ба́ця есть больша́, поса́дишь, робя́та и клёшшут, с одно́й стороны́ ста́вят ба́чу, а з друго́й ко́лют (Замежное); Мяч шшелка́ли тако́й деревя́нной лопа́ткой (Медв. Побережье); Мяч подшшо́лкивают лопа́ткой, стрёкнут одним словом. Череп. Воскресенское. Это значение реализуется в конструкции типа ударять + что (чем, по чему). Синтаксическая конструкция глагол + дополнение в вин. п. обязательна, в то время как указание на орудие действия — чем — факультативно.

Как и глагол *бить*, многие глаголы употребляются для обозначения действий, связанных с производственным процессом. В отличие от глагола *бить*, который употребляется в основном в устойчивых сочетаниях, связанных с производственными процессами, типа *бить масло*, *бить лен*, *бить шерсть*, *бить печь*, в современных севернорусских говорах такие глаголы, как *бу́хать*, *зы́кать*, *колоти́ть*, *гвозди́ть*, *жа́рить*, *жба́нить*, *жва́рить*, *жмя́кать*, *жбгать*, *зы́бать*, *ко́чкать*, *ло́чкать*, *ко́кать*, *сади́ть*, *свиста́ть*, *хо́лкать*, *ря́чкать*, *пазга́ть*, *хвоста́ть*, *хря́стать* и др., употребляются для обозначения этих процессов.

Поскольку материал собран во время экспедиций, которые осуществлялись в летнее время в июле месяце, в текстах речь идет о производственных процессах, производимых в это время года. Одним из распространенных значений глаголов является значение ‘с силой ударяя по снопам, отделять зерно от колоса, молотить’. Чтобы подчеркнуть трудоемкость этого процесса, наряду с глаголом *молотить* употребляются глаголы *жбгать*, *гвозди́ть*, *пазга́ть*, *зы́кать* и др.: Вы́стелишь лён, да бу́хаешь кичигой (Череп. Гоша); Кици́га деревя́нна, цепо́ф не́ было, яцмо́нь зы́кали, колоти́ли (Замежное); Возьмёшь па́лку, да пойдёшь гвозди́ть по снопам (Тихв. Горки); Как зацнёшь жа́рить приуза́м, только жар идет (Карг. Шелоховская); Привусо́м жба́нили, колоти́ли лен, овес (Тихв. Липуя); Молоти́ло, ра́ньше фсё им молоти́ли, нацнёшь жа́рить, только знай подава́й снопы́ (Кирил. Енюково); Жмя́кать как зацнёшь курико́м, только шше́пки летя́т (Пуд. Гладкое); Пазга́ешь, коло́тишь, то́лько треск стоит, вот как молоти́ли

(Баб. Савинское); У́тро рани́ну таку́ю разбу́дят, цепа́ми молоти́ли, жо́гаем (Белоз. Чулково); Молоти́ли, четыре молоти́ла и жо́гаем (там же).

Это значение реализуется в конструкциях типа молотить + что (рожь, овес, ячмень, снопы); ударять + чем (кичигой, приузом, куриком, цепом, молотилом); по чему (по снопам): Иногда глаголы встречаются в безобъектном употреблении: пазга́ешь, коло́тишь, только треск стоит (Баб. Савинское); Цепа́ми молоти́ли, жо́гаем (Белоз. Чулково). При безобъектном употреблении подчеркивается интенсивность совершаемого действия, трудоемкость процесса.

Следует заметить, что часто эти глаголы употребляются в одном контексте с глаголом *молотить*. Этим подчеркивается трудоемкость процесса молотьбы, интенсивность совершаемого действия.

Обработка льна, шерсти для подготовки к прядению тоже совершалась вручную. Чтобы размять лен, шерсть, по ним ударяли специальным приспособлением. В значении ‘ударами размягчать, разминать (лен, шерсть)’ употребляются глаголы *бить*, *ко́чкать*, *хвоста́ть*, *хло́пать*, *хря́стать*: Пя́стку возьмёшь и хво́шешь лен, потом трепа́ть, потом цеса́ть (Пест. Усть-Кировское); Мя́лкой лен хря́стаем, полуца́ецца пове́сьма (Кирил. Ракула); Ко́чкат шерсть, шерсть я би́ла, ко́чкала (Медв. Пянтино). Это значение глаголов реализуется в конструкции типа ударять + что (чем). В данном случае синтаксическая обусловленность не входит в значение глагола, важную роль для выделения значения ‘ударами размягчать, разминать (лен, шерсть)’ играет ситуация и лексическое окружение (мялка, мнуха; другие процессы, связанные с обработкой льна — *чесать*, *трепать*).

Изготовление некоторых продуктов из зерна требовало раздробления, размягчения зерна в специальных ступах пестами. В значении ‘ударами разминать, раздроблять’ зафиксирован глагол *то́пать*: Овёс тоу́кли́ ф сту́пах, песта́ми деревя́нными то́пали туды́ (Медв. Побережье). Для глагола *топать* в этом контексте необычная сочетаемость — то́пать куда. Видимо, это связано с исходным значением глагола как глагола движения — сочетание *топать ногами* в просторечии ‘идти’. На неокказиональный характер глагола указывает его употребление в значении ‘у́дарами очищать от чего-нибудь’.

При изготовлении масла из семян льна семя также разминали в специальных ступах ударами песта: То́кали по се́мени льна́, штоп ма́сло бы́ло (Череп. Енюково). В этом контексте реализуется значение ‘ударами разминать, давить (масло)’. Как синоним к *бить масло* в значении ‘изготовлять масло, взбивая сливки, сметану’ употребляется на Печоре устойчивое сочетание *хвостать масло*: Преш хвоста́ли масло (Замежное).

Наряду с глаголом *бить* в значении ‘ударами очищать от грязи (при стирке)’ употребляются глаголы *жо́гать*, *клепа́ть*, *колоти́ть*, *ма́чкать*, *толо́чь*, *то́пать*, *свиста́ть*, *хло́пать*: Бельё-то ра́ньше то́пали, да только портяно́ (Пуд. Усть-Река); Вы́клеплешь бельё,

па́лицы были, хло́пают, кле́плют па́лицей (Медв. Лисицыно); Ф сту́пе ма́чкали бельё, пока щёлочь не выйдет (Прион. Ладва); Это бельё ф ку́цу поло́жат и сви́шшут па́лицей (Конд. Дианова Гора).

Это значение глаголов реализуется в конструкции с прямым дополнением ударять + что, иногда присутствует указание на орудие — чем (в основном палицей). В некоторых контекстах есть указание на предмет, в котором стирают бельё, тогда значение реализуется в конструкции что + в чем (в ступе.) Основной признак в значении — удар. Иногда этот признак выступает на первый план, и тогда только весь контекст указывает на способ стирки ‘ударами чем-нибудь по белью очищать от грязи’, а сам глагол имеет значение только ‘ударять’: Толку́т пла́тья ф сту́пе, так и жо́гают, жо́гают (Лод. Гонгиничи). Безобъектное употребление глагола усиливает интенсивность совершаемого действия.

Для обозначения действия, связанного с рубкой леса, дров, обрубанием сучьев с деревьев, в севернорусских говорах употребляется глагол *ка́рзать*: Лесозагото́фки у нас бы́ли, лес ка́рзали, зве́ря и не ста́ло (Нерица); Же́нщина карзану́ла медве́дя, в лесу́ она рабо́тала, су́чья ка́рзала (Выт. Титово). Наряду с этим глаголом в значении ‘ударяя чем-нибудь острым, срубать или разрубать на части’ употребляются глаголы *зы́кать*, *кокши́ть*, *мя́чкать*, *пазга́ть*, *ря́чкать*, *тю́кать*, *тёпать*, *хо́лкать*: Коклю́шками кокши́ли лес, су́чья (Череп. Ганичево); Я ска́ат, мя́чкала дрова́, вот уш костёр це́лый (Медв. Палтега); Они во́стрым топоро́м сутуги се́кли, везде ря́цкали (Усть-Цильма); Он лучи́ну ря́чкат пе́чку растопля́ть (Медв. Есино); Яцме́нь расте́лишь по гумну́, вот цепо́м или молоти́лом-то и хо́лкашь, сту́кашь, и дрова́ топоро́м хо́лкали (Вашк. Троицкое). Это значение реализуется в конструкции разрубать, рубить + что, чем, обычно — дрова, лес, сучья, сутуги, проволоку, а орудие — топор. При некоторых глаголах возможно отсутствие прямого дополнения, есть только указание на орудие — чем. В контексте: Мы ра́ньше как тёпали топора́ми, то ны́не не ка́ждому мужику́ так уда́сся (Череп. Осилково), глагол *тёпать* в сочетании с существительным *топором* выступает в значении ‘часто и с силой взмахивать топором при рубке’.

Ударами топора или другого острого предмета разрубали лед для подледного лова, делали проруби. Обычно с этой целью используется глагол *торкать* ‘ударами острого орудия проделывать отверстие в чем-нибудь’: А то́рнуть — это сту́кнуть, то́рнуть кре́пце — и прова́лицца лед, вот мы про́луби то́ркаем (Медв. Мяльзино). В этом же значении может быть употреблен и глагол *тю́кать — растюкать* ‘ударом острого предмета прорубать (отверстие)’.

Глагол *ря́чкать* может употребляться в значении ‘ударяя острым предметом, разрубать (землю)’: Я копа́ю, опо́сле моро́с стал, ря́чкали топора́ми зе́млю (Усть-Цильма). Можно заметить, что если удар наносится острым предметом, значение глаголов

реализуется почти всегда при указании на орудие действия[5] т. е. в конструкции рубить, срубать+чем, в связи с чем считаем целесообразным при толковании значения глаголов ввести в определение указание на орудие действия 'ударяя чем-нибудь острым, срубать, разрубать на части'.

С ударами, стуком тесно связано и значение 'ударами вбивать' вгонять'. В этом значении употребляются глаголы *ба́нгать*, *ба́хать*, *ко́лкать*, *мя́чкать*; сов. *колону́ть*: Топо́р фтыкнут, и курико́м мя́чкают све́рху (Конд. Горки); Фсё могу зде́лать и гвоздь ф па́лку колону́ть (Резино); Курико́м све́рху топора́ ба́нгали, ну чолка́н (клин) из берёзы забьешь (Подп. Шеменичи); Колу́н специально куют такой из березы, им ба́хают, другой-то возьмешь ли (Чуд. Рогачи); Заче́м топор, ну ко́лкай ты молтко́м (Пуд. Песчаное). Приведенные контексты позволяют выделить конструкции, в которых реализуется названное значение: ударять+чем (куриком, колуном); на то, что ударяют чем-нибудь с целью вбить, вогнать во что-нибудь, указывает наречие *сверху*.

Ударами, стуком нарушается и целостность предметов. В значении 'разбивать, раздроблять на части' употребляются глаголы: *ло́мать*, *ло́чкать*, *ря́чкать*, *кроши́ть*, *стега́ть*, *щелка́ть*; соверш.: *бя́кнуть*, *колону́ть*, *ти́снуть*, *то́лнуть*, *то́рнуть*. Начина́ли посу́ду бить, ло́чкать (Прион. Утёс); Из избы́ вы́шел и заця́л ра́мы кроши́ть, самова́ры-то фсе вы́рецкал (Медв. Фомино); Ча́шку нельзя лома́ть, досюльная (Прион. Ялгуба); Горшо́к-то я бя́кнула, да купить не́где (Плес. Майлахта); Только не колкони́ ча́йник, когда понесёшь (Под. Сошницы). Как правило, разбивают, раздробляют предметы ломкие, хрупкие (стекла, посуду, горшки, чашки, чайники, банки), причем здесь не всегда разбивают с помощью удара, а чаще уронив что-нибудь ломкое, хрупкое. Удар преднамеренный производится только при битье стекол. В контекстах: Из и́збы вы́шел и заця́л ра́мы кроши́ть, поп рассерди́лся дава́й стекла шшелка́ть, — глаголы *кроши́ть*, *щелка́ть* имеют значение 'ударом нарушать целостность'. Это значение выделяется на основе всего контекста и ситуации, отраженной в нем: Тако́й мужы́к шумли́вый, придёт домо́й, посу́ду ломает. Начина́ли посу́ду бить, ло́чкать. Приведенные примеры позволяют, таким образом, выделить значения: 'уронив, стукнув о что-нибудь, раздробить на части, разбить' и 'ударом нарушать целостность, разбивать'. Эти значения реализуются в сочетании с прямым дополнением: разбивать + что.

II. Действие над одушевленным предметом

Если удар наносится по одушевленному предмету, то глаголы обозначают, называют действия, связанные с побоями, драками, наказаниями. Одним из распространенных значений в севернорусских говорах для этих глаголов является значение 'наносить удары, побои' для несовершенного вида и 'с силой стукнуть, ударить' для совершенного вида.

Почти все глаголы, входящие в лексико-семантическую группу со значением ‘бить, ударять’, употребляются в значении ‘наносить удары, побои’. Приведем некоторые характерные контексты: Бить по-на́шему ло́чкать, не ло́чкай ребёнка, он ма́ленький (Прион. Ялгуба); Он фсех лупа́сил, так плёткой бил, чуть глас не вы́бил (Тихв. Лепуя); Я фста́ну, да как зачну́ тебя́ поле́ном мя́чкать (Трусово); Ой как лошадь пазга́ет бригадир. Мужи́к бьёт, дак не уйдёшь, свёкор да свекро́вь не дава́ли ши́ньгать (Ермица); Дуби́нил муж жену не раз. (Пуд. Пяльма). Он ту́чкал её [жену], ту́чкал (Подп. Шеменечи); Са́ша-то не комшы́л тебя? Фся́ко быва́ло, и поколо́тит (Новг. Русса). Орудие, предмет, которым наносится удар, может быть самым разнообразным: дерутся, бьют *дры́ном*, *палкой*, *жердиной*, *топором*, *коромыслом*, *бутылкой*, *поваренкой*, *поленьем*, *кольём*, *лопатой*, *ухватом*, *граблями*, *сковородником*, *стаканом*, *ложкой*, *хлопалкой*, *вилами*, *брюквиной*, *лопаткой* — твердыми предметами, которые подвернутся под руку, или *прутом*, *вицей*, *ремнем*, *кнутом*, *крапивой*, *полотенцем*, *уздой*, *плетью*, *веревкой* и т. п., т. е. чем-нибудь гибким, гнущимся, предметами, которые обычно используются при порке, наказании. Учитывая, что часто в контекстах нет указания на предмет, которым бьют, но побои, удары наносятся все-таки какими-то предметами, становится очевидным, что указание на предмет, которым наносятся побои, не входит в значение глагола, а указывает только на управление.

Значение ‘наносить удары, побои’ имеет четкие формы синтаксической обусловленности: это значение реализуется в конструкции типа бить+ко́го, чем, по чему. Именно эта связь служит показателем конструктивной обусловленности значения. Применительно к этому значению можно говорить о «давлении синтаксиса на семантику».

Наряду со значением ‘наносить удары, побои’ перечисленные глаголы могут употребляться в значении ‘удариться, стукнуться обо что-нибудь’: Сам голово́й хря́снул; как зы́кнула о дверь голово́й; не ху́до ли зы́кнул; не зы́кнет голово́й в зы́шку; голово́й в сте́нку мя́чкнет и т. д. Это значение реализуется в конструкции стукнуться + чем, о что, во что и без дополнения.

Многие из перечисленных глаголов употребляются в значении ‘ударяя, лишать жизни, убивать’: *зы́кать*, *ло́чкать*, *ля́чкать*, *мя́чкать*; сов. *хло́пнуть*: А ён сам ходи́л, посля́ дозна́лся, что хло́пнул его [мужика] (Выт. Тудозеро); Жуко́ф зы́кала ходи́ла, всю-то но́ценьку шарця́т, спать немо́жно (Усть-Цильма); В это вре́мя и ло́цкают рыбу (Медв. Речка); Ладо́нью мух проти́вно ля́цкать, сде́лали му́хальницу (Трусово). В этом значении чаще всего употребляются глаголы, если речь идет о насекомых. Убивают мух, клопов, жуков и комаров, которых на севере большое количество: У нас сто́лько бы́ло клопа, дак Кирилл ля́цкал, убивал (Замежное).

С побоями связано и значение ‘драться’. В этом значении известны глаголы *козáкаться*, *лóчкаться*, *пазгáться*, *ряцкáться*, *свистáться*, *ты́шкаться*, *ши́ньгаться*: У нево ешшó брат здесь был, они лáются, вот начнýт возúцца, козóкаюцца (Медв. Кафтеницы); Мужыкú лóчкаюцца, дерýцца (Медв. Фомино); Фся троица соберёцца вместе, фсе братья, да и пазгáюцца (Кирилл. Горицы).

В значении ‘упасть, стукнувшись’ и ‘ушибиться, удариться при падении’ употребляются глаголы *бýкнуться*, *бýхнуть*, *брякнуться*, *бя́кнуться*, *бя́чнуть(ся)*, *громонýть*, *грымнуть*, *дерябнуться*, *долбанýться*, *карзанýться*, *гнéкнуть*, *кóкнуться*, *мя́чкнуть*, *пазгнýться*, *махнýть*, *мячконýть*, *мя́кнуться*, *ря́чконýться*, *ря́чкнуться*, *стегнýться*, *убúться*, *хвоснýть(ся)*, *хрóпнуть*, *хря́снуть*: Бя́кнула там, пáла самá и досадúла [ногу] (Карг. Павлоново); С полáтями-то мы внис гнесЄ, бя́кнулись и побежáли в разны́е стóроны [от медведя] (Карг. Лядины); Дет-то с кровáти нá пол бя́кнул, нóги худы́ дак (Медвежка); Я в бáйны упáла, нóги-то худы́, окатúлись, я и бя́кнулась, не пóмню што и верéдила (Замежное); Вы́пили немнóшко с сосéдкой, я и карзанýлась (Степановская).

Квазисинонимы с родовым значением ‘ударять’ квалифицируются более разнообразно: по силе, по виду орудия, по способу нанесения удара, по сопутствующим звуковым эффектам. Диалектные материалы не позволяют сделать такого вычленения различных признаков. Это объясняется прежде всего спецификой диалектной системы в целом по сравнению с литературным языком. Эта специфика заключается в постоянном воздействии «иных по отношению к языку диалекта языковых элементов», интенсивности языковых процессов.[10] Эта специфика проявляется и в особенностях функционирования синонимов-дублетов в говоре. Иногда глаголы-дублеты используются в речи носителей говора в качестве истолковывающих слов.[11] Ср.: бить — по-нáшему лóчкать.

Даже если диалектное слово употребляется не в качестве истолковывающего, мы не вправе определить глагол как ‘сильно бить’. Ср.: Бьёт мужы́к дак не уйдёшь, свёкор да свекровь не давáли шиньгать. В этом контексте глагол употребляется в значении ‘наносить удары, побои’ без признака ‘сильно’. Только в одном контексте проявилась иная степень действия: Наши-то мужикú баб своих тýчкали, а уж жáшкали редко, мóжно дó смерти забúть (Трусово). Глагол *жáшкать* приобретает контекстуальное значение ‘с силой долго и больно бить’.

Анализ семантической структуры глаголов, действие которых связано с ударом, стуком, побоями, позволил выявить синтагматические особенности этих глаголов. Синтагматические особен-

---

[10] К о г о т к о в а Т. С. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 38.

[11] Там же, с. 42.

ности их обусловливаются лексической и синтаксической сочетаемостью. Лексическая сочетаемость проявляется в зависимости от объекта, над которым совершается действие, неодушевленным или одушевленным. Обнаруживается эта связь в рамках синтаксической сочетаемости глаголов.

В зависимости от объекта, неодушевленного или одушевленного, различны и синтаксические позиции глаголов. При действии над неодушевленным объектом значения глаголов реализуются в конструкции типа ударять + во что, по чему, чем, что; при безобъектном употреблении подчеркивается сила, резкость, интенсивность действия. При действии над одушевленным объектом значения глаголов реализуются в конструкции типа бить + кого, чем, по чему. Если конструкция бить + кого обязательна, то чем, по чему — факультативна, так как творительный падеж без предлога указывает на орудие, которым совершается действие, которое не входит в значение глагола; дательный падеж с предлогом указывает на часть тела, по которому наносится удар, что тоже не всегда присутствует в контексте и не входит в значение глагола. Сам факт удара предполагает в этом случае предмет, по которому ударяют, и часть тела, по которой ударяют.

Общеизвестно, что слова вступают в парадигматические связи по означаемому, т. е. близкими оказываются отдельные значения полисемантического слова. В результате анализа семантической структуры глаголов со значением 'бить, ударять' выделяются синонимические ряды по означаемому.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ РАЙОНОВ И ОБЛАСТЕЙ

Белом. — Беломорский р-н Мурманской обл.
Вашк. — Вашкинский р-н Вологодской обл.
Выт. — Вытегорский р-н Вологодской обл.
Карг. — Каргопольский р-н Архангельской обл.
Кем. — Кемский р-н КАССР.
Кирилл. — Кирилловский р-н Вологодской обл.
Кириш. — Киришский р-н Ленинградской обл.
Конд. — Кондопогский р-н КАССР.
Лод. — Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.
Медв. — Медвежьегорский р-н КАССР.
Онеж. — Онежский р-н Архангельской обл.
Пест. — Пестовский р-н Новгородской обл.
Плес. — Плесецкий р-н Архангельской обл.
Подп. — Подпорожский р-н Ленинградской обл.
Прион. — Прионежский р-н КАССР.
Пуд. — Пудожский р-н КАССР.
Терск. — Терский р-н Мурманской обл.
Тихв. — Тихвинский р-н Ленинградской обл.
Череп. — Череповецкий р-н Вологодской обл.
Чуд. — Чудовский р-н Новгородской обл.

Для цитат из Печорской картотеки указаны только деревни.

Е. П. ЛУППОВА

Притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность третьему лицу в говорах русского языка (ч. 2)

Притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-му л. ж. р. ед. ч.,[1] образуются от шести вариантов форм родительного падежа личного местоимения третьего лица женского рода (*ее*, *её*, *е*, *ё*, *ей*, *ёй*), зафиксированных в говорах русского языка, неодинаковых по времени образования и имеющих неодинаковое территориальное распространение.

В настоящее время на основании материалов, собранных для составления Диалектологического атласа русского языка, опубликовано картографирование распространения форм родительного падежа личных местоимений 3-го л. ж. р. только по территории европейской части СССР, кроме говоров Крайнего Севера и Северо-Востока; но и эта карта, охватывающая разные типы говоров русского языка, дает интересный материал, который необходимо учесть при изучении распространения форм притяжательных местоимений, образованных от разных форм родительного падежа личных местоимений.[2]

Карта показывает неравномерность распространения форм родительного падежа личных местоимений 3-го л. ж. р. Форма *ее* [йейе], самая архаичная из этих форм, восходящая к древнерусской форме родительного падежа *еѣ*, в современных говорах не имеет широкого распространения: определенный ареал ее распространения характерен для западной группы южного наречия, отдельные ареалы отмечены на территории северного наречия. Форма родительного падежа личного местоимения *её* [йейо] исторически более поздняя, связанная с заменой конечного гласного *е* > на *о*, соответствующая произносительным нормам современного русского литературного языка, имеет преимущественное распространение в пределах говоров центра и в рассеянном распространении на остальной части территории. Формы родительного

---

[1] Данная статья является продолжением работы, опубликованной в сборнике «Диалектная лексика. 1977», где помещены введение с указанием источников и исследование о притяжательных местоимениях, обозначающих принадлежность 3-му л. м. р. ед. ч.

[2] См. карту № 21 в книге «Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров» (М., 1970, с. 85).

падежа *е* [йе] и *ё* [йо], развившиеся из форм *ее* и *её* в результате утраты интервокального *j* и стяжения гласных, являются малоупотребительными в говорах, и на карте № 21 территория их распространения не обозначена. Сравнительно поздняя форма родительного падежа личного́ местоимения *ей* [йей], совпадающая по звучанию с формами дат. и предл. падежей этого местоимения, получила широкое распространение в современных говорах, причем исключительное употребление этой формы наблюдается на территории северо-запада и в пределах южного наречия; разрежение этих форм наблюдается на северо-востоке. Форма родительного падежа личного местоимения *ёй* [йой], возникшая в результате влияния форм с твердой основой (типа *той*), отмечена небольшими ареалами на территории Псковской группы, а также в южной части межзональной группы северного наречия и северо-восточной диалектной зоны и в немногих говорах.[3]

Рассмотрим образование и употребление вариантов форм притяжательных местоимений по основам (формам род. п. личных местоимений 3-го л.), от которых они образованы.

1. От формы родительного падежа *ее* образованы притяжательные местоимения *ееный*, *еенный* посредством суффиксов *-н-* или *-нн-*. В опубликованных областных словарях эти формы почти не отражены. В Словаре Акад. 1897 приводится один пример: *еена* мать или *евона* (с пометой Углич. Шляков); *еенный*, *-ая*, *-ое* включено в «Опыт Областного словаря Калининской обл.» (1972, по записи в д. Бережай Кесовогорск. р-на). Местоимение малоупотребительно в русских говорах. В картотеках словарей имеются примеры на употребление этого местоимения в отдельных пунктах Архангельской, Ярославской, Псковской обл. и в Карелии. Привожу примеры из картотек говоров Пск. обл. и Карелии: муж *яенный* (Кошкино, Пушк.); только *яеный* агарот (Чурилово Пуст.); вот *яенная* мать хадила (Аннинск. Себеж); Сватьюшка *яенна* матка, ана мне сватья (Зехново, Остр. Псков.); Яга оделась в *еену* одежу (Польгома, Карел.).

Употребление притяжательных местоимений *ееный*, *еенный*, на территории южного наречия в наших материалах не отмечено.

2. От формы *её* образованы притяжательные местоимения *ёный*, *ённый*, *ён*, *ёшный*.

Местоимения *ёный*, *ённый*, образованные от формы *её* при помощи суффиксов *-н-*, *-нн-* в сводных областных словарях середины XIX в., не отмечены и встречаются в словарях конца XIX и XX в. *Ёный*, *-ая*, *-ое* в значении ‘ей принадлежащий’ с примером из Дух. ст. (Сл. Акад., 1897); *ёный* в том же значении, что *ейный* (Смирнов, Кашин., 1901); *ённый* ‘её’ (Мельниченко Яросл., 1961); в сводном СРНГ даны обе формы *ёный* и *ённый*, *-ая*, *-ое* — ‘принадлежащий ей, её, относящийся к ней’. Территория ограничена: *ёный* — Твер., Пск., Моск., Яросл., Ворон.; *ённый* — Яросл.,

---

[3] См.: Там же, с. 84—86.

Арх.; *ённой, -ая, -ое* мест. притяж. к «она», принадлежащий «ей» (Беляева Соликам., 1973).

В примерах, собранных в картотеках словарей, отражены в основном полные формы этих местоимений. В Псковских говорах: *яёный* мужык на вайне пагиб (Шики Н-Рж.); мужик *ённый* второй день дамой γлаз ни кажит (Нюссо, Вл.); мой сарафан красифшы *яёныва* (Ерёмницы Остр.); учара бегла *яённая* Валька шибком (Алё Н-Сок.); не троньти касу́ *ёную* (Зехново Остр.); у дочки то у *яёной* мальчишкъ нърадилсь (Марково Палк.) и др. (Пск.).

В севернорусских говорах: *ённый* сын проводником робит (Краснобор. Арх., Меркурьев); к *ёным* бумагам положу (Вельск. Арх. Зимин); всё дверь на заложке у *ёных* родителей (Павлово Каргоп. Арх.); вот Катя, а ето *ённая* подружка Валя (Соликам. Перм.).

Краткая форма м. р. ед. ч. *ён*, не указанная в словарях, отмечена только в псковских говорах: може дядя *яён* пришод (Козлы Остр.).

Притяжательное местоимение *ёшный*, образованное от формы *её* при помощи суффикса *-шн-* отмечено только в «Опыте сл. Калинин. обл.» (1972) с указанием записи в Новоторжск. р. с примером: Будете кормить *иёшным* молоком — будет глупый (д. Захожье).

3. От редких форм р. п. *е*, [йе] и *ё* [йо] личных местоимений 3-го л. образованы притяжательные местоимения *енный, ённый* посредством суффикса *-нн-*. Эти местоимения указаны только в СРНГ (т. VIII): *енный* и *ённый, -ая, -ое* — то же, что *ейный* с примерами только на *енный, енна* из Урж. Вят. и Вельск. Арх.

В картотеках использованных словарей местоимение *ённый* отмечено в трех записях: *ённый* ‘ее’ (Урж. Вят.); *ённый, ённая* — местоим. прилагательное (Кислицына, Котлас. Сев. Двин.); ета *ённая* карова пасётса (Нюссо, Псков.).

4. От формы родительного падежа *ей* [йей], широко распространенной в говорах, образуются притяжательные местоимения *ейный*, кратк. *ейн, нейный, ейнин, ейнов*.

Местоимение *ейный, -ая, -ое*, образованное от формы *ей* посредством суффикса *-н-*, является наиболее употребительной формой в говорах русского языка для выражения принадежности 3-го л. ед. ч. ж. р. Это местоимение включается в областные словари, изданные в XIX и XX в., реже отмечается краткая форма *еин*: *ейный, -ая, -ое* ‘ей принадлежащий’ с пометой Арх., Камч., Сибир. Пск., Опоч., Твер. Вышневол. (Опыт); *еин-а, -о* в том же значении с пометой Новгор. (Доп. Оп.); *ейный* и *еин* (Даль), пример: *ейных* дочек две (Кулик., Олон); в Слов. Акад. 1897 — *ейный, -ая, -ое* (с вариантами *ейной, ейнай*) с указанием территории Олон., Новг., Арх., Ростов., Петерб., Вышнев., Донск., Буйск. Пск.; *еин* Новгор.; *ейный* (Смирнов, Кашин., 1901), *ейный* ‘ее, принадлежащий ей’ (Грандилевский, Холм., Арх.); *ейный* ‘её’ (Мельниченко, Яросл., 1961). В СРНГ (т. VIII, 1972) говоров *ейн -а, -о* мест.

'ее, принадлеж. ей' (Новгор.) и *ейный*, *-ая*, *-ое*, в том же значении с указанием обширной территории по записям с 1820 г.; *ейный*, *-ая*, *-ое* 'её, принадлежащий ей' с примерами записи в Томск. и Кемеровской обл. (Сл. бассейна Оби Доп. I).

Местоимение *ейный* широко представлено в картотеках Псковского, Пинежского, Карельского, Печорского словарей, а также в описаниях говоров, не вошедших в вып. VIII СРНГ.

Использованный нами материал показывает широкое, но неравномерное распространение местоимения *ейный* на разных территориях. Преимущественное распространение это местоимение имеет в говорах Севера и Северо-Запада (Мурманской, Архангельской обл., Карельской АССР, севера Коми АССР, Ленинградской, Новгородской обл.); широко представлено в говорах Псковской обл. в старых и новых записях, но наряду с другими формами. Отмечается в записях говоров Калининской, Ярославской, Вологодской, Костромской обл. Слабо распространено в говорах Северо-Востока (Кировской — в отдельных записях конца XIX в., в Пермской, Свердловской обл.) и в восточных среднерусских говорах (Московской, Владимирской обл.); по южнорусской территории местоим. *ейный* отмечено лишь в отдельных записях по говорам Тульской обл. (Дубенский р-н), Калужск. (Мещовск. — 1911), Брянской (Суземск. р-н), Донской (записи 1874), без указаний в последующих словарях (1929 и 1975). Местоимение *ейный* отмечено в некоторых говорах Сибири (Томской, Кемеровской, Красноярской обл.) и на Камчатке.

Обилие примеров с притяжательным местоимением *ейный* в наших материалах дает возможность проследить употребление этого местоимения в формах различных падежей.

В имен.-вин. падежах м. р. ед. ч. преимущественное распространение имеют полные формы *ейный*, *-ой*, *-ай*: *ейной* зять депутатом был (Мурман., Меркурьев); по-за ларьку *ейный* дом (Мосеево Каргоп. Арх.); муж-то *ейный*, он мотористом (Щуерецкое, Белом.); отец то *ейный* был мне родной брат (Новолад., Ленингр.); Валодька *ейный* там такой дом атгрохал (Паньково Вел. Пск.); *ейный* атец сам ту хабуньку строил (Прельск. р. Латв. ССР, Синица); я нашла *ейный* платок (Мещов, Калуж., Косогоров), *ейнай* папаша (Красноуф. Свердл.), и др.

Краткая форма *еин* (*ейн*), отмеченная в словарях XIX в. с пометой «Новгор.», встречается лишь в отдельных записях современных говоров и на других территориях: парень *ейн* от был у нас (Пинеж. Арх.). Чаще в картотеке псковских говоров: *еин* муж встретил (Шитики Остр.); Токо *еин* сын один хорош (Теребуши Стр.), и др.

В имен.-вин. п. ж. и ср. р. и во мн. ч. имеют широкое распространение стяженные формы *ейна*, *ейну*, *ейно*, *ейны* наряду с полными формами *ейная*, *ейную*, *ейное*, *ейные* (*-ыи*): Мне *ейна* обутка не подойдет (Мурманск. Меркурьев); это *ейна* изба (Усть-Цильма Печор.); *ейна* сестра жыла в Шушерине (Карг. Арх.): *ейна* внучка из Петрозаводска приехала (Кербово Пудож); *ейна* кра-

ватка там стояла (Челлужи, Медв.); мать *ейна* та на улицы (Дубянги, Новолад. Ленингр.); матка в голод померла *ейна* (Романята Остр. Пск.) и др.; *ейная* бабушка тоже поет (Теребовская, Пудож.), *ейная* свекровь мне сватья (Замошно Медв.); *ейная* мать и моя родные сестры (Тамишье, Онеж.); *ейная* прялка расписана (Кадуйск. Волог.); ето *ейная* изба то (Буйск. Костр.); *ейная* матка в Апоцке живе (Молчаново Пушк. Пск.); Я *ейну* мать видела (Пинеж. Арх.); вот *ейну* чашку ежели возьмет (Коложма, Белом.); в *ейну* родню дефки замуж вышли (Орлов Каргоп. Арх.); ею нянчила и сестренку *ейну* (Пл. Пск.) и др. . . Тут в *ейную* свадьбу невестина божатка едет (Орлов. Каргоп. Арх.); Нашли *ейную* записку в кармане (Станки Пуст. Пск.), и др.

Не на *ейно* плечо шита она (Ср. Бугаево Печор.); в *ейно* гнездо ступишь (Пинеж. Арх.); и сиди как не *ейно* дело (Стояницы Новолад. Ленингр.); корова знат, где *ейно* место (Мурманск. Меркурьев); хочет работать в кузницы, так *ейно* дело (Черный Новолок. Медв. Карел.), и др.; желание *ейное* есть (Подпор. Ленингр.); што есть у девушки, то все *ейное* складут в ефтот сундук (Русиновская, Медв.); старое *ейное* пальто много лучче (Бартули Кр. Пск.), и др.

Свои приходят — подружки только *ейны* (Ср. Бугаево, Печор); да *ейны* вещи у нас ешчо есть (Сумозеро Пудож. Карел.); висят *ейны* ноги (Сузем. Брян.) и др. *Ейныи* родители близко живут (Пушкино, Остр., Пск.); на *ейныи* деньги куплен лошадь (Пыжово, Печ. Пск.), и др.

В косвенных падежах отмечены только полные формы: мать *ейнова* мужа померши (Ст. Ладога Волх. Ленингр.); по *ейному* сирочеству (Попкова гора, Слан. Пск.); сестра за *ейным* братом замужем была (Мурманск. Меркурьев); хотела в *ейном* ключу мыть (Н.-Рж., Пск.); еще в *ейном* хожу (Пяльма Пудож.).

Из *ейной* чашки попил (Мурманск. Меркурьев); к *ейной* родни поедут (Усть-Цильм. Печор); я к барыни ходила к *ейной* (Ст. Ладога Волх. Ленингр.); та с *ейной* косой пашла (Польгама Кем. Карелии); с *ейнъй* дачкóй ходили в лес (Черно, Сл. Пск.) и др.; от моей мамы к *ейной* пошли (Яйск. Том., 1975), и др.

Ейных сапог не найти (Сузем Брян.); угошшат девушек *ейных* (Краснояр. Гриб.); к *ейным* родителям пришла (Ст. Ладога Волх. Ленингр.); *ейных* и нету (Кановщина, Гд. Пск.), и др.

Притяжательное местоимение *ейный* отражено в записях фольклора Севера: А повез же *ейный* был добрый конь, а повез же он по чисту полю (Гильфердинг, Онеж. былины, 1, с. 56); *Ейны* брови черные, как у соболя, и походочка у ей была плавная, *ейна* тихая речь да лебединая (Григорьев, Архангельские былины); Вы простите тко родитель мою матушку, вы не помните тко да *ейной* лихости (Барсов, Причитания); Иван царевич уежал с царьдевицей в *ейно* царство (Смирнов, Великорус. сказки), и др.

Местоимение *ейный*, широко распространенное в говорах, употребляется писателями для передачи особенностей речи персонажей. В картотеке Словарного Сектора собраны примеры из про-

изведений писателей Данилевского, Достоевского, Г. Успенского, Чехова, Станюковича, Серафимовича, Маяковского, Леонова, Антонова и др. Во всех примерах стяженные формы не отражены.

Отдельные примеры из языка писателей включены в Акад. словарь 1897 г.

Местоимение *ейнов*, образованное от того же местоимения *ей* посредством суффиксов *-н-ов-*, в областных словарях не отмечено. А Грандилевский указывает эту форму в описании говора Холмог. у. Арх. губ., но не включает в опубликованный им словарь.[4]

5. От формы р. п. *ёй* [йой] образовано притяжательное местоимение *ёйный* при помощи суффикса *-н-*. В областных словарях оно обычно не выделяется. Указывается лишь в Словаре Куликовского Обл. Олон. *ёйный*, *ёйной* (Петроз.). В значении ей принадлежащий, но пример приводится на употребление формы *ейный*.

В говорах русского языка местоимение *ёйный* имеет меньшее распространение, чем *ейный*, и часто употребляется наряду с местоимением *ейный*.[5]

По нашим материалам форма *ёйный* отмечена в отдельных говорах бывш. Арханг. губ. (запись XIX в.), Карельск. АССР (Карел.), Псковск. обл. (Пск.), на Урале (в записях XIX в.), в бывш. Вятской губ. (Урж. Магницкий) и в Сибири (Акмол., 1921, Краснояр. края, 1962). Более полный материал имеется только по говорам Псковск. обл. и отчасти Карелии.

Как и у местоимения *ейный*, зафиксированы полные и стяженные формы в определенных падежах.

Только полные формы отмечены в имен. п. м. р. ед. ч. и в косвенных падежах ед. и мн. ч.: *ёйный* муж (Урал); дом то мой, а не *ёйной* (Шуньга Медв. Карел.); *ёйный* дом третий (Типинцы Медв.); *ёйный* свекор. — Карел.: когда *ёйный* мэжик работал (Теребуши Стр.); мой мужык да *ёйный* атец были ронные братья (Трубецкое Аш.) и др. (Псков.); *ёйному* мужу сказал; *ёйнай* свикрофки (Краснояр. Гриб.); сын женат на *ёйной* дочке; *ёйных* много книг (Кончозеро Приоз. Карел.), и др.

В имен.-вин. п. ж. р. ед. ч. и во мн. ч. отмечены стяженные и полные формы. В Псковских говорах преобладают стяженные формы: *ёйна* залофка вышла в Барок (Бельско Печ.); вот *ёйна* картоцка (Пашково Остр.); высушу *ёйны* выедки (Терехово Печ.), но: я *ёйныи* чулки положила (Теребуши Стр. к. Пск.).

В говорах Карелии: мамка-то *ёйна* на севере жывет (Гимчино Медв.); ён собрау *ёйны* платья (Линма); она видь *ёйная* нивестка (Шустово Медв.); *ёйная* свекрова (Вел. Губа); *ёйны* деньги (Заонежье, Скуратова) и др.

---

[4] См.: Грандилевский А. Родина Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, СПб., 1907, т. LXXXIII, № 5, с. 50.

[5] Например, в с. Куростров Холмог. у. Арх. губ. в записи Грандилевского, в Заонежских говорах в записи Скуратовой (Лингвистический сборник. Петрозаводск, 1962), в говорах Красноярского края в записи Р. М. Гриб (Учен. зап. Красноярск. пед. ин-та, 1960).

Из других славянских языков особые притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-го л. ж. р. ед. ч., отмечены в южнославянских языках, в которых эти формы с протетическим *н* вошли в систему литературного языка.

В болгар.: *нейн, нейна, нейно, нейни*,[6] в сербохорв.: *њêн, -а, -о* и *њезин, -а, -о*,[7] в макед.: *нејзин*,[8] в словен.: *njèn, -a, -o*.[9]

В чешском языке форма род. п. ж. р. *její* приняла значение притяжательного местоимения и стала изменяться по образу сложных форм прилагательных.[10]

Как видно из рассмотренных нами материалов, в русских народных говорах в записях XIX—XX вв. зафиксированы разнообразные диалектные формы притяжательных местоимений, обозначающих принадлежность 3-го л. ж. р. ед. ч., в соответствии с формой род. п. личного местоимения 3-го л. ж. р. *её*, употребляемой в этом значении в русском литературном языке. Все эти формы являются новообразованными, развившимися в говорах, и не нашли отражения в памятниках письменности, использованных в словаре Древнерусского языка И. И. Срезневского и в Картотеке ДРС.

Основной причиной развития вариантов диалектных форм притяжательных местоимений этого значения является наличие в говорах русского языка разных вариантов исходных форм — форм род. п. личных местоимений 3-го л. ж. р. ед. ч. (*ее, её, е, ё, ей, ёй*), которые служат основой для образования притяжательных местоимений. Суффиксальное образование притяжательных местоимений от форм личных местоимений представлено однообразно: продуктивными являются только образования с суффиксами *н, нн* (*еeный, еенный, её́ный, её́нный, её́н, енный, ённый, ейный, ейн, ёйный*), другие же суффиксы встречаются в отдельных малоупотребительных образованиях: *ш* (*ёшный*), *н-ин* (*ейнин*), *н-ов* (*ейнов*).

Образования от разных форм личных местоимений имеют в говорах неодинаковое распространение: наибольшее распространение получили формы притяжательных местоимений от основ *ей* и *её*, образования же от архаичной формы *ее* представлены слабо, а от новообразованных формы *е, ё* в наших материалах встречаются редко. Притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-му л. ж. р. употребляются не во всех говорах русского языка. Вследствие этого полного соответствия в распространении той или иной формы притяжательного местоимения и формы родительного падежа личного местоимения не наблюдается. На-

[6] Маслов Ю. С. Очерк грамматики болгарского языка. М., 1956, с. 148.
[7] Толстой Н. И. Сербско-хорватской русский язык. М., 1958, с. 494, 1112.
[8] Македоно-русский словарь. Под ред. Н. И. Толстого. М., 1963, с. 559.
[9] Хостник М. Грамматика словинского языка. Горицын, 1901.
[10] Селищев А. М. Славянское языкознание, I. М., 1941, с. 146.

пример, в южнорусских говорах при наличии форм род. п. личных местоимений *ее*, *ей* формы притяжательных местоимений *еeный*, *еенный* в наших материалах не отмечены, а форма *ейный* представлена слабо.

Варианты форм притяжательных местоимений имеют неодинаковое распространение и употребительность в говорах русского языка. Наиболее распространенным в наших материалах является притяжательное местоимение *ейный*, представленное в многочисленных записях речи на широкой территории, отраженное в словарях с середины XIX в. и употребляющееся в записях фольклора. Только это местоимение, очевидно, как более типичное используется писателями второй половины XIX и XX в. для передачи особенности речи персонажей, причем стяженные формы в речи писателей не наблюдаются. Менее распространенными являются местоимения *ённый*, *ёный*, зафиксированные в словарях с конца XIX в.; местоимение *ёйный* встречается реже и обычно на территории, где зафиксировано и местоимение *ейный*. Остальные варианты притяжательных местоимений (*еенный*, *еeный*, *енный*, *ённый*, *еёшный*, *ейнии*, *ейнов*) зафиксированы в немногочисленных или отдельных записях.

По системе склонения притяжательные местоимения соотносительны с склонением полных прилагательных и во многих говорах имеют стяженные формы в имен.-вин. п. ж. и ср. р. ед. ч. и во мн. ч. (типа *ейна*, *ейну*, *ейно*, *ейны*). Краткие формы притяжательных местоимений в имен.-вин. п. м. р. в говорах русского языка встречаются редко (*еин*, *еён*, *ейнин*, *ейнов*).

Параллели в образовании притяжательных местоимений наблюдаются в других славянских языках, в которых эти местоимения получили большую употребительность и вошли в систему литературных языков. Весьма характерно, что в этих языках закрепились образования притяжательных местоимений с протетическим *н*, которые имеют редкое употребление (только в некоторых архангельских говорах русского языка).

Г. Я. СИМИНА

Семантические диалектизмы и условия их образования (по материалам пинежского говора)

«Семантическими диалектизмами можно назвать слова, оформленные так же, как и соответствующие слова в литературном языке, но имеющие различия в лексических значениях».[1] Понятие «семантический диалектизм» вполне четко определено в современном языкознании; термин этот принимается теперь всеми диалектологами и употребляется в учебниках диалектологии и лексикографических работах.[2]

Семантические диалектизмы могут быть выделены в системе говора только при сравнении его с литературным языком, поэтому «для того, чтобы определение диалектизма было полным, совершенно необходимо сравнение явлений диалектных с соответствующими явлениями литературного языка».[3]

Своеобразие диалектной системы в целом при сравнении диалекта с литературным языком особенно отчетливо обнаруживается на материалах говоров периферийных, развитие которых протекало изолированно. В местных лексико-семантических системах отчетливо проявляются специфические признаки диалекта. Так, устанавливается, что диалекту свойственны конкретность семантической структуры слова, детализация названий предметов и явлений, тенденция к сохранению этимологической прозрачности, мотивированность производного диалектного слова.[4] В современ-

---

[1] Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961, с. 38.

[2] Филин Ф. П. Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. Львов, 1948, кн. 1; а также его статья в «Лексикологическом сборнике» (М., 1957, вып. 1 и 2); Жуковская Л. П. Типы лексических различий в диалектах русского языка. — ВЯ, 1957, № 3; Коготкова Т. С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. — В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966; Гецова О. Г. Проект Архангельского областного словаря. М., 1970, и др.

[3] Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 224.

[4] См. об этом: Симина Г. Я. Характеристика лексико-самантической системы диалекта. — В кн.: Пинежский говор. Калининград, 1976, с. 6—25.

ном пинежском говоре, в его традиционных слоях, эти тенденции — живое и в какой-то мере еще развивающееся явление. В соответствии с внутренними закономерностями языковой системы в говоре происходит непрерывное обогащение лексики и семантическое развитие ее. В процессе диалектного словотворчества создаются и многочисленные семантические диалектизмы, столь характерные для живых народных говоров.

Семантические диалектизмы возникали в разное время; в народных говорах происходили в прошлом и продолжаются сейчас процессы словотворчества в духе внутренних системных законов.

Исторические диалектизмы в современном пинежском говоре представлены словами, сохранившими архаическую семантику и тем самым отличающимися от соответствующих слов литературного языка. Это — исторические диалектизмы. Например, слово *живот* еще употребляется в значениях ‘скот, имущество’: Кошка та есть у меня, а живота никакого нету, пусто на дворе (Нх). В традиционном пожелании имениннику: Дай бог тебе добра да здоровья, да богату быть: со скотом, с животом, с отцом, с матерью (Нх). В былине об Анике-воине: У меня живота-та от востока до западау — всё мой живот, нать живот роздать по нишшим (Нх).

Это значение слова *живот* было свойственно всем славянским языкам в прошлом.[5] В «Материалах для словаря древнерусского языка» имеется указание на употребление этого слова в его архаическом значении и в русских диалектах: «В этом смысле слово *живот* употребляется доселе на всем Севере».[6]

Частично сохраняется в пинежском говоре и архаическое значение глагола *говорить*: ‘стучать’, ‘шуметь’, ‘гоготать’, ‘блеять’ и т. п. Например: Как бывало торох подует, так только тёс на крыше говорит; Ветер паркой, окна гóвором говорят (Уст.); Листышки осиновы говорят (Шг); Гуси уж всё летят да говорят: го-го-го (Ш); Овцы, когда кучатся, говорят (Юб), и т. п.

Диалектизмы этого рода (исторические) постепенно уходят из активного словоупотребления; прежнее значение подобных слов осознается как архаизм и самими носителями говора.

Источником образования семантических диалектизмов служат и слова, пришедшие в говор из литературного языка и подвергшиеся семантическому переосмыслению — народной этимологизации. Например, популярная болезнь грипп повсеместно на Пинеге называется *гриб*: Все болеют грúбом, покóн такой ходит осенью и зимой (Шд); В байну нельзя ходить, как болешь грúбом (Нх). Основанием семантической адаптации послужило некоторое сходство звукового состава подобных параллелей, и это способствует проявлению тенденции этимологизировать: приобщить новое, незнакомое слово, не несущее смысла, не имеющее внутренней

---

[5] См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. II, с. 52.

[6] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, с. 869.

формы, к известным, привычным. Семантическая адаптация заимствованных из литературного языка слов (русских и иноязычных) протекает в говоре в направлении к большей конкретизации понятия, сужения его. Например: Худо мы жили, культура была худа всему, бедно жили; Володька — парень интеллигентный, глаза-то больши, и т. п.

Иногда заимствованное литературное слово с отвлеченной семантикой преобразуется: получает в говоре чисто предметное значение. Например: *мода* 'одежда': Раньше все в таких модах ходили — в долгих сарафанах; *распутный* 'пустой, опустошенный': У Якова ведь распутного поведения хозяйство-то: одна собака только и есть.

Наблюдаются процессы конкретизации семантики и в словообразовательном плане. Дело в том, что в говоре другая продуктивность аффиксов и своеобразно их употребление; имеет место предпочтение литературных суффиксов другим, более продуктивным в диалектной словообразовательной системе. Например: В хорошей печи экономка дров происходит (экономия). В некоторых случаях присоединяется конкретизирующая приставка: Нога терпнет, спать не дает — удавление крови больше ста; У него облива́ние мозгов получилось, умер, и т. д.

Поиски внутренней формы слова носителями диалекта иногда принимают причудливые очертания. Например, слово *склероз* превратилось в *клевроз*: заимствованное, непонятное слово соотнесено со словом *клевать* 'причинять боль' (Спать-то не могу, всё болит, — клевроз у меня, говорят). «Искажения» слов не случайны, они мотивированы, осмысленны: Кит тоже *мелкопитающий*: он мелку рыбу кушат; Он мне *подсигар* подарил (под сигары); см. также *хлопаныk* 'клапан'; *трубин* (турбина); *винт* 'бинт' (Новый винт у Кольки навит на руке, видно у медички был, винт навила») и др.

Так непонятные слова, лишенные смысла, чуждые, проникая в диалект, укладываются в логико-семантические отношения, сложившиеся в говоре, усваиваются, обретают внутреннюю форму.[7]

Решающим, основным условием образования семантических диалектизмов выступает принцип мотивированности при номинации предмета или явления, этимологическая относительность. «Мотивационная связь представляет собой один из важных видов системных отношений в лексике диалекта».[8] Принцип этимологической мотивированности отчетливо проявляется в любом диалектном слове, так как название предмету или явлению дается на основании какого-либо замеченного общественной практикой

---

[7] Подробнее см.: Симина Г. Я. Заимствованная лексика в семантической системе диалекта. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972, с. 417—421.

[8] Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.

признака, присущего данному предмету. Выбор признака, положенного в основу названия, может быть не всегда самым главным, но, как правило, всегда в названии отражается связь с исходным словом или понятием.

Мотивационный принцип номинации присущ и литературному языку. По подсчетам О. И. Блиновой слов мотивированных в русском языке значительно больше, чем слов немотивированных.[9] Немотивированные составляют только 6%. «Слова, ясные в словообразовательном или этимологическом отношении, легче воспринимаются, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишенные мотивации», — утверждает А. И. Моисеев.[10]

Особенно прозрачно мотивационная связь, взаимоотношение названия и называемого предмета отражена в диалектных лексико-семантических системах; в них отчетливо видна словообразовательная тенденция сохранить внутреннюю форму слова, его исходно конкретное значение. В процессе развития диалекта, вместе с развитием общественной жизни данного языкового коллектива (с появлением новых предметов и отношений), создаются в говоре новые слова-названия; а так как названия эти всегда мотивированы, то это и приводит к образованию в лексике диалекта семантических диалектизмов.

В диалектном слове в большей мере, чем в литературном языке, представлена конкретность семантики, более четкое предметное сопоставление, — тот образ, который заключен в производящем слове. Например, слово *гнýсный* означает ‘заполненный гнусом’: Гнýсу много в лесу: комаров, мошки, гнусно ведь в лесу-ту» (Сл); *вéтреница* ‘щель, образовавшаяся в наружной стене деревянного дома от ветра, от непогоды’: Ляжечки на стенах-ту видны — вéтреницы: ямки на стене-то вóнной, мягки таки щелúны (Вх).

По этому признаку (от ветра) называется загар: Человек завéтрят — здоровый значит, долго не помрет; а у кого вéтреница не пристает, тот недолговéкой, больной тот человек (К) и др.

Соотнесенность производного и производящего слов дает возможность построить классификацию семантических диалектизмов.

Продуктивным способом образования семантических диалектизмов является путь семантических ассоциаций: по сходству, по смежности; метафорический и метонимический перенос значения, сужение или расширение семантического объема слова и т. п.

I. Мотивация по сходству.

1. Сходство по функции предметов, по назначению их.

---

[9] Там же, с. 103.

[10] См.: Моисеев А. И. Мотивированность слов (мотивированность сложных имен существительных со значением лица в русском языке). — В кн.: Исследования по грамматике русского языка. Л., 1963, вып. IV, с. 126; а также: Иванникова Е. А. О роли мотивированности значений в синонимических отношениях слов. — В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967; Торопцев И. С. Лексическая мотивированность. — Учен. зап. Орловск. пед. ин-та, 1964, т. 22.

Кровь ‘сок растения, наполняющий поры в оболочке зерна и окрашивающий ее по мере созревания’: В красну кровь жито приходит, в серединке, на зернятке-то красны полоски; потом синя [кровь] будет, — это уж дошло жито, кровь уж утеряется (III); Как хлеб зеленый, кровью еще не налился; а в красной крови и синей крови можно уж жать на семена; ковды побелеет, будет в белой крови колос, тогда жнут. Это значение слова *кровь* ни в одном диалектном словаре не отмечено.

Глаза ‘окна по фасаду дома’: На дорогу глазами дом-от стоит, все дома у нас на реку глазами-то (Кз).

Веко ‘крышка деревянной посудины (туеса, лукошка и т. п.)’: Жили мы далеко от колодца, воду носили в деревянных ведрах; чтобы вода не расплескалась, делали вéки к ведрам-то, крышки таки (Кп).

Колодец ‘выемка в нижней планке зимних рам, куда стекается натаявшая вода’: Это на окне колодцы, в них зимой, когда тает, вода копится (Вр).

Пуп ‘стержень, на который надевается верхний жёрнов ручной мельницы’: У нижнего жёрнова пуп есть, а у верхнего — вечея́ — вот ее и надевают на пуп (Ч).

Иногда этимология слова угадывается с трудом и могут возникнуть ложные ассоциации. Например, деревянная форма, заложенная внутрь при битье русской печи, приспособление, позволяющее оформить внутренний свод, называется «покойник»: Когда печь бьют, на под ставят доски со всех четырех сторон, сводят их вверху-ту. Это — покойник. На покойнике-то ловко нёбо свершить, чтобы не обвалилось нёбо-то. Когда высохнет печь, покойника не вытягают, затопляют; покойник сгорит (Сл). В диалектных словарях этого значения у слова *покойник* нет. Полагаем, что слово *покойник* отражает представление о предмете, на котором покоится, держится вся верхняя часть печи, пока ее возводят, бьют.

2. Сходство по форме предметов.

Баран ‘станок для пилки дров’: Это у нас баран, скамья така дрова пилить, у него тоже четыре ноги (Кш).

Брю́шко ‘задняя округлая мышца ноги человека, икра’: На ноге-то, сзади-то брю́шко есть (Кч); Задняя часть ноги от лапы до колена — это брю́шко (Нх). В словарях этого значения не отмечено.

Голова ‘передняя, лучшая часть вороха’: Веем на ветру, пелёву относит ветром; зерно-то — голова, а это хвост, где пелёва. С головы — на семена, с хвоста уж на корм скоту (Чп).

Гужи ‘подземная нить, на которой растут грибы, грибница’: Гужи-те в земле, в моху, на их и растут грибы, слизуны́, плота́ми такима растут (Гр).

Медведь ‘скопление дыма в печи при плохой тяге, клубы густого дыма’: Если нетянуча печь, так медведем топится: зачерне́ в печке-то, дым скопляться будет, это и будет медведь (У). Ни в одном из словарей это значение не отмечено.

Небо (в диалекте *нёбо*) ‘свод в русской печи’; Я кирпично нёбо-то сделала и под кирпичной, у меня теперь жарка печь (Мт). Нёбо внутри печки, верьх-от, полукругло-то (Бг).

Палец ‘спица в колесе’: У колеса в тру́бицу вделываются пальцы (Сл); Трубку вытешут для колеса, потом пальцы вставляют в трубку-ту, — вот и вышло колесо (К).

Перо многозначное слово: 1) ‘стебелек проросшего зерна, всходы’: Жито уж перо показало, как щетка взошло; 2) ‘лист растения’: У изгона-то перо шире, листья-то шире у его; 3) ‘плавник у рыбы’: У сороги перья красны и глаза красны, у миноги перьев нет.

Подошва ‘земляной, плотно утрамбованный пол на гумне’: Богаты, так те из досок пол делают, а бедны, так те на гумне подо́шву делают из гнилы (Вл).

Стебель ‘часть ноги человека от ступни до колена, голень’: Ридикулит у меня, сегодня вот вниз спустилось, в сте́бли болит; ниже колен-то до лапы-то это стебель (К).

Труба ‘колодец со спущенным в него круглым деревянным срубом’: Труба этта была, воду брали, струб спущен туды был, теперь обвалился весь (Кч); Колодец-от узенькой, черпушкой черпают воду, а в трубы́-то вёдра привязаны, их колесом вытягают, колесо вертят (Н).

Шейка ‘узкая часть прялки, швейки’: У прялки-то подгу́зка, ло́пасть, шейка, а наверьху ку́колки-попки́ (Кр).

II. Мотивация по смежности.

В наших материалах представлены многочисленные семантические диалектизмы, образовавшиеся по принципу ассоциаций по смежности.

1. Название человека по его профессии, по отношению к объекту деятельности.

Капустница ‘женщина, выращивающая капусту, овощи, на колхозном поле’: Я капу́стницей была пять годов в колхозе-то, хороша капуста росла у меня (Шд); В парниках-то капустницы огурцы садят нынче и за капустой ухаживают (Ш).

Молока́нка ‘женщина, которая возит молоко с колхозной фермы на маслозавод’ Анна — молока́нка у нас: молоко кажно утро возит на завод (Шд).

Овчарка ‘женщина, ухаживающая за колхозными овцами’: За овцами овча́рки смотрят, за коровами — скотницы (Кш); Овчарка на работу пошла, с овцами обряжается (Вн). В эту же словообразовательную схему укладываются *быча́рка*: Она век быча́ркой была: случала коров и быков (К); *ухажорка* ‘женщина, ухаживающая за скотом’: Она ухажо́рка у нас, за скотом на ферме ухаживат — вот и ухажорка (Шд). Употребительны и *свинарка*, *доярка* (из литературного языка).

2. Название дано по действию, постоянно присущему данному человеку (вообще живому существу).

Заседатель ‘старая дева, засидевшаяся в девках’: Девушки взамуж не выходят, долго не берут их, так заседа́тель их зовут (Н).

В этом же значении употребляется слово *посиделка*: Кто не в замужье, а годы уж далёко, так скажут *посиде́лка*, сидит одна (Б).

Седок ‘ребенок, больной рахитом, долго не начинающий ходить’: У ей все седоки́ дети-то были: до трех—четырех годов сидят (Вр).

Треска́ ‘женщина, любящая поговорить, болтушка’: Вот ведь ты ворожи́линка, така треска́, трещишь и трещишь всё время, вся в маменьку родиму (К).

Лайка ‘крикливая женщина’: Экая ты ла́йка: всё кричишь, ругаешься (Уст); Ругается, лается — вот и лайка (Вт).

Угодница ‘женщина, умеющая все делать, годная на любую работу’: По свадьбам, по похоронам, на роди́ны звали меня, — везде я была уго́дница, всё знала, всё умела (Лх).

О животных и птицах: *ты́ква* ‘кот, который тычется всюду в поисках еды’: Котофейко при́дет домой, так как ты́ква тычется всюду, везде еду ищет (Пд); *долби́лко* ‘дятел’: Долби́лко, дятлы есть у нас, зовут их долби́лками: они всё стучат да стучат (Нх). По характерному действию называют дятла и *колотилком*: Колоти́лко в лесу живет, он дерево долбит, колотит, небольша така птичка (Зс).

3. Название — характеристика человека по объекту привычного действия.

Чайник, чайница ‘любители пить чай’: У нас уж в деревне первы чайники, уж любят пить чай (Пх); Татка у нас вот ча́йник был: утром и вечером чай пил. А мама век не чайница: худо пила чай (Ф); Катя-та ча́йна тоже была; все чайники, кто любит чай пить (Вх).

Табаке́рка ‘курящая женщина (осудит.)’: Пришла ко мне одна табакерка, просилась жить у меня, а я говорю: «Ой, кака ты табаке́рка! Не нать мне ты. В городе много ведь курящих женщин» (Вт).

О животных:

Огорбдник ‘теленок, привыкший лазить по огородам’: Теленок опять в огород залез, такой огорбдник! (Ю).

Огородница ‘корова (или коза) блудня’: «Корова да коза — огородницы, как по полям да по огородам ходят, блудят (Ю).

Полевуха ‘блудня’: Коза была у меня така полеву́ха: всё в поля, всё в поля за огороду скачет бывало (Пд).

Молочник ‘теленок, которого еще выпаивают молоком’: Теленка три недели поила молоком, у моло́чника-то мясо скусне́ (К).

4. Название предмету дано по отношению к произведенному над ним действию.

Выдра ‘выемка в стене, в столбе’: Когда потолок набирают, так вы́дру в матице вырубают, да доски в нее и кладут (З); Вы́дра в столбе огородном, это — вырубка така, в нее жерди и суем (Нх).

Опали́ха ‘печеные овощи’: Опалихой картошку зовут и репу, когда ее в печь бросят, она опалится (Нх).

Заку́ска ‘след от медвежьих зубов и когтей на дереве’: Медведи ме́рятся, как в берлог ложатся: заку́ску на дереве оставляют; годовики́ коктями царапают — отметку делают (Ф).

Печёнка ‘синяк, запекшаяся кровь’: Сестре-то он печёнки насадил, набил ей: сини таки печёнки нашлёпал (Сл).

Печёнка и ‘репа, испеченная в русской печке целиком’: Намоем репу да в печь посадим, репа испекётся, — вот и печёнки будут (Е).

Сливки ‘пиво, слитое с гущи’: Пиво выживет, тогда по лагунáм розольют; сливают пиво, дак слúвки и называют (К).

Утопленник ‘затонувшее в реке бревно’: Утóпленник — дерево утопшо: оскоблено было; оскоблено-то дерево скоре тонет (Кл).

5. Название дано по признаку местонахождения предмета.

Пýтник ‘трава подорожник’: У ногтя у меня болело, пýтником вылечила; пýтник-от лечебна трава, у домов ростет, у дороги (Сл).

Дорóжник то же, что пýтник: Нога у меня болела, я наложила дорóжник — и зажило (Шд).

Дыня ‘выступ, вытесанный на дне лодки-осиновки для прикрепления опругов’: Дыни для опругов, опруги привязывать. Дыни выделывают для опругов из той же осины на дне лодки (Ж). Исходное значение этого слова расшифровывается при чередовании: *дън-о//дын-я* (т. е. то, что находится на дне).

Сковородник ‘лепешка, испеченная на сковородке’: Поешь сковородника-то, сегодня испекла, мягкой (Кч); Холодно молоко пей-ко с белым сковородником; сегодня сковородники у меня белы, хороши (Пх).

Наконечник ‘кружево, пришитое к концам полотенца’: Наконесьники пришивали к спúсьнику [полотенцу], кружева базарьски (Тф): А то, что на полотенце, крючком вяжем, пришиваем на концы-то, — вот и называем наконечник (Вл).

Застеньок ‘затененное место, теневая сторона’: Посидим здесь, этта застéнок, солнце ушло уж отсель (У).

6. Название дано по отношению ко времени.

Полдень ‘поляна, куда днем сгоняют скот на отдых и дойку’: Коровушки на берег сгонены. Така полдень тут, чисто место. Днем выгонят скот нá полдень, где кýстья нет и комаров, оводов меньше (Т).

Зорничёк ‘слабый утренний мороз’: Зорничёк — мороз небольшой, он не вредит порато-то (Кб).

Утренник ‘ночной заморозок’: Мороз и летом бывает: утром встанешь — забелеет, забелеет нá поле-то, это — утренник (К); Утренник падё, и колосок посохнё — вот и зеленый год будет, неурожай (Ю).

7. Название предмета по отношению к другому предмету, ставшему причиной.

Конница ‘дорога, по которой ездят на конях, торная’: Конница, где кони ходят, и зимой, и летом по этой дороге всё ездят (Нх).

Колесница ‘след от колес телеги, колея’: Телёга прошла, так вот колесни́ца образовалась (Нх); Гнилиста земля, на ей вода-та и

стоит, не уходит; телёги колесами-то и пробивают глубокие колесницы на дорогах по са́мы сту́пицы (Кз).

Диалектная лексика творится и в наше время в соответствии с теми же принципами мотивированности, этимологической относительности. Продолжают создаваться и семантические диалектизмы. Например, *отличница* в значении 'отличающаяся от других (одеждой)': Я повойник сло́жила, когда в коммуну зашла. Все молоды бабы без повойников, а я, молода, в повойнике. Это кабыть отличница кака хожу от них; все жонки без повойников, а я одна отличница, кабыть отли́ка от людей кака. Пошла да сбросила повойник (Вр). Слово *отличница* в этом значении — продукт диалектного словотворчества.

Ярко выражена исходная семантика в слове *спаситель* по отношению к самолету скорой помощи: К больной-то к ей прилетал какой-то ероплан, спаситель из Карповой (Нх). Карпова — районный центр.

Появилось новое современное значение в древнем слове *дань* ('алименты'): Зять парня сделал где-то на стороны́, так дань платил на него (Вл).

Сложилось новое слово *нервометатель* 'человек, портящий нервы другим людям': Она его [сына] на улицу оттащила, по плечам-то его насадила. — Нервометатель ты такой! Отец нервы мне метал, пьяница, и ты, сынок, туда же (Вг). Это слово и значение не отмечено в диалектных словарях, оно еще окказионально.

Процесс закрепления в лексической системе диалекта подобных новообразований сложен: слово проходит определенный путь от своего иногда случайного возникновения до полного освоения носителями говора нового значения этого слова, включения его в систему речевых возможностей диалекта.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ПИНЕЖСКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Б — Березник
Бг — Богатка
Вг — Веегора
Вл — Валдокурье
Вн — Вонга
Вр — Веркола
Вт — Вальтева
Вх — Вихтово
Гр — Горушка
Е — Еркино
Ж — Жабей
З — Земцово
Зс — Засурье
К — Кеврола
Кб — Кобелево
Кз — Козлова
Кл — Кулой
Кп — Карпогоры
Кч — Кучкас
Кш — Кушкопала
Лх — Лохново
Мт — Матвера
Н — Немнюга
Нх — Нюхча
Пд — Подрадье
Пх — Похурово
Сл — Сульца
Т — Торома
Тф — Труфанова Гора
У — Ура
Уст — Усть-Ежуга
Ф — Филимоново
Ч — Чешагора
Чп — Чучепага
Ш — Шардонемь
Шг — Шотогорка
Шд — Шиднема
Шт — Шотова Гора
Ю — Юрас
Юб — Юбра

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА

Из наблюдений над приставочным словообразованием глаголов в северных сказках

Язык сказок, по сравнению с другими жанрами устного народного творчества, наиболее близок к живой разговорной речи носителя диалекта. В словарном составе сказок преобладает общеупотребительная лексика. Между тем хотя в сказках, как и вообще в русском фольклоре — одной из разновидностей общенародного языка, используются те же словообразовательные средства, что и в литературном языке, однако словопроизводство с их помощью имеет в них целый ряд особенностей.

Предлагаемая статья посвящена вопросу приставочного глаголопроизводства в северных сказках. Поскольку эта тема весьма обширна и вместе с тем почти не исследована,[1] в работе рассматриваются только диалектные приставочные глаголы с целью выяснения состава словообразующих приставок, их значений и некоторых отличительных особенностей по сравнению с литературным языком.

Статья построена на материалах [2] сказок северных областей из собрания «Русских народных сказок» А. Н. Афанасьева, изданных в 1957 г. в 3-х тт. под ред. В. Я. Проппа.

Точные и бережные записи XIX в., сохранявшие особенности местных говоров, донесли до нас многие диалектные приставочные глаголы. Это *одно-* и многоприставочные образования с префиксами: *в-*, *воз-* (*взо-*, *вз-*, *вос-*, *вс-*), *вы-*, *до-*, *за-*, *из-* (*ис-*, *изо-*), *на-*, *о-* (*об-*), *от-*, *по-*, *под-*, *пере-*, *при-*, *про-*, *раз-* (*рас-*, *роз-*, *рос-*), *с-* (*со-*), *у-*.[3]

Среди них имеется большое число глаголов с приставкой *в-*. Они принадлежат к различным лексико-семантическим группам, но все являются общими с литературным языком. В материалах

---

[1] Исследованию префиксального глаголообразования посвящена кандидатская диссертация: Э б е л ь А. А. Значение и стилистическое использование префиксальных глаголов в русских былинах. АКД. Куйбышев, 1970.

[2] К рассмотрению привлечено около 500 глаголов, которые отсутствуют в литературном языке, выписанных посредством сплошной выборки из 102 сказок.

[3] Глаголы со связанными основами, а также многоприставочные глаголы анализу не подвергались.

зафиксирован лишь один диалектный глагол с этою приставкой: Ну, — думает, — доберусь же я до королевны, что меня в доброе место впястала! (Арх., II, № 193, с. 58).[4] Производный глагол обозначает перемещение внутрь в результате действия производящей основы — 'втолкнуть, поместить куда-либо'. Приставка в нем проявляет одно из своих типовых значений,[5] а именно: направление действия. Это значение усиливается дублирующим семантически приставку предлогом *в*.

Столь разительная малочисленность диалектных глагольных образований с префиксом *в-* восполняется употреблением глаголов с *воз-* (*взо-*, *вз-*, *вос-*, *вс-*) на месте *в-* в литературном языке. Среди этих образований преобладают глаголы конкретного физического действия, в которые приставка вносит пространственную характеристику действия. Как, например, значение направления действия вверх: Дочь Ягишны сейчас на ворота взлезла (Арх., I, № 101, с. 154); Пошел он в чащу и взлез на большую ель (Перм., III, № 345, с. 96); Я взлезу на дерево (Волог., I, № 41, с. 62); направления действия внутрь (которое представляет собою отличие от литературного языка, но встречающееся в диалектах): Эта хижина старая, взойдем в нее — она нас задавит (Оренб., I, № 136, с. 274); Медведь взошел в избу (Перм., II, № 218, с. 169) и др. Взаимозамена приставок *в-* и *вз-*, которую мы наблюдаем, объясняется близостью семантики этих префиксов. «В говорах до настоящего времени они являются синонимами, — пишет И. А. Воробьева, — и употребляются одна вместо другой».[6] Известно, что в литературном языке префикс *в-* вытесняет *вз-*. Ср. обычные для I пол. XIX в. глаголы *взбегать* во что-либо, *встащить*, *взлезать*, которые в современном литературном языке неупотребительны. Приставка *вс-* встречается в текстах также на месте префикса *на-*: Я де твоих денег не видал, а всклепал ты на меня затейкою (Перм., II, № 208, с. 117). Значение ее следует рассматривать как результативное.

Соединяясь с глаголами звучания, а также с глаголами, обозначающими действия, связанные с психикой, чувствами, ощущениями человека, приставка *воз-* (*вз-*, *вс-*) в большинстве случаев вносит значение начала действия: Крестьянин, — взговорил черт, — мне-то куда деваться? (Волог., III, № 433, с. 245); Вздумал добрый молодец, как от единого стакана две лошади пали, от двух лошадей шесть ворон подохли (Арх., III, № 322, с. 50); Ты раз промолчи и в другой промолчи, а как в третий раз вскричит, ты ему отвечай: А что в зыбке у тебя, то мое! (Арх. II, № 228, с. 214); Охти мне! —

---

[4] В скобках дается указание на местность, где была записана сказка, и приводятся библиографические данные (том, номер сказки, страница по цитируемому изданию).

[5] См.: Грамматика русского языка. М., Изд. АН СССР, 1960, I, с. 577—578.

[6] Воробьева И. А. Семантика приставки *в-* в говорах и произведениях устного народного творчества. — Уч. зап. Том. гос. ун-та. Русский язык, т. 39, 1959, с. 45.

взгоревалась сестрица (Арх., I, 101, с. 152). В глаголе *взгореваться* явно ощущается интенсивность действия. Ф. П. Филин отмечал, что диалектные образования с приставкою *вз-* и частицей *-ся* (*взахаться*, *взбуяниться*) не имеют соответствий в литературном языке, почти не встречаются в словарях литературного языка и обычно обозначают нарастание интенсивности действия.[7]

Несмотря на то, что сказки в силу своих жанровых особенностей (по сравнению, например, с былинами, песнями) имеют несколько стилистически сниженный характер, это обстоятельство не мешает широкому употреблению такой приставки, как *воз-* (*вос-*) в языке сказок, о которой Н. П. Некрасов писал: «Предлог *воз-*, соединяясь с глаголом, сообщает значению действия нечто величественное, возвышенное, а потому и приставляется к глаголу нередко там, где речь идет о высоком предмете».[8]

Как возговорит Алеша Попович с кирпичной печи (Арх., III, № 312, с. 17); на все стороны поклонился и возговорил громким голосом (Новг., II, № 315, с. 31); Возрадовался бедный и на рассвете принялся таскать мешки с деньгами (Перм., III, № 345, с. 97); Следом за ним шел в ту пору мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку (Новг., III, № 452, с. 271); Ты бы прежде накормила-напоила, в те поры вестей воспрошала (Арх., I, № 157, с. 364), и др.

Довольно широкое употребление глаголов с приставкой *воз-* с начинательным значением восходит к древнерусскому языку, в котором, как пишет И. А. Воробьева,[9] приставка *воз-* была очень продуктивным средством образования новых глаголов. В современном же литературном языке функцию начинательных приставок взяли на себя соответственно префиксы *за-*, *об-*, *по-*. В говорах же синонимичность этих приставок сохраняется. Вообще, в русских народных говорах, как установила П. И. Павленко,[10] глаголы с приставкою *воз-* широко распространены в обиходно-разговорной речи. Причем активность этого словообразовательного типа возрастает.[11]

В языке сказок встречаются глаголы с частицей *-ся* и приставкою *воз-* со значением направления действия изнутри наружу в значении литературной приставки вы-: Тем временем царские зятья из лесов, из дубровы воздымалися, в чистом поле собиралися (Арх., II, № 296, с. 416).

---

[7] Филин Ф. П. Об одной особенности диалектного словообразования. — Уч. зап. ЛГПИ, т. XV. Л., 1956, вып. 4, с. 185—188.

[8] Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, с. 190.

[9] Воробьева И. А. К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке. — В кн.: Вопросы русской литературы и языка. Томск, 1960, с. 94—95.

[10] Павленко П. И. Глаголы с приставкой *воз-* в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1969. Л., 1971, с. 171—186.

[11] Павленко П. И. К вопросу об употреблении слов с приставкой воз- в русских народных говорах. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972, с. 119—126.

Интересные материалы представляют глаголы с приставкою *вы-*. В ряде образований префикс обнаруживает значения, общие с литературным языком,[12] такие, например, как: 1) направление движения из чего-либо, изнутри наружу: Ляжем-ка на шесток-от: у кого масло выпрежится? Волк уснул, а у лисички выпреглось масло, она им вымазала кума (Перм., I, № 10, с. 17); Как ты из воды выбился? (Кург., III, № 397, с. 189). А молодой боец выпрянул из своего седла (Арх., II, с. 416); 2) изъятие, удаление, извлечение какой-либо части, куска предмета или одного предмета из другого: Он [Мамай] нас полонит, очи выкопает и злой смерти предаст (Арх., III, № 317, с. 38). Она. . . младшей дочери оставила две меры ржи и велела ей вышестать [вычистить] до прихода из церкви (Арх., II, № 292, с. 400); Орал мужик в поле, выорал самоцветный камень (Волог., III, № 525, с. 303); 3) полнота, завершенность и результативность действия: Чем бы с дороги молодца напоить-накормить, в бане выпарить (Арх., III, № 317, с. 36); 4) достижение чего-либо посредством действия, выраженного мотивирующим глаголом: Жил я у семи попов по семи годов. . .: не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого (Арх., III, № 576, с. 371).

Вместе с тем приставка *вы-*, сочетаясь с глаголами различных лексико-семантических групп, способна обозначать, например: направление движения снизу вверх: Высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает (Арх., III, № 312, с. 18); подобное пространственное значение приставки абсолютно не характерно для глаголов с данным префиксом в литературном языке, но в севернорусских говорах, — пишет В. Я. Ильин, — «имеется. . . значительная доля диалектных глаголов. . . со. . . значениями: выздынуть — поднять, где приставка придает значение направления действия снизу вверх, то есть употребляется в значении литературной приставки *под-*».[13] Приставка *вы-* способна также выступать в качестве синонима к литературной приставке *вос-*, обозначая интенсивное проявление действия: Выхваляли [меня] всем крылосом и собором: хорош молодец (Перм., I, № 16, с. 27).

Префикс *вы-* наряду с обозначением законченности, исчерпанности действия может сообщать глаголу и полярно противоположное значение неполноты действия, что совершенно не характерно для литературного языка: Он пришел в хоромы и начал выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена!» (Нижегор., II, № 277, с. 360).

В текстах сказок встречаются также глаголы со значением достижения чего-либо действием мотивирующей основы, образованные одновременным присоединением приставки *вы-* и частицы *-ся* к глаголам речи, например: Тоже выпросился у отца, уехал (Кург., I, № 156, с. 358).

---

[12] Грамматика русского языка, с. 579—580.

[13] Ильин В. Я. Префиксальные диалектные глаголы в севернорусских говорах. — В кн: Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967, с. 232.

Хотя и ограниченно, но в текстах сказок все же встречаются глаголы с приставкою *до-*. Среди них имеются глаголы перемещения со значением достижения пространственного предела, который выражает существительное при глаголе в род. п. с предлогом *до*: Его конь как ясен сокол летит, до земли не дотыкается (Арх., II, № 296, с. 415). Имеются глагольные образования со значением доведения действия до какого-либо результата: Куда, Иван-царевич, пошел? Да вот, баушка, доступать Елену Прекрасную (Кург., II, № 267, с. 331). Встречаются случаи, когда при приставочном глаголе, имеющем значение 'доводить действие, выраженное мотивирующим глаголом, до завершения, результата', отсутствует существительное или субстантивированное слово, указывающее предел этого действия. Ср.: И учил князь Дмитрий Иванович досматривать: незнамый воин правую руку на тулово кроволина-татарина накинул (Арх., III, № 317, с. 40).

Одной из употребительных приставок в языке сказок является префикс *за-*. В рассмотренных текстах он присоединяется к широкому кругу глагольных основ. Среди них много глаголов со значением направления действия внутрь, в пределы чего-либо: Министры упросили его [царя], чтобы не казнил ее [жену], а заклал бы в каменный столб (Оренб., II, № 289, с. 393); Его костей сюда ворона в пузыре не занашивала (Оренб., I, № 136, с. 270); Государь. . скоро им ворота отпирает, силу-армию в город запускает (Арх., II, № 296, с. 416); Напоила и в темную темницу заложила (Перм., III, № 311, с. 14), и т. д. Почти все эти глаголы конкретного действия имеют общенародные основы, однако в литературном языке употребляются с другими приставками.

В составе префиксальных образований имеются глаголы со значением распространения действия только на край, поверхность предмета. Ср.: Пошел [дедка] репку рвать, захватился за репку (Арх., I, № 89, с. 131). В литературном языке в подобных случаях на месте префикса *за-* используется приставка *у-*.

Приставка *за-*, как и в литературном языке, сочетаясь с различными глаголами, способна подчеркивать излишество действия. Ср.: Что запали, лежите, яко мертвы (Кург., I, № 85, с. 128); Заспал задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявой березе (Арх., III, № 317, с. 41); Сам пропадешь и царство твое сгинет: все как есть запустошим (Новг., II, № 191, с. 50); Под тем дубом старик сидит, у того старика волоса, брови, борода заросли уже в землю (Оренб., II, № 289, с. 393), и др.

Одним из количественно-временных значений приставки *за-* является обозначение начала действия: Жихарько не мог стерпеть — забазлал (Кург., I, № 106, с. 169); Сор под порогом закурился (Арх., I, № 71, с. 102); Вот идут в гости кот да баран, завидели караульного (Влад., I, № 44, с. 65); [Муха] полетела, забунчала (Кург., I, № 85, с. 128). Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на кровавое побоище (Арх., III, № 317, с. 39); А рога на лбу и запрядали (Оренб., II, № 238, с. 236);

У старого соборного, у Леонтия-попа зародился сын-могучий богатырь (Арх., III, № 312, с. 16).

В языке сказок, как и в литературном языке, начало действия может быть выражено с помощью глагольных сочетаний. В качестве вспомогательного глагола часто используется: *зачинать* 'начинать что-либо'. Ср.: И зачали за перелетной птицей охотиться (Оренб., II, № 200, с. 88). Медведь и волк. . . зачали меж собою растабаривать (Влад., № 44, с. 65), и др.

Приставка *за-*, как видно из материалов, со значением начала действия, взаимодействует с глаголами различных лексико-семантических групп. Особенностью всех их является обозначение начала долгого, длительного действия. Все начинательные глаголы с приставкою *за-* имеют форму совершенного вида. Начинательное значение у этих глаголов не исключает переходность (завидели караульного).

Количественно-временные значения префикса *за-* могут быть представлены значениями результативности действия. Ср.: Жеребец на колени пал, зауздал его добрый молодец уздою трехпудовою (Оренб., II, № 223, с. 233). Кипяток носит да в бочки льет, всех разбойников заварила (Перм., III, № 345, с. 98).

Среди глаголов с приставкою *за-*, осложненных суффиксом *-ива-*, встречаются также образования со значением приобретения чего-либо действием мотивирующего глагола. Ср.: Эта девка, знать, сестра его, увезу ее домой, пусть зарабливает мои деньги (Кург., III, № 397, с. 186).

В анализируемых текстах представлены, хотя и скупо, глагольные образования с приставкою *из-* (*ис-*). Как известно, своеобразие этой приставки состоит в том, что в части своих значений, а именно с пространственной характеристикой действия, она многими исследователями относится к числу церковно-славянских заимствований. И напротив, глаголы с *из-* со значением полной исчерпанности действия считаются исконно русскими.[14] В наших материалах встретился лишь один глагол с пространственным значением префикса: Палицами ударились — палицы по чивья поломались; копьями соткнулись — копья извернулись, саблями махнулись — сабли исщербились (Арх., III, № 317, с. 40). Глагол *извернуться*, видимо, употреблен со значением направления движения в разные стороны от исходной точки. Приставка *из-* синонимична в данном случае префиксу *раз-*. Большинство же глагольных образований имеет значение (свойственное и литературному языку) полной исчерпанности действия. Ср.: Первее того испидрал ярлыки Мамая поганого и писал свои листы скорописчаты (Арх., III, № 317, с. 37). Своеобразие приставочных образований с *из-* состоит в том, что приставка, присоединяясь к общенародным основам, образует слова, известные лишь в диалектах. В литературном языке им соответствуют глаголы с приставками *раз-*, *с-* и др. Ср.: За что я ее

---

[14] См.: Ляпунов Б. М. Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*. М.; Л., 1929.

избранил? (Оренб., I, № 136, с. 267); Что вам надобно, приказывайте — все искуплю на ярмарке (Волог., II, № 235, с. 241); Трое суток ездил без отдыху, совсем истомил жеребца (Арх., II, № 250, с. 290); Я так хороша, что боюсь, как бы меня не изурочили (Оренб., III, № 314, с. 35).

Своеобразие приставки проявляется также в выполнении ею функции литературного *пере-*. Ср.: Всех извязал в кули и давай спускать по одному; испускал всех в воду (Кург., III, № 397, с. 189). Для *из-* возможно также употребление в функциях приставок *о-*, *при-* со значением результативности действия. Когда поймает ее король да изготовит, а королева покушает (Оренб., I, № 136, с. 267); Стал отец помирать и оставил сыну при доме все наследство, а другому ничего не дал, думал, что брат брата не изобидит (Перм., III, № 345, с. 95).

Диалектные глаголы в языке сказок образуются также с помощью приставки *на-*. Однако по сравнению с другими приставочными глаголами эта группа немногочисленна. Почти все они имеют значение результативности действия: Наточил из мизинца крови (Кург., I, № 156, с. 356); Старик сел за стол. . . и нарушал хлеба (Волог., I, № 95, с. 141), и др.

В текстах встретился глагол *наехать* со значением перемещения в непосредственную близость к кому-, чему-либо. Префикс *на-*, осуществляющий пространственную характеристику действия, выступает в данном случае в функции приставки *при-*. Ср.: Вот наехала царь-девица, спустила со своего корабля сходни на корабль Василия-царевича (Оренб., II, № 233, № 231).

В материалах зафиксировано также использование приставки *на-* в качестве префикса *над-*. Ср.: Дон-мать пресвятая богородица! Не попустите некрещеному татарину наругаться над храмами вашими пречистыми (Арх., III, № 317, с. 41). Приставочно-суффиксальное образование со значением полноты действия представляет собою глагол надуматься: Медведь ревел, ревел, надумался и сделал себе липовую лапу (Перм., I, № 57, с. 82).

Приставка *о-* (*об-*, *обо-*) — одна из наиболее употребительных префиксов, служащих средством глаголообразования в сказках. В рассмотренных текстах глаголы с приставкою *о-* выступают с пространственными и количественно-временными значениями. Из пространственных значений следует отметить — направленность действия по окружности, вокруг предмета, на все его стороны. Ср.: А Незнайко тем часом угодил ему [сарацинскому богатырю] в самую пельку и обворотил его, как ржаного снопа (Арх., II, № 296, с. 418); Расскочились еще надвое далеким-далеко да по чистому полю, добрых коней обворачивали (Арх., II, № 296, с. 415); Иван-дурак поехал, видит на дороге хлеб, в хлебе лошадь; он выгнал ее прутиком, чтоб не отаптывала (Кург., II, № 239, с. 258).

С целым рядом глаголов, принадлежащих к разным лексико-семантическим группам, приставка *о-* (*об-*) имеет значение законченности, разультативности действия: А царь посылает к нему

посланника: обдумался ли? (Новг., II, № 190, с. 43); Конь по первый ускок сделал сто саженей печатных, вторым ускоком версту промеж ногами проложил, третьего ускока на земле опятнать не могли (Арх., III, № 317, с. 37); Ванюха да как-то не обробел, выхватил свою саблешку, да и ссек ему голову (Кург., III, № 430, с. 238); Обседлали ему добра коня (Арх., III, № 317, с. 39). Как можно заметить, в сказках очень часто вместо приставки *о-* употребляется ее вариант *об-* в таких сочетаниях, которые нехарактерны для литературного языка.

Приставке *о-* (*об-*) свойственны также значения: а) полноты действия. Ср.: Обсиделся задонский князь (Арх., III, № 317, с 41); Морозко у девушек руки ознобил (Волог., I, № 95, с. 142); б) в сочетании с частицей *-ся* — нарастание интенсивности действия: Волк осердился (Волог., I, № 12, с. 21); Царь также ожил, забегал, осердился (Кург., II, № 274, с. 356); в) обозначение действия, совершенного в промежутке между другими действиями: Оборочусь старою избушкою; захотят они обночевать в ней. . . (Оренб., I, № 136, с. 243), и др. Своеобразие этих глаголов состоит в том, что приставка *о-* присоединяется к общенародным основам, образуя диалектные слова. В литературном языке им соответствуют образования с приставками *за-*, *раз-* и даже *пере-*. Следовательно, префикс *о-* не имеет указанных значений в литературном языке и обнаруживает их в словах локально ограниченных. Абсолютно несвойственным значением литературному префиксу *о-* является обозначение начала действия. Ср.: Вдруг солнце осияло своими лучами (Арх., II, № 259, с. 314); Через некоторое время царица обеременела (Оренб., II, № 289, с. 392); Какая значка у него, такая и у всех объявилась — в покоях все осияло (Новг., III, № 315, с. 29).

Диалектные образования с приставкою *от-* в текстах сказок представлены скупо. Это глаголы с количественно-временными значениями у приставки, имеющимися и в литературном языке:[15] а) завершение и прекращение действия («уничтожения результата предшествующего действия»): А вот какую [загадку]: в Пенском, Черепенском, под сковородным, здравствует ли Куруханович? — Они не отганули (Перм., III, № 392, с. 181). (В текстах на месте приставки *от-* часто встречается префикс *до-*, например: Царевна не могла догадать и этой загадки (Кург., II, № 239, с. 259); б) результативность действия: Забрызгал он свои очи ясные поганою татарскою кровью, тут у него и свет выбрало — отемнел (Арх., III, № 317, с. 41); Увидел, что его любимые луга травят какие-то люди, тотчас отряжает ближнего своего спросить, что за люди? (Кург., III, № 430, с. 237); в) значение «возвратности»,[16] ответности действия. Ср.: Да я отсмею ему эту насмешку (Оренб., I, № 136, с. 272).

---

[15] См.: Грамматика русского языка, с. 590.

[16] Востоков А. Х. Русская грамматика А. Востокова. . . Изд. 8-е. СПб., 1852, с. 113.

В составе диалектных префиксальных образований имеются глаголы с приставкою *пере-*. Из них мотивирующие глаголы перемещения и конкретного физического действия с префиксом *пере-* обозначают направленность действия из одного места в другое: Век жить — не реку перебрести (Кург., II, № 207, с. 329); Он сел на печи, перегребает сажу и говорит: — Черт ли ее на кражу нес! (Перм., III, № 396, с. 185).

Приставочные глаголы отвлеченные, как например обозначающие действия, связанные с психикой, чувствами человека, глаголы речи и т. д., обозначают либо действия, превосходящие в каком-либо отношении (по длительности, интенсивности и пр.) аналогичные им действия, одновременно с ними происходящие: Я ж тебя перехитрю, я ж тебя перемудрю (Горьк., II, № 252, с. 295). Что заставят, то и делала, ни в чем слова не перекорила (Волог., I, № 95, с. 140) и др., либо доведение действия до крайнего предела: Стали думу думати, как перевести щуку зубастую (Волог., I, № 81, с. 124), или взаимность действия: Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться (Арх., III, № 317, с. 40).

Самой многочисленной группой диалектных приставочных глаголов в текстах сказок следует признать глаголы с префиксом *по-*. Однако с пространственными значениями приставки их зафиксировано очень мало. Ночью молодая говорит мужу: Высади меня в окошко по холсту поветриться, а как тряхну холстом, назад тяни (Кург., III, № 397, с. 187). Приставка *по-* указывает на распространение действия по поверхности, это значение поддерживается дублирующим семантически приставку предлогом *по*. Как известно, в современном русском литературном языке подобные глагольные образования утрачены (ср. *поехать по железной дороге* и т. п., где приставка скорее указывает на начало действия). В следующем примере значение приставки не имеет четкой определенности, однако пространственность в значении префикса все же ощущается. Ср.: [Малая сестра] на стол [чашу] постановила (Арх., II, № 296, с. 412). Направление действия сверху вниз префикс *по-* вносит в глагол *полезать*: Дятел, дятел! Полезай с дубу долой (Нижегор., I, № 32, с. 48).

Со значением направленности действия до определенного предела встретился в сказках глагол *побывать*: Уезжая, она (царь-девица) приказывала, чтобы ты, добрый молодец, ложился спать с вечера, поутру раненько вставал да опять сюда побывал (Оренб., II, № 233, с. 232). При этом действие характеризуется не как процессное, протяженное, а, наоборот, как результативное.

Наиболее активно к глаголам присоединяется приставка *по-*, выражающая результативность действия очень часто в сложном переплетении с грамматическим значением совершенного вида. Таких глаголов большинство. Во многих из них приставка *по-* выступает на месте литературного префикса *с-*, иногда *-у-* и *при-*: Посланник пошел и заслушался [музыкою]; Вот третьего посылает, и третий заслушался; Вот приходит сам царь к зятю, он потемнил

и царя этой музыкой (Новг., II, № 190, с. 43); Поделали спуски длинные, ремень к ремню сшили (Кург., II, № 189, с. 37); Двери побутусились, тын рассыпался (Арх., I, № 71, с. 102); Тут млад Балдак, сын Борисьевич, покинул играть и молвил салтану турецкому последнее слово (Новг., № 315, с. 32); Он опять спрашиват: они и сказали ему, что злы люди похимостили, испортили ее в козлуху (Кург., III, № 397, с. 187); Вот он спасу помолился и спать повалился (Арх., III, № 576, с. 372); В озерах вода колебалася, с песком помешалася (Арх., II, № 296, с. 414); На возвратном пути все стоячие камни обрызгала; из тех камней поделались люди (Оренб., II, № 289, с. 394); Нельзя потаить — купил три корабля (Перм., II, № 28, с. 170); Красна девица наша больно ему поглянулась (Арх., II, № 292, с. 401), и мн. др.

В сказках имеется ряд начинательных глаголов. Как известно, в литературном языке приставке *по-* свойственно выражать начало действия. Своеобразие начинательных глаголов в сказках заключается в том, что префикс *по-* используется вместо литературных *за-* и *на-*: Пошла на вышку, нашла кринку масла, да и почала ее (Перм., I, № 10, с. 17); Куда похочешь — туда и лети (Арх., II, № 284, с. 376); Во лесах деревья пошаталися (Арх., II, № 296, с. 414), и др. Следует отметить, что все образования с начинательным *по-* представлены глаголами совершенного вида. В отличие от современного литературного языка, в котором для выражения начала действия приставка *по-* присоединяется к кругу глаголов, обозначающих однонаправленное движение (*поехать*, *побежать*), в языке сказок встречаются глаголы разнонаправленного движения (*деревья пошаталися*). Употребление такого типа глаголов характерно для русских народных говоров.

В языке сказок возможны глагольные образования с приставкой *по-* и суффиксом *-ыва-*, обозначающие длительно-прерывистое действие с оттенком неполноты, а именно действие, совершаемое время от времени: Сватушка, где же моя-то сестра? Я давно с ней не виделся. Те посемывают. Он опять спрашиват. . . (Кург., III, №, 397 с. 187); Он вокруг нее похаживат, сапожком ее попинывает (Перм., III, № 311, с. 15). Значение неполноты действия может быть выражено приставкой *по-* на месте литературной *под-*: На язык кладет целого лебедя, пирогом попихнул — все вдруг проглотнул (Арх., III, № 312, с. 17).

Имеются в языке сказок и дистрибутивные глаголы. Ср.: Остальные восемь волков еще пуще стали бояться кота да барана: коли двенадцать [волков] смогли поесть, а осьмерых и подавно поедят (Влад., I, № 44, с. 64).

В числе диалектных глагольных образований имеется сравнительно немного глаголов с приставкою *под-*. В большинстве своем они имеют значение ‘приблизиться к кому-, чему-либо’: Этот старик подкликал его к себе (Кург., I, № 125, с. 214); Когда сила с силою сходилась, мать сыра земля подгибалась, вода подступалась (Арх., III, № 317, с. 39). Для некоторых из глаголов возможно, в отличие от литературного языка, употребление

с предлогом *под*. Ср.: Подплывают под то царство, где была невеста-царевна (Кург., I, № 415, с. 319).

Среди глагольных образований с префиксом *под-* встречаются также глаголы со значениями: а) неполноты действия: На тех поминках и сам подпил (Новг., II, № 231, с. 224); б) для глаголов отвлеченного действия — совершения действия тайно, скрыто от кого-либо: Эх, Михайло Иваныч, ведь больно кот-от ретив, нельзя к нему поддоброхотиться: того и гляди, что в клочки изорвет (Влад., I, № 44, с. 65).

Значительное число диалектных глаголов в сказках представляют собою образования с префиксом *при-*. Для этой группы глаголов характерно разнообразие производящих основ и довольно широкий круг значений у приставки. В зависимости от значения производящего глагола приставка обозначает прибытие, присоединение или приближение к кому-, чему-либо: Зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне (Арх., II, № 259, с. 314); Они об одну ночь и приставили ее туда, куда приказала (Новг., II, № 190, с. 42), и др. Глаголы с приставкой *при-* в текстах сказок (как и в литературном языке) могут обозначать движение со стороны, сбоку: Эй, милый! Приворачивай сюда; я здесь живу (Арх., II, № 228, с. 214); Ну, ребята, — закричал Иван корабельным работникам, — приворачивайте к берегу (Арх., II, № 242, с. 269). При взаимодействии с глаголами отвлеченной семантики, производящая основа которых обозначает действие, совершаемое в интересах субъекта, вносимое приставкой указание на направленность действия становится несколько размытым. Ср.: Что за беда! — думает. После присватается, да коли нехорош, так и отказать можно (Волог., II, № 235, с. 241); Пошел свататься, да не могу невесты приискать (Кург., I, № 128, с. 228), и др.

Следует отметить, что, как и в русских народных говорах, очень высок удельный вес приставочных глагольных образований в текстах сказок со значением большой степени действия (известно, что в литературном языке значение интенсивности действия у приставки *при-* нечетко выделяется. Ср.: Бежал, бежал [заяц], все ноги прибил (Арх., II, № 259, с. 312); И тебя бы Тугарина так, за столом-то всего привало! (Арх., III, № 312, с. 17); Гаврило поверил ему, заколол корову и приел говядину (Перм., III, № 447, с. 263); С пива того приупился мужик (Арх., III, № 428, с. 233); Морозко сильно . . . приударил (Волог., I, 195, с. 142), и мн. др. Материалы показывают, что почти все приставочные кумулятивные глаголы — это глаголы физического действия. Все они имеют форму совершенного вида. Приставка, таким образом, является перфектирующей. Основное ее значение — результативность, на которое наслаивается, в зависимости от мотивирующих основ, значение большой степени действия. В текстах сказок также много дистрибутивных глаголов: Тот соскочил на коня, всех прибил, оставил одних язычников (Кург., III, № 430, с. 237); Того и смотри, что город сожгут, людей при-

бьют (Арх., II, № 296, с. 414); Пойдем мы к океан-морю, прирубим легкие струги (Арх., III, № 317, с. 38), и др.

Наряду с обозначением чрезмерности действия префикс *при-* может сообщать глаголу и полярно противоположное значение недостаточности действия, заключающееся либо в кратковременности, либо в ограничении интенсивности. Глаголы в этих случаях часто осложнены суффиксом *-ы(и)ва-*, либо префикс *при-* выступает в них как вторичная приставка: Едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает (Волог., III, № 400, с. 197); Увидел я на хвосте у ней [у кобылы] пежинку, привскочил да и сел (Арх., III, № 421, с. 222); Молоду жену призадерживал (Арх., III, № 428, с. 232); Красное солнышко из-за леса привздымается (Арх., III, № 317, с. 40).

Глаголы с приставкой *про-* представлены в языке сказок значениями: а) совершения действия в течение какого-либо промежутка времени: Ступай, просиди в бане (Кург., I, № 125, с. 217); Пробаяла это старуха и ушла (Кург., I, № 156, с. 361); [Лисица] промыслила где-то рыбки (Влад., I, № 3, с. 6); Провещал ей конь человечьим голосом (Перм., II, № 209, с. 122); Все вдруг проглотнул (Арх., III, № 312, с. 17), и мн. др.; б) результативности действия, очень часто осложненного оттенком особой полноты, исчерпанности совершения его: Парень стал тосковать да с горя запоем пить, и до того дошел, что совсем пропился (Арх., II, № 228, с. 214); Его резвы ножки подломилися, его белые ручки продрогнули (Арх., II, № 296, с. 417), и др.; в) некоторые глаголы с префиксом *про-* и частицей *-ся* имеют значение начала какого-либо действия, соотносясь в литературном языке с приставкою *по-*. Ср.: Стали проявляться комары (Кург., I, № 85, с. 128).

В составе приставочных образований в языке сказок имеются глаголы с префиксом *раз-*. Они используются в сказках, как и в литературном языке, с пространственными количественно-временными значениями. Присоединяясь к глаголам перемещения и конкретного действия, приставка *раз-* вносит в них указание на направление действия из одного места в разные стороны: Все тесто по полю разметала (Арх., I, № 71, с. 102); Василиса Васильевна стала с царем Бархатом по палатам разгуливаться (Свердл., III, № 316, с. 34), или деление на части: Расскочились еще надвое далеким-далеко да по чистому полю (Арх., II, № 296, с. 415). В некоторых случаях глагол образуется одновременным присоединением приставки, суффикса *-ыва-* и частицы *-ся*. Из количественно-временных значений следует отметить значение полноты действия с оттенками интенсивности и тщательности исполнения действия, выраженного мотивирующей основой глагола: Самый царь на него распрогневался и выгнал из дому (Оренб., III, № 314, с. 23). Попался ему навстречу . . . старичок, спрашивает его: Что так призадумался-раскручинился, добрый молодец? (Арх., II, № 256, с. 303); Стала она царствовать и не забыла распроведать о своем муже Василье-царевиче (Оренб.,

III, № 314, с. 26), и др. В этой группе, как видно из приведенных примеров, представлены глаголы, обозначающие психическое состояние человека, глаголы речи и нек. др., часто осложненные частицей *-ся*.

Наибольшей активностью в глагольном словопроизводстве языка сказок обладает приставка *с-(со-)*. Она широко употребляется с пространственным значением, которое в основе своей не отличается от литературного языка,[17] обозначая направленность действия, движение вниз. Причем это значение в зависимости от семантики мотивирующих основ может проявляться по-разному: как удаление с поверхности предмета или от самого предмета: Ах, — говорит, — я ведь шапку сронил (Арх., II, № 242, с. 271); Если у кого отгадаю загадки, тому чтобы голову ссекли (Кург., II, № 239, с. 258). Префикс *с-* может обозначать также направление действия, движения с разных сторон в одно место: Собирайтесь, сокопляйтесь за единый стол (Новг., III, № 315, с. 27); Стали они [богатыри] во единое место съезжаться, словно тучи грозные скататься (Арх., II, № 296, с. 415).

В составе диалектных префиксальных образований имеются глаголы, в которых приставка *с-* используется с пространственными значениями, не известными литературному языку. Так, например, встречаются глаголы, в которых префикс *с-* обозначает: а) направленность действия внутрь: Сошел он в эту избушку и начал рубить ее (Оренб., I, № 136, с. 274), б) направленность действия вверх (значение, соотносительное со значением литературной приставки *вс-*): Илья Муромец на того слова́ соскочил на коня, погнал. . . (Кург., III, № 430, с. 237); Птица спорхнула и полетела (Кург., II, № 189, с. 39); в) указание на наличие приближения, перемещения (на месте литературного *при-*): Соскакали с лесу, отправились в свое царство (Кург., I, № 125, с. 217); г) обозначение движения «туда и обратно» с глаголами однонаправленного движения: Съехали бы в город, купили бы новую (Оренб., I, № 136, с. 273); д) обозначение направления движения в разные стороны (соотносительное со значением приставки раз- в литературном языке): Царевна проговорила: — Вылети, мое яблочко, и пади на сырую землю, а ты, мать сыра земля, соступися! Земля соступилась (Перм., II, № 299, с. 425).

Приставка *с-* может определять действие с точки зрения его протекания и характера осуществления. Так, в диалектных материалах имеются глаголы, в которых приставка *с-(со-)* обозначает начало действия (отметим, что для выражения начала действия в литературном языке, как известно, имеются приставки *за-*, *по-*, *вз-(вс-)*. Созвал второго: А ты чего? — Я умею ковать всяки дороги вещи (Кург., I, № 145, с. 319); Созвал дедка бабку [тащить репку] (Арх., I, № 89, с. 131); Скричал Незнайко богатырским голосом, сосвистал молодецким посвистом (Арх., II, № 296, с. 414); Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали:

[17] Грамматика русского языка, с. 600.

кака красавица (Кург., II, № 267, с. 330), и др. Эти глаголы указывают на достижение результата действия в процессе его возникновения. Значение же приставки *с-(со-)* в данных случаях соотносится с начинательным значением приставки *по-* в литературном языке. Как можно заметить, начинательное значение у глаголов не исключает их переходность.

Для глаголов с приставкою *с-(со-)* в языке сказок возможно также значение 'уничтожить, повредить, израсходовать что-либо в результате действия, выраженного производящим глаголом': Сшибите мою старую избу и поставьте на этом месте каменный дом (Новг., II, № 190, с. 40); [Лиса] там масла лизнет, толоконца лизнет, лизала, лизала, да все и сзобала (Арх., I, № 11, с. 18).

Глаголы, образованные одновременным присоединением приставки *с-* и частицы *-ся*, могут обозначать взаимность действия: Заспорил Лука с Петром, сомутилася вода с песком (Костром., III, № 424, с. 227).

Многие глаголы с приставкою *с-(со-)* имеют значение 'совершить (довести до результата) действие, названное производящим глаголом': Сохватила старая это кольцо, отдала его Алеше Поповичу (Оренб., III, № 314, с. 26); Ехать было к шуту, не сшутит ли каку шутку! (Кург., III, № 397, с. 186); Еще пир не скончался, а курьер уже догнал во срацынское королевство (Арх., II, № 296, с. 416).

Среди глаголов с результативным значением очень много образований, которым в литературном языке соответствуют глаголы с другими приставками. Ср.: Вот спознаем, кто масло съел (Волог., I, № 12, с. 21); Ах ты ворона, ворона, царь Бархат! Не умела ты ворона сокола в саду соймать (Свердл., III, № 316, с. 35), и др.

В текстах сказок довольно много глаголов с приставкою *с-* на месте литературного *вс-*. Подобные факты имеют место в говорах, особенно северного типа. Исследователи указывают на роль фонетического фактора в этой замене, но вместе с тем справедливо подчеркивают, что сводить решение этого вопроса полностью к нему нельзя.[18] Действительно, скорее можно предполагать, что решающую роль в этом явлении играют словообразовательные факты. И не только для тех случаев, когда упрощение приставки *вз-(вс-)* в *с-* наступает при совпадении их значений или «не искажает значение слова», — как пишет К. А. Федорова.[19] Основная причина этой замены, думается, лежит в специфике диалектного приставочного глаголообразования, а именно в интенсивном словообразовательном варьировании глаголов, отмечаемом многими исследователями диалектного словообразования, которое находит свое отражение в языке сказок. Сомнительно, например, считать, что префикс *с-* представляет собою упрощение

---

[18] См.: Федорова К. А. Чайник скипел или вскипел? — В кн.: Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1976, с. 102—111.

[19] Там же, с. 106.

вс- в ряде глаголов с начинательным значением. Ср.: Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали (Кург., III, № 267, с. 330). Старик . . . постучался в окошко и скричал: — Господин купец, отдай моего сына (Арх., II, № 250, с. 289). Скорее можно полагать, что в данных примерах приставка *с-* употреблена в функции префикса *за-*. Вряд ли можно также объяснять фонетическими причинами наличие префикса *со-* на месте литературной приставки *вс-*, хотя значения их и совпадают. Ср.: Илья Муромец. . . соскочил на коня (Кург., II, № 189, с. 26). Не случайно в языке сказок встречаются глаголы с обратной заменой приставок, *с-* на *вз-*. Ср.: Наложила королевна на него ногу, наложила и другую, потом взгребла подушку и начала его душить (Оренб., I, № 136, с. 277). И наконец, в текстах есть глаголы, как *скочить*, в которых можно предполагать упрощение *вс-* в *с-* в таком, например, контексте: Петух на лавку скочил (Волог., I, № 37, с. 56); Которая жена скорее на ворота скочит, с той и жить стану (Арх., I, № 101, с. 154). Но в следующих примерах, несмотря на аналогичные фонетические условия, предположить такое упрощение нельзя. Ср.: Младеного матерь на землю скочила (Арх., I, № 101, с. 153); Скочили они со добрых коней, бились-дрались рукопашным боем (Арх., III, № 317, с. 40). Эти факты дают право считать, что упрощение *вс-* в отдельных случаях возможно и имело место, но определяющими в этих явлениях все же следует признать словообразовательные причины.

Образования с приставкой *у-* функционируют в сказках с пространственными и количественно-временными значениями. Среди них — обозначение направления действия вниз: Я хвост-то в прорубь упущу (Арх., I, № 11, с. 19). Возможно также употребление приставки *у-* вместо *при-* со значением присоединения к чему-либо: Устланы мосты сукнами багровыми, а убиты все гвоздями полуженными (Уфим., III, № 313, с. 21).

Глаголы с приставкой *у-* могут иметь также значение ‘уместить что-нибудь в каком-нибудь пространстве с помощью действия, обозначенного мотивирующим глаголом’. Ср.: Старик молча уклал пожитки (Волог., I, № 95, с. 141), и др.,

Широко представлены в текстах глаголы с приставкой *у-* со значением доведения действия до определенного результата: Царь-девица уведала хитрости мачехины (Оренб., II, № 232, с. 228); Все усмотрели у него на голове золотые волосы (Новг., III, № 315, с. 39), и мн. др.

Префикс *у-* используется в функции *по-* со значением начала действия: Старик ушел в лес на работу, кот унес ему есть (Волог., I, № 37, с. 55). В качестве вспомогательного глагола при обозначении начала действия используется глагол *учать*: И стал Алеша на возрасте, учал у отца-матери просить благословеньица (Арх., III, № 312, с. 16); Учали они кидать жребий (Арх., III, № 317, с. 38), и т. д. Встречаются глаголы со значением полноты проявления действия: Мужик угостил их, употчевал всякими наедками (Новг., II, № 303, с. 435).

Таким образом, наблюдения над диалектными глаголами в языке сказок позволяют сделать следующие выводы.

Приставки широко используются как средства образования диалектных глаголов в языке фольклора. Для них характерно, при взаимодействии с различными глагольными основами, семантически преобразовывать глагол. Состав приставок в основе своей однотипен с литературным языком. Отличие представляют собою лишь префиксы *над-*, *недо-*, *низ-*, *пре-*, *пред-*, которые не участвуют в диалектном глаголообразовании. Несколько иная и употребительность приставок, определяемая в основном широтой семантики префикса. Так, например, диалектные образования с приставкою *от-* в текстах сказок представлены очень скупо. Все значения этого префикса совпадают с количественно-временными значениями его, имеющимися в литературном языке. Редко взаимодействуют с диалектными глагольными основами префиксы *в-*, *до-*, *под-*. Значения их также не имеют отличий от литературного языка. При этом на месте *в-* очень часто находим, как уже отмечалось выше, префикс *вз-*(*взо-*), что свидетельствует о синонимичности этих приставок в языке сказок, характерной также для говоров и почти исчезнувшей из литературного языка.

Следует отметить, что глаголы с префиксом *воз-* очень часто не имеют, как и в говорах, стилистической окраски, столь характерной для литературного языка.

Многие из префиксов функционируют в языке сказок, как уже отмечалось по ходу рассмотрения диалектных глаголов, со значениями, неизвестными литературному языку. Как, например, для приставки *с-* — обозначение направленности действия внутрь, вверх, указание на наличие приближения, перемещения; для приставки *про-* обозначение начала действия, и т. д. Глаголы с такими приставками, как правило, в языке сказок представляют собою самые многочисленные группы. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие из значений приставок, отсутствующие в литературном языке, широко представлены в диалектах. Так, например, диалектное образование представляют собою глаголы с префиксом *вз-* и частицей *-ся*, обозначающие нарастание интенсивности действия, или глагольные образования с префиксом *вы-* со значением направления действия снизу вверх, характерные для северных говоров, и т. д.

Представляет интерес развитие старославянского значения префикса *из-* в языке сказок (ср.: . . .копьями соткнулись — копья извернулись, саблями махнулись — сабли исщербились, где приставка *из-* синонимична префиксу *раз-*).

Специфика глаголообразования с помощью приставок в языке сказок проявляется в широкой синонимике однокорневых приставочных глаголов, что значительно менее свойственно литературному языку, но является характерной особенностью глаголообразования в диалектах (ср.: *захватился—ухватился*, *извязал—перевязал всех*, *созвал—позвал* и т. д.). Меньшая по сравнению

с литературным языком специализация словообразовательных формантов связана, как и в диалектах, с отсутствием четкой дифференциации значений приставок.

Взаимозаменяемость приставок расширяет их структурные и семантические связи и тем самым повышает их продуктивность. Поэтому наиболее употребительны именно те приставки, для которых наиболее характерно названное явление.

Своеобразие глагольных образований в языке сказок создается также необычным сочетанием префиксов с общенародными основами. При этом в одних случаях эти производящие основы сохраняют свое основное значение (ср. *обночевать*, *обеременеть* и т. д.), в других же — наступает семантическое перерождение глагола (ср., *вздумал* 'вспомнил', *выигрывать* 'наигрывать на каком-либо инструменте').

Для языка сказок характерно (как и для диалектов) явление омоморфии. Так, например, для префикса *вы-* при взаимодействии с глагольными основами возможно не только обозначение полноты проявления действия, интенсивности его (ср.; Чем бы с дороги молодца напоить-накормить, в бане выпарить), но и обозначение (в сочетании с суффиксом *-ыва-*) полярно противоположного значения неполноты действия (ср.: Он пришел в хоромы и начал наигрывать. . .). Это же явление свойственно также префиксу *при-* (ср.: Гаврило. . . приел говядину и Иванушка. . . едет да прихвастывает и др.).

Специфические черты глагольных образований обнаруживаются также и в некоторых грамматических свойствах. Приставка, например, не всегда перфективирует глагол. Ср.: Уезжая, она [царь-девица] приказывала, чтобы ты, добрый молодец, ложился спать с вечера, поутру раненько вставал да опять сюда побывал (Оренб., II, № 233, с. 232); Подавился петушок бобовым зернятком: ни спышит, ни сдышит, ровно мертвый лежит (Арх., I, № 69, с. 99). Наличие пережиточных явлений видового становления глагола представляет собою, как отмечают исследователи, одну из особенностей диалектного глаголообразования.[20]

Многие диалектные глаголы отличаются особым управлением. Ср.: воздыматься из дубровы, сосвататься на царевне и др.

Приведенные материалы позволяют говорить о наличии своеобразия в использовании словообразовательных средств в языке сказок. При этом большинство из особенностей находят свои аналогии и объяснения в диалектах, в частности в северных говорах, на территории которых были записаны сказки. Это обстоятельство подтверждает органическую связь языка сказки с живой речью исполнителя ее.

---

[20] См.: Этерлей Е. Н. К вопросу о видовой дифференциации русского глагола. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972, с. 105—118.

Н. В. ПОПОВА

Особенности отрицания *не-* в составе некоторых диалектных слов

Чем обширнее лексический материал, обрабатываемый при составлении «Словаря русских народных говоров», тем нагляднее картина своеобразных, пока еще мало изученных, порою даже просто неописанных явлений в области диалектного словообразования. «Еще нельзя сказать, — отметил Ф. П. Филин в статье «Вокрасно, вокрасный», — что мы уже близки к полному описанию диалектных словообразовательных особенностей. До такого описания еще далеко. Не описаны даже такие явления, которые лежат на языковой поверхности».[1]

В данной статье мы обращаем внимание на несколько фактов, «лежащих на поверхности», которые наводят на размышления и побуждают к разработке вопросов, связанных с участием отрицания *не-* в образовании слов.

Напомним, что поведению частицы *не-* в русском языке уделялось мало внимания. Даже после обширной и обстоятельной работы В. И. Чернышева «Отрицание *не* в русском языке» (Л., 1927) остается в силе упрек его по адресу грамматистов: «Почти все наши грамматики совершенно забывают что-нибудь сказать об этой большой и замечательной группе сочетаний глаголов с *не*, так определенно выделенной некогда наблюдательными и учеными составителями Академического Словаря».[2]

Речь шла о группе глаголов со сложной приставкой *недо-*, однако сетование замечательного знатока русской речи и по сей день справедливо по отношению и к другим различным проявлениям особенностей отрицания, оставшихся незамеченными.

Статья В. И. Чернышева содержит анализ свойств и функций частицы *не* на широком фоне литературных, диалектных и фольклорных данных. Из этих наблюдений очевидно, что частица *не* приобретает различные смысловые оттенки, различную степень отрицания в зависимости от положения этой частицы в контексте, от расположения разных компонентов какого-либо выражения,

[1] Филин Ф. П. Вокрасно, вокрасный. — В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972, с. 268.

[2] Чернышев В. И. Отрицание *не* в русском языке. Л., 1927, с. 11.

оборота, фразы. Так, В. И. Чернышев отмечает «передвижение отрицания *не* (точнее: употребление сходных по смыслу отрицательных оборотов, в которых отрицание находится в разных местах). . . При некоторых словах отрицание и предлог могут иногда, — преимущественно в областном языке. . . переставливаться между собою, причем в этих случаях с различными формами речи соединяются и особые оттенки в значениях, иногда мало заметные, иногда довольно чувствительные: *не вдалеке* и *внедалеке*. . . давай *понемногу* и давай *не помногу*. . .», и т. д.

Об отрицании *не* имеется также статья Н. И. Толстого «НЕ — не НЕ», где автор разрушает представления о частице *не* как об однозначной и приводит примеры иронического *не*, табуистического *не* и усилительного *не*.[3]

На наш взгляд, представляет интерес группа областных слов с отрицанием *не*, которые не имеют правильных дихотомических соответствий, как этого следовало бы ожидать по логике вещей. В нашей статье «Утраченные дихотомические соответствия некоторых слов с приставкой *не-*» [4] мы проделали такой эксперимент. Взяли ряд слов литературного языка, не имеющих бесприставочных параллелей (типа *неуклюжий*, *несуразный*, *невзрачный*), и попытались эти параллели отыскать. Эти бесприставочные образования оказались функционирующими в диалектах или были действующими в прошлом XIX и в XVIII в.

В отношении группы слов областных мы попытались провести такие же сопоставления — найти к словам с отрицанием *не-* их обратные соответствия. Но результаты такого опыта оказались иными.

Вот некоторые из этих примеров. *Невразумный* ‘ненормальный’: Этот дяденька, который вас вучит, тоже невразумен, ес плохо (Том. слов., 1964). *Невзычный* ‘негромкий, незвонкий, незычный’ (Сев., Барсов). *Невзаметный* ‘незаметный’: Вася. . . невзаметным образом очутился в лесу (Азадовский, Сказки Верхнеленского края). *Невзаметно* ‘незаметно’: Вася. . . за ей — только невзаметно (Там же. Также Арзам. Нижегор. и Новорж. Пск., запись В. И. Чернышева). *Незгожий* ‘непогожий день’: незгожий день (Орл., 1940—1950). *Незможный* ‘больной, немощный’: Красна девушка незможна, больна; Незможна, больна, переставилась (Смол., 1890). *Невкромешный*: Невкромешная тьма; Чаровницам и блудницам приготовлена тьма невкромешная, Кипит смола неутолимая, Горят огни неугасимые (Смол., Добровольский, 1890). *Невпроворно* ‘непроворно. ’Дон. слов., 1975. *Невпредменно* ‘непременно’. Завтра приду невпредменно (Дон., 1975).

Обилие образований с *не-* находим в фольклорных текстах: *Невусхожае* мое семена, *Невродимая* моя мать-земля, *Невсоветная*

---

[3] Толстой Н. И. НЕ — не НЕ. — В кн.: Фонетика, Фонология, Грамматика. М., 1971, с. 282—287.

[4] Попова Н. В. Утраченные дихотомические соответствия некоторых слов с приставкой *не-*. — Филологические науки, 1971, № 1, с. 81—92.

моя вся семья, Не в совете с милым другом я жила. Смол., Добровольский, 1890-е гг. *Невкорыстный* (вар. *невкорызный, неукорыстный*) — ленивый, не приносящий пользы: Молодость прошла с женою невкорыстною. Смол., 1890. Из приведенных здесь примеров только два имеют в говорах прямые бесприставочные соответствия: *взычный* и *вкорыстный* (трудолюбивый). В сопоставлении с литературными эквивалентами *зычный* и *корыстный* приставка *в* воспринимается как наращение, лишенное семантической нагрузки. В других же случаях — *невразумный*, *невсогласный*. Смол.; *невзаметный*, *невкромешный*, *невпроворно*, *невпредменно*, *невсоветный*, *невковырный* [нескладный, неумелый]. Дон. слов., и т. п. — точные положительные соответствия отсутствуют. Зато имеются однокоренные наречные или глагольные бесприставочные соответствия, что позволяет предположить иную словообразовательную базу диалектных прилагательных с отрицанием *не-* в отличие от литературного языка. А возможно и другое допущение: вставное *в* или *з*, следующие за отрицанием, входят в состав отрицания в качестве усилителя экспрессии. Таким образом, в качестве дихотомической модели можно выдвинуть не только формулу *А* — не *А*, но также *А* — *невА*, *незА* и т. п. Эта расширительная отрицательная приставка обнаруживается в деэтимологизированном слове *невмой* ‘пришепетывающий, косноязычный’ (Волог.) вм. *немой*, где этимологически, согласно Фасмеру, никакого отрицания нет, как показывают широкие индоевропейские параллели (диссимиляция из **мѣмъ* ‘заикающийся’; ср. лтш. *мѐms* ‘немой’).[5]

Заметим, что вставное расширительное *в* свойственно не только отрицательной приставке *не-*, но и другим приставкам, например *на-*: *навпоследок* (*напоследок*), *навпротив* (*напротив*), *навпрям* (*напрямик*). Дон. слов.

В особую группу выделяются диалектизмы с отрицанием *не-*, бесприставочная параллель к которым является одновременно и синонимом. Это те случаи, которые Н. И. Толстой относит к лексике с *не-* усилительным типа *невкромешный=кромешный*, *непроступок=проступок*. К небольшому числу примеров в указанной выше статье Н. И. Толстого добавим наши: *невьюга* ‘снегопад. Погода-кура-пыль-невьюга-хурта’ (Русская диалектология, 1964, без указ. места); *непогода* — *погода* ‘вьюга, ненастье, непогода’: Погода велика: заметет старика (Кашин. Твер., 1897. Арх.), и др. обл., *невьюный* ‘юный, молодой’: На кого ты оставил супругу свою. . . в молодых летах в невъюных (Костром., Смирнов, 1920); *невроде* ‘вроде, как будто’: Да энта девка невроде соглашается, невроде нет. (Дон. слов); *невладание* ‘владение членами, способность владеть чем-нибудь’: Безрукым Бог давал невладание, Безногым Бог давал прохождение (Духовн. стихи. Смол., Добровольский. Этн. сб., IV, с. 638); *неуйма* ‘целая неуйма [о дичи]’

---

[5] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. III.

(встретилось у Черкасова, ж. «Природа и охота», 1889); *неволя* ‘воля’: Возгрустит она о тебе пуще, чем по отце и по матери, и придет она сама к тебе вольной неволею (Писемский. Богатый жених. IV, с. 113); врать своя неволя (Даль, без. указ. места); того же порядка, вероятно, *не́время* ‘безвременье, неблагополучие’ (Фольк. Сев., Астахова); *невопрометью* ‘опрометью’ (Новорж. Пск., Чернышев. Смол., Добровольский); *невозраст* ‘малолетство, детский возраст’: Разве ж в таком невозрасте быков с такой кручи спустишь? (Дон., 1975). Сюда же отнесем литературное, *видимо-невидимо* ‘очень много’. Отрицание *не-* деэтимологизировалось в некоторых обозначениях терминологического свойства: *Не́гость* ‘свой, близкий человек дому’: Ко мне негость приехал, сын (Даль); Бригадира несын стоит (Новосиб., 1972); *не́сын* ‘неродной сын, пасынок’ (Зап. Брян.); *не́кось* ‘трава, которую не косят’ (Новосиб.); *не́паль* ‘прошлогодняя трава, уцелевшая от косы или от «палу», весной покрывающая поля’ (Енис. Вост.-Сиб., 1886; Краснояр., Том.), *невода́* ‘встречная вода. Прилив вм. отлива, или наоборот’ (Беломор., 1929); *невод* ‘рыболовная снасть’ — по предположению М. Фасмера, образовано из *vodъ* с отрицанием по мотивам табу.

В превосходной работе В. И. Чернышева можно найти немало примеров, показывающих особый характер отрицания, отличающий частицу от других не только синтаксическим своеобразием, но и множеством разнообразных семантических оттенков. В нашей заметке мы обращаем внимание и на структурные отличия отрицательной частицы от литературного эквивалента, а именно на привнесение избыточного элемента и на расширение аффиксальной базы.

Г. И. ДЕМИДОВА

К истории форм родительного падежа единственного числа существительных на *-у* в брянских говорах

Одна из задач исторической диалектологии заключается в том, чтобы накопить материал по истории отдельных русских диалектов путем изучения памятников местного происхождения и извлечения из них фактических данных, позволяющих реконструировать историю фонетического, морфологического и синтаксического строя частной диалектной системы.[1]

В настоящей статье рассматривается одна из особенностей морфологического строя русских говоров — формы род. п. ед. ч. существительных муж. р. на *-у* и *-а* в материалах брянской письменности XVII в. По словам А. И. Соболевского, двоякие образования род. п. на *-а* и *-у* «тянутся через всю историю русского языка»,[2] достигая наибольшего развития в языке XVII—XVIII вв. В изобилии содержатся они и в брянских источниках XVII в. различного содержания и представляют интересный объект исследования.

Как известно, в настоящее время в области исторической морфологии еще не выработаны принципы и приемы реконструкции явлений живого диалектного языка, ибо письменная форма языка на любом временном и локальном срезе представляет собой систему до определенной степени самостоятельную по отношению к системе устной речи, хотя и с ней связанную. Поэтому использование текстов деловой переписки для восстановления местных диалектных черт сопряжено со значительными трудностями — дело не только в том, что нельзя механически отождествлять разговорный язык с языком письменности [3] и что деловой язык не яв-

---

[1] См.: Иванов В. В. Актуальные проблемы современной исторической русистики. — НДВШ, Филологические науки, 1978, № 5, с. 32.

[2] Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 170.

[3] . . .«текстов, которые бы полностью состояли из элементов разговорного стиля (не говорим уже об устной речи), не существует. Есть тексты, в которых разговорных черт меньше, и тексты, в которых таких черт больше» (Попова З. Д. Об источниках XVII в. для изучения синтаксиса устной и разговорной речи. — В кн.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971, с. 116).

ляется зеркальным отражением языка разговорного. Для нашего материала необходимо прежде всего иметь в виду, что в XVII в. значительной была роль языка московских приказов, которому старались подражать писцы периферии. Однако «подражание это, как пишет Ф. П. Филин, конечно, не исключало проявления ценных для языковедов местных особенностей речи, но *способствовало созданию общерусских речевых норм* (курсив мой, — *Г. Д.*), легших позже в основу современного русского языка».[4]

В основе нашего исследования лежат «Отказные книги» (Южн. отк.) XVII в. г. Брянска и Карачева, которые оптимальны с историко-лингвистической точки зрения, так как они написаны местными писцами, точно датированы и локализованы. Материалы «Отказных книг» не были еще предметом специального изучения. Использованы показания частной переписки XVII—нач. XVIII в. брянских помещиков Масловых (ИНРЯ), приуроченные территориально к Брянску, Карачеву, Трубчевску, Комарической волости. Этот источник относится к разряду тех памятников, в которых с наибольшей свободой проявилась та живая языковая стихия, исследование которой всегда останется для исторической русистики настоятельной необходимостью. К анализу привлечены также многочисленные рукописные документы Разрядного приказа Белгородского стола, хранящиеся в ЦГАДА. Это разнообразные брянские, севские материалы XVII в., которые не были еще в научном обращении (ЦГАДА, ф. 210, оп. 6-Д, кн. 98, 103). Рукописные тексты точно датированы, локализованы, но не включают сведений о том, кем они написаны. Но показания рукописей могут быть использованы как косвенные доказательства локальных черт говора, так как писались они, как правило, местными писцами или людьми, «если не местного происхождения, то давно обосновавшимися на данной территории, усвоившими местную речь».[5] В качестве дополнительных свидетельств привлекаются и материалы «Вкладной книги Брянского Свенского монастыря» XVII в., поскольку писцами в монастырях не всегда были местные уроженцы. Они могли быть по происхождению и из других краев России.[6]

Начало употребления форм род. п. на *-у* у существительных бывшей *о*-основы, не исконных носителей этой флексии, относится тем не менее еще к эпохе общеславянской.[7] В истории русского языка распространение этих форм было процессом не только дли-

---

[4] Филин Ф. П. О языке деловой письменности в Древней Руси. — В кн.: Вопросы филологии. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1974, с. 36.

[5] Коткова Н. С. Книги Денежного стола. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 193.

[6] См.: Котков С. И., Савченко Н. Ф. Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве (XVII—нач. XVIII в.). — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 214.

[7] См., например: Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. III. Wien. 1856, S. 15, 314, 369, 444 u. a.; Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924, с. 272.

тельным и сложным, но и имеющим разную значимость для разных диалектов русского языка и на разных этапах его развития. Будучи принадлежностью живого разговорного языка всей восточнославянской народности, а затем великорусской народности, формы на *-у* сначала спорадически появляются в памятниках XII—XIV вв., а в XV—XVI вв. получают широкий доступ во все жанры письменности различной территориальной принадлежности, включая и деловую письменность южновеликорусского наречия.[8]

Известно, что вопрос о причинах появления флексии *-у* в именах, не принадлежащих исконно к *й*-основе, в науке решается по-разному. Для Ф. И. Буслаева определяющим моментом был синтаксический фактор.[9] В. А. Богородицкий выдвигал лексико-синтаксический принцип.[10] С. П. Обнорский к решающим условиям в этом процессе относил лексико-семантические и акцентологические особенности имен. В частности, он писал: «В южновеликорусских говорах явление получило особенно широкое развитие, диалектически затронув имена с ударением на флексии».[11] В последнее время В. М. Марков и его последователи сочли возможным поставить распространение флексии *-у* в связь с развитием на определенном этапе отглагольного словопроизводства, т. е. акцентируют внимание на словообразовательной стороне имен.[12]

Как показывает обширная литература по именному склонению, и в древнерусском языке, и особенно к XVII в. ни один из указанных принципов не был определяющим в развитии форм на *-у*. В действии был весь комплекс факторов.[13]

Больше того, на разных этапах развития воздействие того или иного фактора менялось. Так, если на первоначальном этапе, в эпоху общевосточнославянского единства, появления форм на *-у* доминирующую роль играл словообразовательный [14] и акцентологический момент,[15] то к XVII в. они отходят на второй план, уступая место лексико-семантической, а для определенных групп слов и синтаксической обусловленности форм на *-у*.

Генетивные образования на *-у*, выявленные в брянских источниках, согласно традиции, можно распределить на три лексико-

---

[8] См.: Гарбузова Е. П. Имя существительное в древнерусском языке. Смоленск, 1975, с. 42—49; Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XIV ст. М., 1963, с. 150—164.

[9] Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 459—463.

[10] Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4-е. М., 1939, с. 210—218.

[11] Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927, вып. 1, с. 103.

[12] Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974, с. 47—60; Грамматическая лексикология русского языка. Казань, 1978, с. 58, 81—82.

[13] Гарбузова Е. П. Имя существительное. . ., с. 45.

[14] Марков В. М. Историческая грамматика. . ., с. 47—60.

[15] Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, с. 179.

семантические группы: слова с вещественно-собирательным, конкретным и отвлеченным значением. В акцентологическом отношении их можно разделить на две подгруппы: слова с ударением на основе и на флексии.

Общепризнанным считается, что самой обширной по числу форм является группа существительных, обозначающих вещество, собрание предметов, часть целого. В «Отказных книгах» существительные этой группы единичны; более отчетливо они представлены в частной переписке Масловых и в разнообразных рукописных материалах.

Слова с ударением на основе: для хоромного и дровяного *лесу* ('строительный материал'), Южн. отк. 2, 1634, л. 516; Южн. отк. 5, 1635, л. 251 об.; 1637, л. 409 об.; 1640, л. 558, и др.; *хъмелю* нет, ИНРЯ, л. 8; *хъмелю* въ Камаричех не добыли, там же, л. 8; збирал с крестьянъ по получетверику *солоду*, там же, л. 156 об.; пошлитя. . . купит. . . *шолку*, там же, л. 166; пришлитя *запасу*, там же, л. 26; сколко. . . на струговое дѣло *лѣсу* и *тѣсу* изготовить велѣно, ЦГАДА, ед. хр. 98, Брянск, 1679, л. 190 об.; прислано с Москвы. . . 300 ботоговъ *укладу* ('сталь, булат' — Срезневский. Т. III), там же, л. 195; об., бѣлого да черного *щолку*, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1679, л. 184; одна бочка *дехтю*, там же, л. 186 об.; бочка *дѣгтю*, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691, л. 338; *лѣсу* и *тѣсу* ничего не осталось, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681, л. 943; салдацкого *строю*, там же, л. 946; отсталось. . . *запасу*, там же, л. 965; по городу и по башням. . . *наряду*, там же, л. 1015; хлеба четверикового *запасу* десять чети, там же, л. 1049; *из приему* умеръшаго подъячего, там же, л. 960 об.; далъ *вкладу*, Вкл. кн., л. 10, 11, 31, 32, 33, и др. Из исконных носителей флексии *-у* имеется лишь одно слово *меду*: пуд *меду* на год да *с меду* пошлина по гсдрву указу, Южн. отк. 2, 1635, л. 575 об.; послал я к тебѣ. . . двѣ кадочки *мѣду*, ИНРЯ, л. 138; дано по немъ. . . платья и *меду*, Вкл. кн., л. 13, и др.

Слова с ударением на флексии: пришивка *кумачю* вишневого, ЦГАДА, ед. хр. 98, Брянск, 1659, л. 408; *свинцу* двести семьнатцать пуд, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681, л. 1040 об.; старой соли *бузуну*, там же, л. 1048 об.; четыре пуда *фетилю*, пять пуд *фетилю* гнилого, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691, л. 340 об.; пятнацать пуд *свинцу*, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1679, л. 185 об.; сколко *свинцу*, там же, л. 181, 182, 182 об. и др.; присланы *ис полку*, ЦГАДА, ед. хр. 98, Брянск, 1659, л. 406 об.; началные люди первого *полку*, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691, л. 331 об.; того же *полку*, там же, л. 342; сколко. . . сѣвского *полку* на лицо, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1679, л. 181; прислат бы тебѣ. . . *ячменю*, ИНРЯ, л. 96, тысяча шесть сотъ семьдесят аршинъ *холсту* посконного, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691, л. 351 об., и др.

Приведенные существительные последовательно употребляются с флексией *-у*. Можно считать, что в XVII в. эта флексия была кормативной для данной лексико-семантической группы слов.

Отступления с флексией *-а* для них были редкими. Формы на *-а* без параллельной формы на *-у* последовательно в брянских материалах наблюдаются у двух существительных — *овса* и *хлеба*, ср.: прислат бы тебѣ Дмитреи Иванович *авса* да ячменю, ИНРЯ, л. 96; послал. . . продоват *хлѣба*, там же, л. 104; ты хотел мнѣ пожаловат *хлéба* купит *авса* и ржы *хлеба* им не даваи, там же, л. 10133; чистой муки ржаной пятьдесят четыре пуда от месного *хлеба*, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681, л. 965; *овса* сто четвертей, Вкл. кн., л. 10, и др.[16]

Показательно, что в рассматриваемой группе слов заметное место занимает заимствованная лексика: *бузуну*, *дегтю*, *кумачю*, *свинцу*, *фитилю*, *шолку*. Это в основном тюркизмы, означающие различные виды товаров, тканей и пр. Они оказались широко вовлеченными в круг образований на *-у*, и колебаний в выборе флексии у них также не обнаружено.[17] А это является своеобразным критерием активности лексико-семантического фактора.

Данная группа слов дает возможность выявить и тесную связь лексико-семантической особенности их с синтаксической спецификой употребления в текстах. В преобладающем количестве примеров род. п. на *-у* прослеживается в сочетании с разнообразными количественно-предметными словами и приобретает количественно-разделительное (партитивное) значение. На объем, вес, меру вещества, часть собрания предметов указывают прежде всего слова, в семантике которых содержится понятие количества. Во-первых, это существительные типа *бочка*, *кадочка*, для которых количественное значение является не терминологизованным, а функционально приобретенным, поскольку оно и по семантике и по морфологической структуре никак не соотносительно с числительным, ср. *бочка дехтю*, *две кадочки меду*. Во-вторых, это существительные *пуд*, *аршин*, издавна принадлежащие к количественным словам — терминам: *четыре пуда фетилю*, *свинцу двести семьнадцать пуд*, *тысяча шестьсот семьдесят аршин холсту* и пр. В-третьих, это количественные существительные, производные от числительных, *четверть*, *четь*, *четверик*, обозначающие часть целого, ср. *две четверти фетилю* и под. Все приведенные количественно-предметные слова, реализуя количество, меру вещества или собрания предметов, как правило, в свою очередь определяются количественными числительными, для которых значение количества является категориальным. В-четвертых, указание на количество, меру может быть выражено вопросительным, отрицательным местоимением: *сколко* в Сѣвску. . . полкового *мѣдного наряду*. . . роздано, ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1679, л. 181; *лѣсу* и *тѣсу ничего* не осталось, ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681, л. 943 и под.

---

[16] Аналогичный факт зафиксирован Г. А. Хабургаевым в курских документах XVII в. См.: Хабургаев Г. А. К истории форм родительного и предложного падежей единственного числа с окончанием *-у*. — Учен. зап. Белгородского пед. ин-та, 1961, т. III, с. 158.

[17] См.: Грамматическая лексикология. . ., с. 57—63.

Формы род. п. на *-у* в данной лексико-семантической группе слов строго выдерживаются в отрицательных глагольных конструкциях, в сочетании с предлогами *для*, *из*. Наличие определения при существительном в форме на *-у* еще не приобрело характера синтаксического ограничения, что будет наблюдаться в русском языке в более позднее время,[18] ср.: пять пуд *фетилю* гнилого (ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691, л. 340 об.) и две четверти *фетилю* (там же, л. 342); прислано *ис полку*, (ЦГАДА, ед. хр. 98, Брянск. 1659, л. 406 об.) и первого *полку* (ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691, л. 331 об.).

Конкретные существительные с ударением на основе: *из* середнево *клину* (Южн. отк. 2, 1623, л. 102); униз Десною *до* Юрова *логу* (там же, 1636, л. 557 об.); *да* Чюдинова *логу* (там же, 1634, л. 446 об.); *из галу* в Стрыжов виръ (там же, 1634, л. 447; *гал* 'лишенное растительности, голое место', СРНГ, вып. 6 приводит только с пометой «смоленское», а в Сл. РЯ XI—XVII вв. это слово вовсе не зафиксировано); *ат березнику*. . . у Сухой мох (там же, 1635, л. 580); того *лѣсу* ['участок земли, поросший деревьями'] по смѣте на три версты (там же, 1647, л. 980 об.); *бору* от Черепчанског(о) ручея да Лѣденевского рубежа (там же, 1634, л. 445 об., и мн. др.); *от* Брянского Большого *лѣсу*, (Южн. отк. 5, 1636, л. 328); всего *лѣсу* Степановского помеся (там же, 1640, л. 558 об.). Большое количество примеров приходится на долю слова *перелогъ* ('пашня, оставленная под паром', Срезневский, т. III, с. 909; Даль, т. III, с. 63). Это слово встречается в трафаретных выражениях типа: сто чети пашни и *перелогу* в поли (Южн. отк. 2, 1613, л. 15).

Примеры с ударением на флексии: *от* Сухого *холму* (Южн. отк., 1644, л. 863); *от* Сохово *холму* (там же, 1647, л. 983); *отто мху* (там же, 1634, л. 446); *да* Великог(о) *мху их* Великого *мху* (там же, 1625, л. 136 об.), от прогон в мошок *от мошку*. . . в Ветму реку (там же, 1635, л. 581); суходоломъ по олехъ *с ольху* в кривой дуб (там же, 1635, л. 580 об.; (*олёх* Даль приводит только с пометой «рязанское», т. II, с. 672). Но слово бытует и в современных брянских говорах: *Алёх*, береза, асина, сосна — ето все дерева разные (Трубч. Передние Городцы); *Алёху* порубили (Севск. Ново-Ямск); *да* Пересецкова *борку* (там же, л. 447); *возле* Бурцова *колку* (Южн. отк. 5, 1651, л. 913; *колок* — производное от *кол* — как указание на границу, предел чего-либо издревле известно в русском языке, см. Срезневский, т. 1, с. 1259); башни *изо рву*, (ЦГАДА, ед. хр. 103, 1679—1681, л. 1104 об.). Косвенным доказательством широты употребления слов конкретного значения с флексией *-у* служат отдельные правки текста их писцами. Так, в карачевском «отказе» 1643 г. в выражении «верхъ Быковского *отвершку*» издатели памятника помечают, что *у* исправлено из *а* (см. с. 127).

---

[18] См.: Ломоносов М. В. Российская грамматика. — Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. VII.

В группу существительных конкретного значения должны быть включены существительные, в прошлом отвлеченные, но которые к XVII в., а возможно и ранее, уже утратили структурно-семантическую связь с глаголом и пополнили разряд конкретных имен, указывая на место и местность: *ис* Помѣсного *приказу* (Южн. отк. 2, 1641, л. 733; 1651, л. 1143, и др.); отделил из Говриловског *починку* (Южн. отк. 5, 1625, л. 48 об.); Брянского ж *уезду* Подгородного *стану* а не Севъского *уезду* (ИНРЯ, л. 121); Брянского *уезду*, *з уезду* прислано (ЦГАДА, ед. хр. 98, Брянск, 1679, л. 150); *из разряду*. . . отдел (там же, л. 190); роспись брянского *уезду* (там же, л. 170), *ис* полского *приказу* (ЦГАДА, ед. хр. 98, Брянск, 1659, л. 407 об.); *около* земляного *валу* (ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681, л. 939 об.); *около городу* (там же, л. 1120). Форма *городу* единична, но сам по себе факт наличия ее важен, ибо существует мнение, что образование на *-у* от данной лексемы вообще невозможно.[19]

Данная лексико-семантическая группа слов в наших материалах довольно многочисленна, она насчитывает 22 лексемы. В этом отношении наши показания расходятся с наблюдениями М. В. Немковской, проанализировавшей материалы частной переписки брянских помещиков Масловых.[20] Многочисленность примеров, наличие их в различных текстах деловой письменности XVII в. заставляют отнестись к ним с большим вниманием и искать для их объяснения причину более общего характера. Очевидно, присутствие форм на *-у* существительных конкретного значения в «Отказных книгах» связано со спецификой жанра данного вида деловых документов. «Отказы» и «отделы» писались в связи с определением четких границ земельных владений помещикам или членам семьи «военнослужилого» человека на «прожиток». Поэтому лексика конкретного значения, служащая для обозначения ясных, понятных локальных ориентиров, занимает заметное место. Таким образом, само содержание, назначение делового документа во многом предопределяет выбор лексических средств.

Внутри рассматриваемой лексико-семантической группы слов довольно отчетливо проступает специфика синтаксической стороны. Формы на *-у* этого разряда слов употребляются в предложении чаще в функции обстоятельства, реже дополнения, многие существительные наблюдаются в сочетании с предлогами: *из*, *до*, *с*, *от*, *возле*, *около*.

Исчерпывающая выборка форм род. п. на *-у* и *-а* показала, что в брянских материалах XVII в. имена с конкретным значением далеко не всегда имеют флексию *-у*, они прослеживаются также с флексией *-а*: *от клена*, *от дуба* (Южн. отк. 2, 1636, л. 559); *от колодезя* (там же, 1647, л. 983); *от столба* (там же, 1631, л. 261, и др.); *от города* (Южн. отк. 5, 1635, л. 251 об.), *от* березова *гая*,

---

[19] См.: Хабургаев Г. А. К истории форм. . ., с. 165.

[20] Немковская М. В. Система склонения существительных в брянских говорах XVII—нач. XVIII в. АКД. М., 1970, с. 12.

от ивава *куста* (там же, 1645, л. 687, и др.). Бóльшая склонность к сохранению исконной флексии *-а* отмечена у существительных суффиксального образования на *-ок*, *-ек*, *-к*, ср.: *из леска*, Южн. отк. 2, 1634, л. 447 и *от* брянского большого *лесу*, Южн. отк. 5, 1636, л. 328; *вверхъ ложка* (там же, л. 559 об.), и *до* Юрова *логу* (там же, л. 557 об.) и под. Как правило, одна и та же лексема, отмеченная в «отказах» с флексией *-у*, с *-а* уже не наблюдается, хотя есть редкие исключения: *отто мху* (Южн. отк. 2, 1634, л. 446) и *ото мха* (там же, 1636, л. 556 об.); *из середнево клину* и *от середнево клина* (там же, 1623, л. 102, 102 об.), и др.; *верхъ* Быковского *отвершку* (Южн. отк. 5, 1643, л. 635), и *ув отвершка олхова* (там же, 1634, л. 33 об.) и под.

Только с флексией *-а* употреблены собственные имена, названия городов, месяцев, существительные категории лица, например: *изо Брянска* (ИНРЯ, л. 42, *из Севска*, там же, л. 121); *ис Трубческа* (л. 10135); *из Карачева* (л. 10139 и др.); *из Белагорода* (ЦГАДА, ед. хр. 98, Брянск, 1659, л. 407 об.); вклад *брянчанина Елизарья Похвиснева* (Вкл. кн., л. 19); *мѣсяца октябрія* (там же, л. 1); в приказную избу взято у него *Афонасия* восемънтцать рублей (ЦГАДА, ед. хр. 103, Брянск, 1679—1681, л. 962). Объяснение устойчивости флексии *-а*, в частности в названиях городов, по-видимому, нужно видеть в том, что эти существительные имеют конкретно-единичное значение, которое всегда содержится в самом сопоставлении имен собственных с нарицательными. Неподвижность ударения, наблюдаемая в названиях городов, также способствовала закреплению за ними исконной флексии *-а*.

Существительные отвлеченного значения с ударением на основе: с *кн(и)гъ* писма и *дозору* (Южн. отк. 2, 1619, л. 52); сенного *пакосу*, (там же, 1625, л. 137 об.); *аброку* платят (там же, 1631, л. 258 об., 259 об.; 1634, л. 446; 1635, л. 575, 575 об., и др.); отделил с *ряду* са одново (там же, 1624, л. 106 об.); в кромских книгах писма и *отдѣлу* (Южн. отк. 5, 1625, л. 49 об.). Устойчиво в «Отказных книгах» используется форма *году* в трафаретных зачинах типа *лѣта 1641 году* (Южн. отк. 5, 1641, л. 607). Из материалов частной переписки Масловых: а я не чаю сабе. . . *отпуску* (ИНРЯ, л. 26); Филка живет. . . *бѣз указу* великого гсдря (л. 44); против *моего приказу* не оплашивался (л. 111 об.); а я повалакус. . . безо *всякого переводу* (л. 141); *торгу* не было (л. 10135). Из рукописных документов: *после того* чигирийского *походу*, (ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1679, л. 181); по полкам роздано *для походу*, (там же, л. 181); *для* чигирийского *походу* (там же, л. 182 об.); *от* киевского *отпуску* (там же, л. 188 об.), *для приему* тѣхъ пушекъ (ЦГАДА, ед. хр. 98, Севск, 1691, л. 331 об.); *для спуску* пушек (там же, л. 338); ядром *весу* двадцать пуд (л. 334, 334 об.), и др. Всего зафиксировано 16 лексем (без учета повторяющихся). Как указывалось выше, некоторые из них развили вторичное, менее отвлеченное значение и перешли в разряд конкретных имен (ср. *уезд*, *приказ*, *перелог* и под.) или вещественно-собирательных (ср. *наряд*, *уклад*). В данной лексико-семантической группе существительных обращают

на себя внимание, с одной стороны, образования от односложных основ, например *ряду*, *весу*, *году*, которых меньшинство, и, с другой, — имена иного словообразовательного типа, соотнесенные с приставочными глагольными основами: *переводу*, *отделу*, *отпуску*, *спуску*, *приказу*, *указу*, *дозору*, *покосу*, *приему*, *походу* и под. Все они являются именами с нулевой суффиксацией. Следует заметить, что слова подобного рода, судя по рукописным памятникам XVII в. и лексикографическим работам, составляли заметный слой лексики русского национального языка на начальном этапе его формирования.[21] И именно эти слова были вовлечены в процесс формообразования род. п. на *-у*. Это дает основание считать, что у отвлеченных существительных образование форм род. п. на *-у* было до определенной степени обусловлено структурно-семантической природой этих слов.[22] В брянских материалах исследуемого периода исключение составило лишь одно суффиксальное образование *платежу*: а члвкъ твои брал меня с собою к десятину *для платежу* (ИНРЯ, л. 90).[23] Это слово своеобразно и в акцентологическом отношении: все приведенные отвлеченные существительные характеризуются ударением на основе, а *платежу* на флексии.[24]

Отвлеченные существительные в брянских материалах не имеют вариативных образований на *-а*. В этом отношении наши наблюдения совпадают с выводами С. И. Коткова.[25] В синтаксическом плане эти существительные не имеют существенных отличий в сравнении с именами предыдущих лексико-семантических групп: наличие определения не препятствует использованию форм на *-у*, они отмечаются в отрицательных глагольных конструкциях, часто в сочетании с предлогами *без*, *для*, *от*, *с*, *после*, *против*.

Количественное сопоставление слов трех лексико-семантических групп показало, что в брянской деловой письменности XVII в. отвлеченные существительные не составляли преобладающего большинства (ср. слов вещественно-собирательного значения — 20, конкретного значения — 22, отвлеченного — 16). Последнее обстоятельство, казалось бы, идет несколько вразрез с общепринятым утверждением о том, что в XVII в. самой обширной группой слов на *-у* были отвлеченные существительные.[26] Однако этот диссонанс снимается, если учесть специфику жанра проанализированных источников. Для «Отказных книг», как указывалось выше, в силу их содержания в большей мере свойственна

---

[21] См.: Грузберг А. А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI—нач. XVII в. Пермь, 1974.

[22] См.: Грамматическая лексикология. . ., с. 84.

[23] Г. А. Хабургаев в курских источниках XVII в. приводит еще *правежу*, *грабежу* (см.: Хабургаев Г. А. К истории форм. . ., с. 159).

[24] См. об этом: Черных П. Я. Языкые Уложения 1649 года. М., 1953, с. 261.

[25] См.: Котков С. И. Южновеликорусское наречие. . ., с. 163.

[26] См.: Гарбузова Е. П. Имя существительное. . ., с. 47; Котков С. И. Южновеликорусское наречие. . ., с. 162—163.

лексика конкретного содержания. Рукописные источники, привлеченные в работе, — годовые сметные книги, росписи, списки полковых припасов и пр. — заключают в себе различные сведения о состоянии городских укреплений, о размещении наряда по стенам и башням, о численности различных разрядов населения, о хлебных и военных припасах, об имеющихся в городе колодезях, пороховых погребах, с указанием их местонахождения, сведения о количестве и качестве захваченных на бою неприятельских знамен и пр. Все эти источники могут быть отнесены к описательному типу речи.[27] Непременным же признаком описания всегда является элемент статичности, который лежит в основе противопоставления описания повествовательному типу речи, к которому в наших материалах может быть отнесена частная переписка помещиков Масловых. Статичность, свойственная описанию, и выдвигает на передний план прежде всего существительные вещественно-собирательного и конкретного значения, а среди последних слова, обозначающие место и местность. Таким образом, «тема обязывает к употреблению определенного речевого набора».[28]

Итак, значительное количество примеров существительных муж. р. на *-у*, зафиксированных в брянских источниках XVII в., свидетельствует о том, что эти формы не являются случайностью, появившейся в локальной письменности под влиянием литературного языка. Они свидетельствуют о том, что они были свойственны и брянской живой речи. В этой связи уместно привести замечание В. И. Борковского, заявившего, что историк языка должен считаться не только с тем, что общерусское явление может стать диалектным, но и с тем, что диалектное явление при определенных условиях может получить широкое распространение и превратиться в общерусское.[29]

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Вкл. кн. — Арсеньев В. Вкладная книга Брянского Свенского монастыря. Тула, 1911.

ИНРЯ — Котков С. И. и Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—нач. XVIII в. М., 1964.

Южн. отк. 2, 5 — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Издание подготовили Котков С. И., Коткова Н. С. М., 1977, с. 36—66 и 116—135.

Рукописные источники:

ЦГАДА — ЦГАДА, Разрядный приказ, Белгородский стол, ф. 210, оп. 6-Д, ед. хр. 98, 103.

---

[27] См.: Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974, с. 44.

[28] Лаптева О. А. Устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка и другие его компоненты, статья вторая. — В кн.: Вопросы стилистики. Саратов, 1974, вып. 8, с. 102.

[29] Борковский В. И. Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. — В кн.: Исследование по славянскому языкознанию. М., 1961, с. 358.

П. И. ПАВЛЕНКО

К вопросу о взаимодействии лексики русского литературного языка и народных говоров

(о приставочных образованиях книжнославянского происхождения)

Изучение генетически различных пластов лексики русского языка в его литературной и диалектной разновидностях является, по общему признанию, одной из важных и актуальных задач современной русистики. В ее решении немалое значение имеет определение места и роли в лексике современного русского языка слов старославянского происхождения. Этим и определяется важность задач конкретно-исторического исследования состава и характера таких лексических единиц, путей и способов внедрения их в литературный язык и диалекты, особенностей семантического развития, структурно-словообразовательных изменений и стилистического назначения как в современном литературном языке, так не в меньшей мере и в диалектных лексических системах.

Необходимость широкого вовлечения в исследования именно таких данных объясняется также идеологической остротой проблемы соотношения и взаимодействия книжнославянских и народно-разговорных элементов в русском языке на всех этапах его истории, что с необходимой ясностью и полнотой показал в своих работах Ф. П. Филин.[1]

Неоспоримую ценность для решения вопросов взаимодействия лексики литературного языка и диалектов имеют разнообразие и широта лексического материала, который может привлекаться для изучения, поэтому определение разных пластов славянской лексики в словарном составе русских говоров является важным и научно обоснованным.

Особенно перспективным в этом отношении представляется сопоставительное изучение структурно-однотипных лексических единиц, к категории которых прежде всего относятся разноприставочные образования книжнославянского характера, функционирующие в литературном языке и диалектах.

Факты такого рода уже оказывались в поле зрения исследователей и привлекались к изучению в разных аспектах, определяе-

[1] См., например: Филин Ф. П. 1. Об истоках русского литературного языка. — ВЯ, 1974, № 3; 2) О генетическом и функциональном статусе современного русского литературного языка. — ВЯ, 1977, № 4; 3) Противоречия и развитие языка. — ВЯ, 1980, № 2, с. 11, и др. его работы.

мых целями и задачами исторической, а также диалектной лексикологии.[2]

Фонд славянизмов в русском литературном языке в значительной степени образуется за счет некоторых категорий приставочных образований, а именно слов с префиксами *воз-* (*вос-*, *возо-*), *пре-*, *пред-* (*предо*), *низ-* (*нис-*, *низо-*), *со-*.

Префиксальные образования с *воз-* как слова литературного языка с яркой эмоционально-стилистической окраской привлекали внимание исследователей[3] и как лексические единицы, получившие довольно широкое распространение в русских народных говорах, явились предметом специального рассмотрения.[4]

Данная статья посвящена изучению слов с префиксом *пре-*, *пред-* и *низ-* в диалектах и показывает черты сходства и различия их с литературным языком в лексико-семантическом, а также структурно-словообразовательном отношениях.

Для определения характера взаимодействия лексики литературного языка и диалектов весьма показательным является сам состав, фонд таких слов, бытующих в народных говорах. Будет ли он идентичен составу подобных образований в литературном языке или приобретет на диалектной почве свои особые черты, в чем состоят его отличия и какой вид они могут принимать?

При ответах на эти и другие аналогичные вопросы и будет показано своеобразие отношений приставочных образований с *пре-пред-*, *низ-* как фактов литературного языка и диалектных лексических систем.

---

[2] См., например: У л у х а н о в И. С. 1) Глаголы с приставкой *пред-* в древнерусском языке. — В кн.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1977; 2) Причины семантических преобразований славянизмов (на материале глаголов с приставкой *пре-*). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1966, т. 25, вып. 2; Б е л о з е р ц е в Г. И. 1) Соотношение книжнославянских и народно-разговорных элементов в древнерусском литературном языке XI—XVII вв. (на материале образований с приставками *из-* и *вы-* пространственного значения). АКД. М., 1966; 2) О соотносительных образованиях с префиксами *вы-* и *из-* в русских народных говорах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974; Ж у ч е н к о Н. К. Глаголы с приставками *пре-* и *пере-* в истории русского языка и его диалектах. АКД. Саратов, 1969; Соотношение приставок *пре-* и *пере-* в древнерусском языке. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. Саратов, 1968; П а в л е н к о П. И. Слова с приставкой *воз-* в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком). АКД. Л., 1973; Семантико-стилистические особенности слов с приставкой *воз-* в русских народных говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1977. Л., 1979; С о ф р о н о в а А. И. Из наблюдений над семантико-стилистической эволюцией в литературном языке XVIII в. Группы глаголов с приставкой *воз-*. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1974, т. 10, и ряд др. статей этих и иных авторов.

[3] См., об этом, например: И л ь и н с к а я И. С. 1) Из истории славянизмов в поэтической речи первой половины XIX в. (Глаголы с приставкой *воз-* в поэзии Пушкина). — В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964; 2) Очерки по лексике Пушкина. АДД. М., 1970, и др. ее работы.

[4] П а в л е н к о П. И. 1) Указ. соч.; 2) Структурно-словообразовательные особенности глаголов с приставкой *воз-* в говорах. — В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, и др. ее статьи.

Задача настоящего сообщения — дать возможно полный общий обзор состава таких слов в русских народных говорах, выявить семантические изменения, характеризующие эти категории слов в диалектах, а также показать особенности их функционирования сравнительно с современным русским языком.

По данным словарей, в современном русском языке употребляется около 600 слов с префиксом *пре-* и немногим более 300 приставочных образований с *пред-*.

Являясь в количественном выражении весьма значительными группами слов литературного языка, образования с *пре-* и *пред-* не представляют собой однотипных лексических фактов в семантико-стилистическом и структурно-словообразовательном отношениях.

Так, если у глаголов с приставкой *пре-*, зафиксированных в БАС (их около 100), по справедливому утверждению «Грамматики современного русского литературного языка» (1970), префикс «выделяется в *немногих книжных* (курсив наш, — *П. П.*) глаголах, означающих интенсивность, полноту (иногда чрезмерную) действия, названного мотивирующим глаголом: *преисполнить* — «целиком наполнить (чувством)», «преувеличить, преуменьшить» (с. 269), то у прилагательных и наречий (а их около 350), обозначая высшую степень качества, названного образующим словом (например, *премилый*, *премудрый*, *прескучный*, *прескверный*, *претемный*, *прежестокий*, *презабавный*, *преглупый*, *пресильный*, *превеликий*, *премного*, *превыше* и много других подобных), он четко проявляет словообразовательное значение, а образования с ним также характеризуются стилистически однозначным использованием как выразительные средства языка, свойственные непринужденно-разговорной речи, т. е. находятся в одной стилистической плоскости.

Что касается префиксальных глаголов, то они в значительной части становятся малоупотребительными и устарелыми (ср. *препоясывать*, *превозвышать*, *преклонять*, *преоборотъ* и много других подобных), а те из них, которые весьма активно используются в языке (например, *прерывать*, *преграждать*, *претворять* (*в жизнь*), *превращать*, *преобразовывать*, *превосходить*, *превышать*, *препровождать*, *препятствовать* и др.), несут на себе печать книжного происхождения и употребляются преимущественно в научном, ораторско-публицистическом или официально-деловом стилях языка. Лишь немногие используются в разговорной речи шутливо-иронически (ср. *препожаловать*, *преподносить* и особенно существительное *преподношение* (*дар*, *подарок*)).

В структурно-словообразовательном отношении эти глаголы также претерпели значительные изменения и в большинстве своем в современном языке не обнаруживают производности, так как утратили и структурную, и семантическую соотносительность с производящими словами, т. е. по существу стали непроизводными. Так, глаголы *превращать*, *прекращать*, *преображать*, *пренебрегать*, *препятствовать*, *пререкаться*, *препираться* и др.

утратили производность, так как имеют не свободные, а связанные основы; в глаголах типа *преодолевать* ‘одолевать’, *прегрешать* ‘грешить’ и др. под. при сохранении формальной членимости приставка *пре-* уже не проявляет собственного значения. Семантика таких глаголов, как *преобладать* ‘иметь перевес’, *превосходить* ‘быть, оказываться больше чего-либо (по количеству, размерам, силе)’, *преподавать* ‘обучая, сообщать, излагать (систему знаний)’ и ‘заниматься педагогической деятельностью ’, больше не базируется на значениях приставки и корня, поэтому слова, подобные приведенным, также являются непроизводными. Следовательно, со структурно-словообразовательной стороны глаголы с приставкой *пре-* характеризуются явной ущербностью и, как правило, относятся к непроизводным, не образуют словообразовательных типов. Как пишет М. А. Шелякин, «это не столько словообразовательная категория, сколько семантически разнородная лексическая группа, состоящая из слов с *пре-* в разных, в большинстве случаев только исторически объяснимых значениях».[5]

Такая характеристика изучаемой лексики приложима лишь к глаголам, от которых существенным образом отличаются не только прилагательные и наречия (в словообразовательном и стилистическом плане весьма отчетливо), но и существительные, у которых в процессе функционирования в языке наряду с выражением отвлеченных значений (глагольного действия, состояния или признака, свойства) утверждались конкретные значения. Ср. *пренебрежение* ‘недостаток уважения, пренебрежительное отношение’, *преобразование* ‘коренное изменение’, *преклонение* ‘глубокое уважение’ — с одной стороны, и *премудрость*, *пренеприятность* — с другой. Употребляясь стилистически свободно в разнообразных контекстах, утрачивают книжность в окраске такие существительные, как *преимущество*, *препятствие* (ср. *брать, взять препятствие*; *бег, забег с препятствием*; *полоса препятствий* и т. п.).

Для сравнения стилистических различий глагола и существительного приведем только один пример: глагол *преступать* имеет два значения: 1) устарелое — ‘переступать, переходить через что-либо:’ Всякий, преступивший извне границу колонии, будет предан суду. (Гончаров, Фрегат «Паллада»), и 2) ‘нарушать’, ограниченное в употреблении книжно устоявшимися выражениями: *преступать закон*, *завет*. Существительное *преступление*, в современном языке известное в двух значениях: ‘общественно-опасное действие’ (*уголовное преступление*, *совершить преступление*) и ‘недопустимый, непозволительный поступок’, является широкоупотребительным, лишенным книжных оттенков словом.

---

[5] Шелякин М. А. Историко-семантическая структура образований с *пре-*. — Учен. зап. Новосибирск. пед. ин-та. Лингвистический сборник. Новосибирск, 1963, вып. 19, с. 6; см. также: Улуханов И. С. Причины семантических преобразований славянизмов; Жученко Н. К. 1) Указ. соч.; 2) О лексическом значении глагольных приставок *пре-* и *пере-* в памятниках XVII—XVIII вв. Саратов, 1967, и др. ее статьи.

Таким образом, в литературном языке в пределах достаточно обширной категории слов с префиксом *пре-* сосуществуют и структурно, и стилистически весьма разнородные лексические факты. И если с этой точки зрения определять изучаемый тип слов как целое, то надо сказать, что он внутренне противоречив, неоднороден, ибо объединяет в своем составе противоположные лексические средства: активно функционирующую, словообразовательно живую лексику (прилагательные и наречия), свойственную в основном разговорной речи, и структурно неразложимую в значительной части архаизованную глагольную лексику, ярко проявляющую книжность окраски.

Образования с префиксом *пред-*, относясь к книжному фонду лексики современного языка, являются довольно значительной категорией слов. Однако со словообразовательной и стилистической стороны им присущи черты, которые существенным образом отличают их от слов с приставкой *пре-*.

Во-первых, среди них определяются несколько словообразовательно живых и активных группировок не только в сфере имен прилагательных, но и существительных.

Так, в кругу имен прилагательных с *пред-* в отличие от подобных образований с *пре-*, обозначающих лишь высшую степень качества, выделяются:

1. Обширная группа прилагательных с общим значением непосредственного предшествования в чем-либо, которое конкретизируется следующим образом: а) предшествующий во времени: *предвыборный*, *предреволюционный*, *предсъездовский*, *предпраздничный*, *преддипломный*, *предстартовый*, *предрассветный*, *предвесенний*, *предгрозовой* и много других подобных, б) предшествующий в пространстве: *предмостный*, *предгорный*, *предустьевый* и др., в) предшествующий тому, что названо производящим прилагательным (*предпоследний*) или словосочетанием с ним (*предвыходной*, *предолимпийский*, *предновогодний* 'предшествующий выходному дню', 'Олимпийским играм', 'Новому году'). Подобными значениями обладают прилагательные, образованные от имен собственных: *предпушкинский*, *предбайкальский*, *предкамский* и др.

Как видно, образования такого типа имеют, с одной стороны, четко определяющиеся словообразовательные значения, а с другой — характеризуются широким, стилистически разнообразным употреблением (в разговорной и публицистической речи, географической и иной терминологии), так как не обнаруживают ярко выраженной книжной окрашенности.

2. Прилагательные, обозначающие, что названное производящим словом действие проявилось заранее: *преднамеренный*, *предвзятый*, *предубежденный* и др. Они довольно малочисленны и в противоположность рассмотренным выше не являются широко употребительными.

Имена существительные имеют в своем составе несколько словообразовательно обособленных групп, также выражающих непосредственное предшествование в чем-либо, например, таких,

как: а) *предыстория*, *предромантизм* и *предпарламент*, *предусилитель*; б) *предгорье*, *преддверие*, *предместье*, *предплечье*, *предбанник*, *предплужник*; в) *предзимье*, *предугроза*; г) географические названия: *Предуралье*, *Предкарпатье*, *Предкамье*. Приведенные имена существительные, хотя и уступают количественно прилагательным, в словообразовательном отношении оказываются однотипными с ними.

Во-вторых, эти отличия (что более существенно) касаются приставочных глаголов с *пред-*, которые в большинстве случаев с разной степенью яркости сохраняют производность своей структуры. Ср., например, глаголы: а) *предвидеть*, *предсказывать*, *предугадывать*, *предвещать*, *предрекать*, *предвосхищать*, *предполагать*; б) *предостерегать*, *предохранять*, *предотвращать*, *предупреждать*; в) *предпосылать*, *предписывать*, *предусматривать*, *предлагать*, *предпринимать*; г) *предназначать*, *предопределять*, *предрешать*; д) *предъявлять*, *представлять*.

Немаловажным является и то, что эти и иные глагольные образования при сохранении оттенков книжности активно функционируют в современном языке, и лишь немногие из них архаизируются (ср., например, *предстать*, *предуведомлять*, *предузнавать*, *предвозвещать*, *предощущать* при употребительном *предчувствовать* и др.).

Как видно из изложенного, образования с префиксом *пред-* как целое представляют собой более монолитное объединение слов и в структурно-словообразовательном, и в семантико-стилистическом плане, ибо характеризуются прозрачностью своего строения, а также широким и разнообразным использованием в современном русском языке.

Безусловно, и среди изучаемой категории слов встречаются малоупотребительные, архаизированные образования (например, *предвозвещать*, *предуготовить*, *предумышленный* и др.), а также лексические единицы с уже непроизводной основой (ср., например, широко употребительные существительные *предприятие*, *предрассудок*). Однако не они являются определяющими для этой группы слов.

При рассмотрении состава приставочных глаголов с *пре-* в русских народных говорах обращает на себя внимание тот факт, что в основном они являются общими с литературным языком или образованы в диалектах от общенародных слов.

Среди них выделяются глаголы с иным, чем в литературном языке, значением, причем семантические преобразования их могут принимать различный вид:

а. Более общая семантика литературного глагола как бы конкретизируется в диалектном.

Так, глагол *прекратить* известен в говорах в нескольких значениях: 1. Запретить (при литературном ‘положить конец чему-либо, прервать’): Только прекратили праздники-то эти (Остр. Пск.); Может и пил-бы — врачи прекратили (Куйбышев, Новосиб.). 2. Закрыть, загородить: Я эту дорогу прекрачу (Себеж. Пск.).

3. Уничтожить, повредить: Дорога была хорошая, немец прекратил (Порх. Пск.); ср. также: *преображать* ‘убирать комнату к празднику’ (Перемышл. Калуж.); *превозвыситься* ‘улучшиться’: Москва много превозвысилась (Моск. Моск.); *претворить* ‘преградить, обратить кого-, кем-, чем-либо или кого-, во что-либо’: Претворила его ведьма вороном (Бельск. Смол.).

б. Значение литературного глагола коренным образом изменяется в говорах. Такие преобразования можно видеть у глагола *превратить*, имеющего два значения: 1. Двигать, повернуть: Напился где-то, нажрался, он у меня пьяный лежит, языка не превратить, не сказать (Холм. Пск.); 2. Приворожить: Можно превратить себе, если ударить по плечу — любить буде (Остр. Пск.); *презирать* ‘привлекать к ответственности, преследовать’: Презирали их за это дело, поймают — посадют (Куйбыш. Новосиб.); Знаешь как его за это дело презирать будут, если он без билета охотиться будет, штраф дадут (Пинеж. Арх.); [6] Ср. также: *предавать* ‘преподавать’: Там по-русски не предавали (Пск.); *преподавать*: 1. Подавать: А там преподают лапшевник (Дон); Мой сын нашел официантку, которая обеды преподает (Порх. Пск.); 2. Сообщать (Терск.); 3. Объяснять, разъяснять: В книге все чисто тебе преподано (Пск.); *превзойти* 1. Предпринять: Они уже превзошли все (Пск.); 2. Произойти: От обезьяны превзошел человек (Опоч. Пск.); *превозносить* ‘провозгласить’: Он [Ленин] превозносил: земля — крестьянам (Опочк. Пск.). Заметим, что в глаголе *преподавать* (в его первом значении) налицо членимость основы в диалектах при ее утрате в литературном языке.

Изучаемые глаголы бытуют в говорах в значениях, передаваемых в литературном языке образованиями с другими приставками. Например, *превидеться* ‘предвидеться’: Да нет нужного в совхозе, нетути и не превидится (Остр. Пск.); *преставить* 1. Представить, доставить: Муж преставил мне ее (Покр. Влад.); А мне дрова преставляет колхоз (Пск.); 2. Сделать представление к награде: Меня командир полка к медале преставил (Новг.); 3. Изобразить на сцене (Мещов. Калуж.).

Среди диалектных глаголов с приставкой *пре-* как общих с литературным языком, так и образованных от общенародных слов выделяется группа образований, значения которых соотносительны с префиксальными образованиями с *пере-* в литературном языке, что является закономерным и исторически объяснимым.[7]

Такие глаголы употребительны: а) при обозначении перемещения, передвижения, а также передачи чего-либо. Например, *преправлять* ‘переправлять’: Там выделывали пшена и на баржах

---

[6] В пинежском же говоре этот глагол в общенародном значении употребляется как непереходный: Кто кому презирает.

[7] См., например: Улуханов И. С. Причины семантических преобразований славянизмов. . .; Жученко Н. К. 1) Указ. соч.; 2) Глаголы с приставками *пре-* и *пере-* в русских народных говорах. — В кн.: Вопросы теории русского языка и методики его преподавания. Саратов, 1970, вып. 2.

преправляли в Кронштат (Пск.); *преселить* ‘переселить’: Я же преселенный с Онуфриева (Пск.); *предать* ‘передать, отдать’: Меняли коней, кто кому предаст (Опочк. Пск.) и ‘передать, сказать’: Предали весть: идут три молоденьких солдата (Пск.); б) при обозначении разделения чего-либо на части, например, *пресечь* ‘пересечь’: Жилку пресекае, тут кровь и пойде (Пск.); *прерываться* ‘перерываться’: Нитки прерываются (Смол.); особенно представительной является группа слов при обозначении распространения действия на все или многие предметы или его избытка. Например, *преломать* ‘переломать’: Заколочены, потому что все рамы преломаны (Пинеж. Арх.); *препить* ‘перепить, выпить’: Я весь ягодник препью (Пск.); *прекушать* ‘перекушать’: А тые годы сколько было ягод, так было и не прекушать (Остр. Пск.); *прервать* ‘перервать’: Альбом хороший был, да все ребятишки прервали, все разодрали (Пинеж. Арх.); *премазаться* ‘перемазаться’: А мы премажемся, заклеют рожу от веснушек (Гдов. Пск.).[8] Подобные образования также употребительны в языке фольклора: А еще тут-то перебил племянничек да всех татаревей И он прерубил всих до единого (Былины Печоры и Зимнего Берега); *преездить* ‘переездить, все объездить’ (Примор. Арх., Былины Крюковой).

Немало диалектных глаголов с *пре-* образуется за счет иного, чем в литературном языке, строения. Ср. *прелестить* ‘прельстить’ (Онеж. КАССР); *превзирать* ‘презирать’: Превзирают их за то, такие не в моде стали (Остр. Пск.): *превозвышивать* ‘превозносить’ (Моск. Моск.); *презвидиться* ‘предвидеться’: Презвидится дождик. Вот разве презвидилась нам тая беда? (Алт.); *пределять* ‘пределить’ и пределяться ‘пределиться’ широко распространены в говорах в разных значениях: Мы пределили пойти в лес (Костром.); Свету никуда не пределить (Пск.); Там они пределились, дали им квартиру (Курск.). Слова известны также в томских, старожильческих прибалтийских и новгородских говорах. Ср. также употребление существительного *предовольствие* ‘довольство, полнота жизни’: Теперь в большом предовольствии живет человек (Опоч. Пск.) Определяются также глаголы, образованные в диалектах от общенародных слов, но не употребительные с этой приставкой в литературном языке. Ср. *престареть* ‘постареть’: Она жонка уж не молодка, уж престарела (Пинеж. Арх.); Престарела я, держу ребеночка (Пск.); *презнобить* ‘заморозить’: Ой, морозы, вы, крещенские. . Ой, презнобили вы доброго молодца, Ой среди моря, ой да на лодочке (песня, Курск.); *презаинеть* ‘покрыться инеем’: Без тебя, мой друг, постелюшка холодна, И одеяльце презаинело в ногах (песня, Дон.); *превергать* ‘преследовать’: Раньше гадальщиц тоже превергали (Пск.); *преосердить* ‘рассердить, разозлить’: Дирекция ее преосердила (Маслян. Новосиб.); *прегородить* ‘преградить, воспрепятствовать’: Им пре-

---

[8] Другие примеры употребления диалектных глаголов см.: Жученко Н. К. Глаголы с приставками *пре-* и *пере—*, с. 158 и сл.

городили (Гдов. Пск.); *пресмеяться* ‘насмеяться вдоволь’ (Пск.); *преседать* ‘председательствовать’: Преседать его что ли хотели выбрать? (Зырян. Том.).[9]

Единичными являются глагольные образования с пре- от диалектных слов: *перемешить* ‘промережить’: Перемешила, когда замуж собиралась (Брян.); *прехлыхтаться* ‘сильно устать, утомиться’: Она уж вся прехлыхталась, вовсе тяжело (Пинеж. Арх.); *премзиться* ‘вздуматься’: Жила, жила здесь одна монашенка, то и премзилось ей избу поставить (Пинеж. Арх.); *преполахиваться*, *преполохнуться* ‘пугаться, ужасаться’: Преполохнулся козел, сустревши волка (Смол.), и синонимичный им глагол *преполахтываться*, встретившийся также в смоленских говорах: Ох и тот же козел преустрашился, преполахтывался.

Из приведенного материала видно, что в основе своей диалектные глаголы с *пре-* появились в результате непосредственных контактов с литературным языком, ассимиляции его лексических средств. Усвоение литературных слов, как это всегда бывает при языковых контактах, сопровождалось структурно-семантическими и стилистическими изменениями, которые хотя и были в общих чертах здесь прослежены, еще предстоит детально изучить и показать. Как и у других префиксальных образований, у глаголов с приставкой *пре-* в диалектах более всего распространенными оказались те из ее значений, которые в литературном языке вытеснялись исконно русскими формантами и образования с ними в современном языке либо вовсе утрачены, либо являются устарелыми (ср. *преходить*, *прелагать* (стихи), *пременять* и др. под., имеющие помету «устар.» в современных словарях). В диалектах такие образования употребляются активно в обиходно-разговорной речи и также используются в языке фольклора.

Именно прилагательные с *пре-* в говорах обнаруживают в структурно-словообразовательном отношении много общих черт с литературным языком. В кругу этих слов довольно распространенными являются образования с *пре-* от слов, обозначающих высшую степень качества типа *большущий*, *здоровенный* и др., весьма продуктивного класса слов, употребляющихся и в литературном языке (особенно в его просторечии) и широко бытующих в русских народных говорах. Ср., например, *превеличáющий* ‘величайший, очень большой’: Пошел по горох, натеребил превеличающее беремя гороху (сказка, Симб. Самар.,); *пресиленный* 1) ‘очень сильный’: На улке жар пресиленный (Бараб. Новосиб.); 2) ‘слишком многочисленный’: Пресиленный комар: много-много, сильно-сильно (Бараб. Новосиб.); *прехорошенный* ‘очень хороший’ (Гдов. Пск.); *преогроменный* ‘огромный’: А у раю колос был на ржи преогроменный (Смол.); *пребольшенный* ‘очень большой’: Там на горы пребольшенный ледник (Пск.). Подобные прилагательные в говорах, как и в литературном языке, часто употребля-

[9] О других глаголах такого типа см.: Жученко Н. К. Глаголы с приставками *пре-* и *пере-*. . ., с. 160.

ются с усилительным значением в сочетаниях с теми же прилагательными без приставки. Например: Такой там дед хорошенный-прехорошенный (Гдов. Пск.); Сейчас грибов нету, а в сентябре они большенные-пребольшенные (Пск.). Ср. наречное выражение: Их множина-премножина, дак куда их (очень много, Махнев. Свердл.).

Широко бытуют в диалектах аналогичные прилагательные и наречия и от иного типа образующих слов. Ср.: *прегроматный* 'громадный': Прегроматные чаны нарубили капусты (Пск.); *премогутный* 'очень сильный': И вышел мужичище на крыльцо, такой премогутный (Арх.); *прематерущий* 'очень большой': Дом прематерущий (Устюж. Волог.); *преогромно* 'очень много': Много белила, преогромно много (Гдов. Пск.). Такие образования характерны для состава имен прилагательных в диалектах. Однако в нем можно обнаружить прилагательные с *пре-*, образованные от слов, обозначающих неполноту качества и в силу этого как бы неспособных присоединять этот префикс. Ср.: *преплохенький* 'очень плохой' (Гдов. Пск.).

В состав диалектных прилагательных с *пре-* входят также слова с другим по сравнению с литературным языком значением. Например: *премудрый* 'хитрый', 'лукавый' (Моск., Пск.); *прекрасный* 'здоровый, крепкий': Выходит так: жена его прекрасная, а он износился (Венгеров. Новосиб.). Интересно отметить, что от этого прилагательного в пинежском говоре зафиксирована такая форма: Она уж ругаться была препрекрасная мастерица (очень умелая); Ср. также; *преисподний* 1) 'Лежащий внизу, под землею' (Смол.); 2) 'хитрый, ехидный': Баба преисподняя, лицемерка: с-под пят пройдет и выведет — под землей видит (Смол.); *преподобный* 1) 'весьма хороший, бесподобный' (Курск); 2) 'Подходящий, пригодный' (Ворон. Здесь же известно и наречие: Ну это, брат, никуда не преподобно); *прелестный* 'прельщающий' (Дон.); *пресловутый* 'имеющий толстые губы и одутловатое лицо' (Пск., Осташк. Твер.). Вместе с этим в говорах употребляются характерные только для них словосочетания, подобные следующим: *премудрые зубы* 'зубы мудрости': Передние зубы, коренные зубы дальше-то, премудрые зубы где-ле назаду (Пинеж. Арх.); *престарелый дом* 'дом для престарелых' (Чулым. Новосиб.).

Среди диалектных прилагательных с *пре-* встречаются слова, которые не употребляются в литературном языке. Например, *прематерый* 1) 'очень большой': Побежал русак, прематерый русак (Смол.); 2) важный, заносчивый': Я велика, больша — уси теперь большие, прематерые (Смол.); *пренепотребный* 'никуда не годный': Пренепотребная ты тварь (Смол.): *преёмчивый* 'предприимчивый' (Гдов. Пск.): *прельстливый* 'влюбчивый': Все сыновья такие прельстливые: кто понравится, на том и женятся (Клин. Моск.); *преломный* 'обрывистый': Горка бывает крутая, а бывает дюже преломная (Пск.); *препользительный* 'полезный': соль для коров препользительна (Пск.); *пребудущий* 'будущий': Пребудущий год телок (двух лет) буде третяка (Пск.; Терск.);

преглубый ‘глубокий’: Преглубый колодец. Преглубый овраг (Арх.).

Таким образом, имена прилагательные с *пре-* по своему составу в диалектах не имеют различий с литературным языком и являются словами, известными и литературному языку, но претерпевшими изменения в семантике и употребительности в говорах.

В заключение необходимо сделать несколько замечаний, касающихся имен существительных в народных говорах. Во-первых, они весьма немногочисленны, а во-вторых, испытывают сходные с другими типами слов с *пре-* в диалектах смысловые перестройки, которые идут прежде всего по линии формирования у отглагольных существительных с отвлеченной семантикой конкретных значений: *претерпение* ‘мука’ (Смол.); *предание* ‘предательский поступок’: И в пятнадцатом году было тоже предание (Остр. Пск.); *преклонение* ‘симпатия, любовь’: Ежели по совести замуж выйти, преклонение будет к мужу (Пск.); *преображенье* ‘человек с широким безобразным лицом’ (чаще о женщине) (Осташк. Твер.). Следует показать другие виды слов также с конкретными значениями: *преступка* ‘проступок’ (Астрах.), *преклад* ‘подкладка, подстилка под стог’ (Моск.); *пренеслух* ‘упрямый, непослушный человек’: Твой сын у тебя пренеслух: чему ты его не школишь? (Смол.).

При рассмотрении слов с приставкой *пре-* в диалектах исследователями указывается прежде всего на их малочисленность и недостаточную употребительность.[10] Действительно, они немногочисленны, но если принять во внимание периферийное положение подобных единиц в лексической системе литературного языка, архаизацию и словообразовательную ущербность, то можно объяснить и их недостаточную распространенность в говорах. Надо учитывать и трудность регистрации таких слов в говорах, однако можно надеяться, что развернувшаяся в небывалых масштабах в нашей стране лексикографическая обработка диалектных лексических данных принесет свои плоды и даст в руки исследователей еще много новых материалов, которые позволят нарисовать более точную картину их бытования в говорах.

Однако из приведенного здесь материала видно, что различные категории слов в говорах имеют однотипный состав — это слова, известные и литературному языку, но претерпевшие в говорах определенные структурно-семантические изменения, которые были прослежены в каждом конкретном случае. Выяснение причин этих изменений, а также их общей направленности немыслимо без сопоставительного анализа подобных образований как внутри диалектных систем, так и сравнительно с литературным языком. Но это задача дальнейшего изучения префиксальных книжных слов в русских народных говорах.

---

[10] По подсчетам Н. К. Жученко, в говорах употребляется лишь 40 глаголов с *пре-* при 849 диалектных глаголах с *пере-* (см.: Жученко Н. К. Глаголы с приставками *пре-* и *пере-*. . ., с. 152).

Е. И. ТЫНТУЕВА

Из истории слов *омшаник* и *голбец* в диалектном языке

(на материале бытовой лексики говора семейских старообрядцев Забайкалья)

Носители говора семейских старообрядцев — это потомки беглых раскольников-староверов. Семейские старообрядцы Забайкалья более 200 лет находятся в тесном контакте с носителями севернорусских говоров Сибири и носителями бурятского языка.

Исследование говоров семейских старообрядцев Забайкалья, находящихся столь длительное время в близком соседстве с севернорусскими старожильческими говорами, говорами аборигенов края — бурят, эвенков позволит нам решить некоторые вопросы о результатах разного типа языковых взаимодействий в конкретных общественно-исторических условиях и тем самым может помочь осветить отдельные вопросы развития территориальных диалектов в нашу эпоху.

Изучение семейского старообрядческого говора, сохранившего до наших дней многие архаические черты, сближающие его с русским языком XVI—XVIII вв., важно для истории севернорусских, южнорусских и сибирских диалектов. Результаты изучения говора семейских могут послужить материалом для исследования ряда вопросов, связанных с широкой теоретической проблемой «история языка и история народа».[1]

В предлагаемой статье анализируются слова *омшаник*, *голбец*, бытующие в говоре семейских Забайкалья и представляющие интерес для исторической лексикологии. Исследование ведется в плане выявления лексических связей говора семейских старообрядцев Забайкалья с другими русскими диалектами и русским литературным языком, включая древнерусский.

Материалом для статьи послужили личные наблюдения автора над лексикой говора семейских Заиграевского, Мухоршибирского, Хоринского, Бичурского, Улан-Удэнского сельского районов в 1961—1977 годах. Наряду с этим используются данные областных картотек: Картотеки «Словаря русских народных гово-

[1] Орлова В. Г. Основные задачи изучения современных процессов в говорах русского языка. — В кн.: Тез. докл. на X диалектол. совещ. М., М 1965, с. 14.

ров» Словарного сектора института русского языка АН СССР (КСРНГ), Картотеки «Словаря брянских говоров» ЛГПИ им. А. И. Герцена (КСБГ), Картотеки «Псковского областного словаря» ЛГУ им. А. А. Жданова (КПОС), материалы картотеки древнерусского словаря, находящиеся в Институте русского языка АН СССР (КДРС) и других печатных и рукописных источников.

Омшаник, а. м. Утепленное законопаченное помещение, служащее для зимовки мелкого скота, овец. Примеры: Назьмом з глинои амазали лантись амшаник штоп тепле було (Хасурта); А ране свякруха дяржала у амшанити баран; а таперь тялягнёньчка, бурунчика становим (Куйтун).

В исследуемом говоре слово *омшаник* (*омшенник*, *омшаник*, *амшеник*) встречается повсеместно в указанном значении. Лексема *омшаник* со значением 'хозяйственная постройка, предназначенная для хранения вина, пива' встречается в рязанских памятниках письменности XVII в. В московских, воронежских памятниках слово *омшаник* отмечено в значении 'хозяйственная постройка, чаще для хранения питейных запасов'. В нашем значении слово *омшаник* засвидетельствовано в Копийной книге Иверского монастыря 1658—1668 гг.: а на дворе строения у ворот изба с сенми против сеней клеть да две клети сеных людцких да на скотцком дворе две избы да две клети да амшеник да два сарая рубленные скотцкие (Кн. Коп. Иверск. № 218, к. 115), и в «Актах, относящихся до юридического быта древней России»: . . . да подле анбарца амшаник с навесом, а у него замок личинной, а покрыт омшаник и с навесом по скалам драницами (АЮБ, III). Более ранними памятниками, чем указанные нами, слово амшаник не зафиксировано. В словарях древнерусского языка А. Дювернуа, П. Берынды, Л. Зизания, Г. Е. Кочина, И. И. Срезневского слово омшаник отсутствует. Не отмечено оно и в «Словаре церковнославянского языка», составленного А. Х. Востоковым, в «Общем церковнославяно-российском словаре» П. Соколова, в «Дополнении к церковному словарю, сочиненному Моск. Арх. соборе протоиереем. . . Петром Алексеевым» в 1776 г., в «Словаре Академии Российской» 1789 г., в «Словаре Академии Российской» 1822 г., в «Российском целлариусе» Франциска Гелтергофа, в «Филологических разысканиях» Я. К. Грота. Стало быть, в лексической системе древнерусского языка слово омшаник в значении 'утепленное проконопаченное помещение, служащее для зимовки мелкого скота, овец' было малоупотребительным словом.

Слово *омшаник* (*омшеник*) приводится почти всеми словарями XIX в. со значением 'утепленная хозяйственная постройка'. У В. И. Даля читаем: *омшаник* «промшенная, конопаченная отдельная избенка, редко с печью, но вообще зимняя кладовая для овощей, а летом для молочных скопок; пчёл убирают на зиму в омшаник; тёплая закута для мелкого скота; иногда это ящик, погреб или мшенная напогребница, или подклеть».

В «Опыте». . .: «**Омшаник** а, с, м. 1. Чулан, или подвал проконопаченный мохом, мшеник. Костр., Кинеш., Новгор., Тихв.,

Костр.; 2. Деревянный сруб в яме, погреб, в котором хранятся зимою пчелы. Кур., Рыл., Судж.; 3. Небольшая изба с печью, а иногда и без печи, для хранения на зиму овощей, а летом молока, масла и пр. строится отдельной от жилой избы. Новгор., Тихв., Псков., Опоч.; 4. Род наружного погреба. Смол., Бел. (Опыт 1852, 1859). Далее с пометой «яросл.» в «Опыте» же отмечено: *Омшаник* 'мшоный хлев для мелкого рогатого скота' (Яросл., Опыт. 1852, 1859).

Слово *омшаник* хорошо известно и современным говорам.

Находим его в южнорусских говорах — в тульских: *Амшаник* 'теплое помещение для скота во дворе, для пчел в саду' (I, 578, с. Кадники Богораз., Тул. Воскресенский, 1928); в смоленских: *Амшаник* 'теплый хлев для скота' (Андр., Смол. 1935—1846, I, 33, М. А. Кустарева, с. 174); в калужских: *Омшаник* 'хлев для овец, ср. овчарник' (II, 19, М, Мещов. Косог. Калужск., 1916); в среднерусских — в кашинских: *Омшаник*, чаще *овшаник*, *а*, *м* вм. 'мшаник-промшенный для тепла небольшой (с потолком) дворик, в котором по зимам держат мелкий скот' (I, 89, Кашин., Твер., Смирнов, 1897); во владимирских: *Омшаник* 'хлев' (II, 616, г. Маленки Влад. И. М. Тетерин, 1912, Арх. АН ф. 197, 2, № 20, л. 83); в московских: 'проконопаченное помещение, отдельное от избы; используется для мелкого скота' (I, 78, д. Ванилово Бронницк., Моск., Каринский, 1936); в севернорусских — в костромских: *Омшаник*. Один амшаник с овцам, а в другом поросята. Два двора да омшаник навозу (I, 223, Тунген, Костром. Н. Виноградов, 1904, с. 58); К двору приравнивается зимница — это небольшая изба с печью, иначе омшаник (с. Семеновское Повышинской волости), в котором по зимам кормят скотину. Во дворе бывает также и зимняя баня (другая — летняя на берегу реки), (I, 879, Макар., Костром., Смирнов, 1915); в уральских говорах: *Омшаник* 'глинобитный хлев' (Урал, Миртов, 1930).

В значении 'зимнее помещение для пчел' слово омшаник зарегистрировано в псковских говорах: *Омшаник* 'погреб, в котором зимою хранятся пчелы, отдельная изба с печкою и без для хранения зимою овощей' (II, 52, ПСК, Копаневич, 1902—1904); в курских говорах: *Омшаник* 'деревянный сруб в яме; погреб, в котором хранятся зимою пчелы' (II, 116, Обоян. Курск., Машкин, 1859, 1861).

Несколько в ином значении встречаем слово омшаник в ростовских и донских говорах: *Омшаник* 'большой погреб под домом' (II, 42, Романовский р-н Ростовской обл.); *Амшаник* 'погреб над домом' (II, 586, Дон., Кочетов гов., Калмыков, 1897, 1964).

А в рязанских говорах В. Г. Руделев нашел слово *омшаник* в значении 'часть русской печи', (I, 189, Междуречье Оки и Прони Ряз. Руделев, 1955—1957). Данные Архива АН утверждают: В Тульской губернии *омшаник* 'подпол' (II, 783, Брон. у. Моск. г. 1897, Арх. АН, ф. 197, оп. 2, № 118 и л. 106).

Данные словарей XIX в. убеждают нас в том, что слово *омшаник* претерпевает изменение значения, это — проявление лек-

сико-семантических изменений в русском языке. В говоре семейских старообрядцев Забайкалья сохранилось значение, известное древнерусскому языку: «омшаник — утепленное законопаченное помещение, служащее для зимовки мелкого скота, для пчел».

Сопоставительный анализ семантики слова *омшаник* по русским народным говорам подтверждает принадлежность данного слова в основном южнорусским говорам. Эту же мысль утверждает Н. К. Соколова в работе «История Воронежской диалектной лексики (по материалам воронежских грамот XVII в.): «По указаниям словарей и диалектных материалов южнорусским является и слово омшаник, употребляющееся в современных воронежских говорах для наименования помещения для пчёл. В воронежских грамотах XVII в. это слово имело более широкое значение. . .».[2]

О наличии слова *омшаник* (*омшеник*) в ветковских говорах сообщает А. Ф. Манаенкова: «Омшеником называют не только зимнюю кладовую, утеплённую мохом и кострой, но и помещение для мелкого скота», — далее автор отмечает: «Обращает внимание совпадение звучания этого слова в ряде южнорусских говоров со звучанием его в белорусском и польском языках» (ср. белор. *амшэнник* (БРС), укр. *омшаник* (УРС), польск. *otszennik* (Карлович, III, 433))».[3]

Эти данные дают возможность проследить ареал слова *омшаник* в русских народных говорах, установить взаимосвязь семантики данного слова изучаемых нами говоров со словом *омшаник* ветковских старообрядческих говоров Белоруссии. Кроме того, мы убеждаемся и в том, что слово *омшаник* в говоре семейских старообрядцев жило еще до переселения их в Сибирь. На новое местожительство они принесли его с собой и сохранили звуковую оболочку слова: омшеник.

Современными словарями русского литературного языка слово *омшаник* отмечается как литературное со значением ‘утепленное помещение для зимовки пчел’ (Ожегов, МАС, т. 2, с. 846); ‘законопаченная мохом зимняя кладовая, используемая для хранения овощей, для зимовки пчел’ (БАС, т. 8, с. 861).

Можно полагать, что в литературный язык это слово вошло из говоров, где оно употребляется с более широким значением.

Голбец, а, м. 1. Дощатый настил под потолком между печью и противоположной ей стеной. Ширина 1—$^1/_2$ м. и длиною равной длине печи. Предназначается для помещения предметов, требующих хранения в теплом, сухом месте (например, лука, чеснока). Голбиц над дверью чашши бываить кала печьти рядом с палатями (Новая Брянь). На голбци и лук сушым, арехи, а зжямой вяриги иля шубняки мокры (Хасурта). 2. Надгробный памятник, сделанный в виде сруба с двухскатной крышкой, на вершине которой утверждался небольшой крест. Гля голбца толстай бис

---

[2] Славянский сборник, II. Воронеж, 1958, с. 176—182.

[3] Манаенкова А. Ф. Лексика русских говоров Белоруссии. Минск, 1973, с. 102.

сучьяф сутунок бярём (Бичура). У нас ешть и дамавина и голбиц ушё зарани сгатовляна (Новая Брянь). 3. Подполье, яма под домом. Летам батвинью у голбци дёржым. (Первомаевка). Када сщяс строим голбиц сразу урубаим (Унэгэтэй).

В первом и во втором значениях слово *голбец* известно говорам семейских во всех изучаемых нами населенных пунктах. Причем во втором значении данное слово употребляют носители говора старшего поколения. В третьем значении слово *голбец* встретилось в говоре семейских в двух населенных пунктах: в Унэгэтэе и Первомаевке Заиграевского района Бурятской АССР.

По мнению этимологов, лексема *голбец* заимствована из германского языка. А. Г. Преображенский сообщает следующее: «*Голбец*, обл. сев.-вост., сиб., 'чуланчик'; отгородки при печи, иногда с лазом в подполье; кое-где, например в севск., говорят: голубец, по нар. этимологии. — Заимств. из германского: др.-сев. *golb* 'пол, отделение'; швед. *golb* т. ж.; дат. *golv*» (ЭС, I, 138).

В памятниках письменности слово *голбец* фиксируется с XIV в. Ср. варианты *голубец*, *голупец* в значениях 'цистерна', 'гробница' в описании Константинополя начала XIV в.[4] Голбци-загородки (отгородки) в церковном здании: «И егда начаша в левом крыле церковном починивати, понеже были преже голбци в крылах, и начаша голбци разрушати, якобы церкве пространство имети» (Софийск., пл. с. 282, 1524). Слово *голбци* в указанном значении в древнерусских словарях документируется лишь в примере из Духовной Новгородца Остафья 1396 г. и Новгородских записях из Соф. вр. (Срезн., I, 54, Коч. 65).

В картотеке ДРС содержатся те же данные, что и в «Материалах» И. И. Срезневского, словаре Г. Е. Кочина: «Лавки кругом тесовые с причалинами и опечек зделал, и над лавочники тесовые наложил, и полати и голбец, и у голбца двери, и от голбца к избной стене против печи чюлан в столбцы тесом забрал» (Там. кг. III, 1678); «И после обеда протопоп Федот пил праздничную чашу, в тое пору Иван Злобин пришел с надворья в избу и стал у голбца в шапке». (Сл. и Д., т. I, 1629). В «Актах Холмогорской и Устюжской епархий» анализируемое слово встречается со значением 'отгородка в избах при печах, в которой находится сход в кладовую под полом, называемую подполье'. «И он, Семен, по их наученью, бивши меня, и вложился в голбец и вынесл из голбца коробью. . .»; «и сведала она Орина у меня в голбце в коробейке восмь рублев денег и те денги петчи в голбец из коробки выхватили. . .» (А. Хол и Устр. 3). В словарике Устюжских слов 1757 г. отмечено слово *голбец* со значением 'амбар под избою, казенка'. В «Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенному»: «Голбец, бца, с. и м. малорос. отгородка, делаемая в избах при печах, в которой находится сход в кладовую, под полом находящуюся,

[4] Сперанский М. Н. Из старинной Новгородской литературы XIV в. М., 1934, с. 133, 136.

просто называемую подполье» (с. 1160). В этом же значении слово *голбец* дано в Словаре Академии Российской, ч. I, 1789 г. (т. II, с. 176). В «Словаре церковно-славянском и русском» 1847 и 1867 г. словом *голбец* называется отгородка в избах при печах, в которой находится сход в подполье; в первом считается это слово областным, во втором — малороссийским.

Словарями XIX в. слово *голбец* засвидетельствовано как областное. Так, у Даля: «Голбец, голбчик, гобец м. сев.-вост. сиб. род примоста, загородки, чулана или казенки в крестьянской избе, между печью и полатями; припечье, со ступеньками для всхода на печь и на полати, с дверцами, полочками внутри и с лазом в подполье; чулан называется верхним, а подполье нижним голбцем. Ино голбец бывает не у входа и полатей, а за перегородкой, стряпной, за печью (Ярос)» (см. также в «Опыте», у Подвысоцкого, Бурнашева, Васнецова). В значении 'дощатый настил под потолком', слово *голбец* известно современным севернорусским говорам: архангельским, томским, костромским: *Голбец*, *голубец* (Казан. Костр., Твер.) или *голбец* (Арханг., Костр., Твер.), 'вроде полатей, под которыми делается ход в подполье' (Арханг., Костр., Тверск., Топик. Ф. И. Буслаев, 1852, с. 47, И. А. Попов, 1962); вятским говорам: *Голбец*, *голубец* 'место в крестьянской избе между печью и полатями, которое прикрывает ход в подполье' (I, 527, Вят., Вят. губ. вед. 1847, 1963); тобольским говорам: *Галубец* 'подполье в избе и вход в него, который устраивается иногда в виде помоста в высоту скамьи с люком вверху, а иногда — в виде открытого отверстия за печкой' (I, 435, Тобол. Маляревский, 1917, 1963); костромским говорам: *Голубец* и *голбец* 'деревянная приделка к печи в роде полатей; под голубцем делается ход, туда ставят квас, кисель' (II, 108, Кинеш., Костром., Леонов, 1846, 1961); красноярским: *Голубец* 'огородка вокруг русской печи' (Красн., Хак., г. Черногорен. № 25—31 / II, 816, 1961); говорам бассейна ср. течения р. Оби; говорам на территории Хакассии.

На бытование этого слова в современных кашинских, вологодских и молотиловских говорах указывал В. И. Лыткин в работе «Из истории некоторых русских слов, заимствованных финно-угорскими языками».[5]

В значении 'надгробный памятник' слово *голбец* встречается на территории орловско-брянской: голубец — намогильный памятник больших размеров, иногда в виде часовни, с иконою внутри и теплющеюся там лампадою (I, 150, Брян., Орл., Тиханов, 1904). В донских говорах: *Голубец* 'надгробный памятник, который строили прежде донские казаки над могилами всех родных, из камней, а чаще из дерева, со стенами и крышею, на вершине которой утверждался небольшой крест. Внутри голубца ставили в переднем углу икону, а около стен скамьи' (II, 802, Войско Донское, 1897);

[5] Уч. зап. Ряз. пед. ин-та, 1955, № 10, с. 115—134.

Голубец ‘памятник надгробный в виде домика’ (I, 43, Дон. Соловьев, 1901, 1959); *Голбец* ‘голубцами называются могильные памятники’ (Сук. 53 д.). У Донских старообрядцев: ‘крест с крышей на два ската’ (Богач. 455, Кр. 18): Видел там (в с. Черн) двухэтажный голубец (Дон. 1887, 5, 15, АС); *Голубец* ‘памятник надгробный в виде домика’ (I, 43, Дон. Соловьев, 1901, 1959). В саратовских говорах: *Голубец* ‘надгробный деревянный памятник, сделанный в сруб, в углы, с откосною крышею. Голубцы ставят только на могилах людей богатых’ (II, 873, Сарат. Леопольдов, 1848); во владимирских говорах: *Голубец, бца*, с. м. 1) ‘деревянная крыша над могилою’ (Владим. Новгор.); 2) ‘крест на могиле’ (Владим. Переясл. I, 51, Доп., оп. 1858, 1950); *Голубец* ‘крест на могиле’ (II, 91, Влад. Бодров, 1856, 1961); в воронежских говорах: *Голубец* ‘крест над могилою’ (II, 98, Ворон. Михайлов, 1961).

В картотеке словаря русских народных говоров имеется единственный пример на слово *голубец* — в севернорусских новгородских говорах в значении: ‘будка, срубленная из бревен и покрытая тесом, которая ставится над могилой’ (I, 136, Новг., Эрдманн, 1857).

В значении ‘подполье, яма под домом’ слово *голбец* зафиксировано в пермских говорах: *Голбец* или *голубец* ‘подполье’ (I, 639, Осин., Перм., Богоявленский, 1896, 1963); *Голбес, голбец, голубец* ‘яма под домом (подполье)’ (I, 637, Верхот. Перм., Богоявленский, 1899, 1963); в красноярских говорах в этом же значении: Опусти квас в голубец. (I, 106, Краснояр. Анучин, 1904).

Обилие примеров из памятников письменности и записей живых народных говоров свидетельствует о широком распространении слова *голбец* во всех его значениях. Однако каждому отдельному говору известно лишь одно из указанных выше значений. Говоры семейских старообрядцев сохраняют в своем лексическом составе все три значения. Первое значение роднит их с севернорусскими говорами (арх., вологод., киров., яросл., костром., калинин., тобол., томск., краснояр.); второе значение — с говорами донских старообрядцев и донского казачества, с говорами орловско-брянской и владимиро-поволжской (саратов., владим., переяслв.) групп; третье значение — с пермскими говорами.

В литературном русском языке слово *голбец* сохранилось в областном употреблении ‘отгородка или чулан в крестьянской избе возле русской печи со спуском в подполье, а также самое подполье’ (БАС, МАС).

Рассмотрение слов *омшаник, голбец* в кругу диалектных явлений дает основание утверждать, что слово *омшаник* южнорусское по происхождению, сохранившееся от досибирского периода жизни старообрядцев; слово *голбец* распространено как в севернорусских, так и в южнорусских говорах, известно оно было древнерусскому языку, в разряд областных перешло к XVIII в.

АХУ II — Акты Холмогорской и Устюжской епархий кн. 3. (РИБ, т. 25), 1621—1680 г. 1692 г.

АЮБ, I/II/III — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археографической комиссии, под ред. Калачова, т. I—III, СПб., 1857—1884, XIII—XVII вв.

Берында — Берында Памва Лексикон славянороссийский, XVI—XVII вв. (Сахаров, Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849).

Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1841—1844, т. 1—2.

Востоков — Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского языка. СПб., 1858, т. I; 1961, т. II.

Васнецов — Васнецов Н. М. Материалы для объяснения областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Гелтергоф Ф. — Российский целлариус, или этимологический российский лексикон. М., 1771 (Российский целлариус, 1771).

Даль В. И. — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. М., 1956, т. I—IV.

Дополнение к церковному словарю, сочиненное в 1776 г. — Дополнение к церковному словарю, сочиненное Моск. Арх. собора протоиереем Петром Алексеевым. Моск. унив., 1776 г.

Дювернуа — Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1894.

Зизаний — Зизаний Лаврентий. Литовско-русский словарь, составл. в 1566 г.

Кн. Коп., Иверск., № 218, к. 115 — Копийная книга Иверского монастыря 1658—1668 гг. Рукопись ЛОИИ, № 218, к. 115.

Кочин — Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937 г.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб. Акад. наук, 1852.

Подвысоцкий А. — Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

Прих. расх. Кн. Соф. д. Грек, № 36, л. 60 об., 1593—1600. — Книга Софийского дома 1593—1600 гг. Рукопись ЛОИИ Опис. Б. Д. Грекова № 36, к. 2, № 38.

Словарь Акад. Рос., 1789 — Словарь Академии Российской, СПб., 1789, ч. I.

Словарь Акад. Рос. 1822 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. IV. СПб., 1822.

Словарь церковнославянского и русского языка, 1847 г.	— Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук. СПб., 1847, т. 1—4.
Словарь церковнославянского и русского языка, 1867 г.	— Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1867, т. 1—4.
Соколов	— Соколов П. С. Общий церковнославяно-русский словарь или собрание речений. СПб., 1834, ч. 1—2.
Срезневский	— Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893, т. I.
Филологические разыскания Я. К. Грота	— Филологические разыскания. Материалы для словаря грамматики и истории языка, изд. 3-е, СПб., 1885.
Эрдманн	— Эрдманн Ф. И. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии». — Учен. зап. Казанск. унив-та, 1857, кн. 2.

Л. И. БЕЛОВА

Стилистическое освоение лексики диалектного происхождения современным русским литературным языком

Изучение путей и форм взаимодействия между народными говорами и литературным языком еще только началось, поэтому выявление особенностей проникновения диалектных слов в лексическую и стилистическую системы литературного языка, протекание этого процесса в дореволюционный и советский периоды представляют большой интерес.

За последние 100—150 лет в русский литературный язык влилось, а затем и укоренилось в нем значительное количество самых разнообразных областных слов: называющих новые для литературного языка реалии (*балок*, *бита*, *верховик*, *шишкарь*) и дающих номинацию известным предметам, явлениям и т. п. (*молодожен*, *привередливый*, *шуршать*), присущих как общей, так и профессиональной лексике (*клюшка*, *крупорушка*, *бита*), стилистически нейтральных и эмоционально окрашенных (*бутуз*, *несуразный*, *заправский* и *взбутетенить*, *ерепениться*, *жмот*, *кочевряжиться*, *мухлевать*, *мымра*, *охальник* и т. д.).

Русские народные говоры и русский литературный язык находятся по отношению друг к другу в динамическом равновесии, которое непрерывно нарушается процессом сближения говоров с литературным языком. Как показало исследование,[1] основными проводниками слов диалектного происхождения в литературное употребление являются разговорная речь и просторечие, а также профессиональная речь и язык художественной литературы.

Разумеется, в советскую эпоху, когда коренным образом изменился состав носителей русского языка как в социальном, так и в культурном отношении, когда территориальные диалекты из-за влияния литературного языка находятся почти на грани исчезновения, говорить о значительном пополнении общеупотребительной лексики диалектными словами не приходится. Тем не менее этот процесс — обогащение литературного языка диалектными по происхождению словами — продолжается.[2] Современные ис-

[1] Белова Л. И. Обогащение русского литературного языка словами диалектного происхождения (со второй половины XIX в.). АКД. Л., 1980.

[2] Признавая народно-диалектную речь одним из источников обогащения литературного языка, некоторые авторы (А. И. Ефимов, Л. П. Крысин и др.)

следователи отмечают проникновение бывших диалектизмов в различные терминологические системы (работы Ф. П. Филина, Н. А. Мещерского, Л. И. Балахоновой, В. А. Филатова) и в общеупотребительную лексику (об этом пишут О. Д. Кузнецова, Л. П. Крысин, Ф. Л. Скитова, Е. Н. Этерлей и др.), а также широкое использование их в языке художественной литературы (свои статьи посвящают этому И. А. Оссовецкий, В. А. Филатов, В. Н. Прохорова, Н. А. Мещерский и мн. др.).

Именно в советское время в литературный язык входят такие слова (ранее принадлежавшие уральским и сибирским говорам), как *чащоба*, *изюбр*, *глухомань*,[3] *балок*, *верховик*, *шишкарь* и др., неизвестные литературному языку предшествующего столетия. Наряду с этим «литературное гражданство» приобретают не только новые понятия, выраженные диалектным словом, но и новые номинации для уже имевшихся в литературном языке реалий (*вальяжный*, *задрипанный*, *клюшка* и т. д.), а также новые номинативно-экспрессивные синонимы (*мухлевать*, *муторный* и др.). Однако наиболее характерными явлениями в лексике советского периода было, во-первых, стилистическое перераспределение слов диалектного происхождения и, во-вторых, усвоение областной сельскохозяйственной лексики.[4]

В связи с колебаниями норм литературного языка часть генетически диалектных слов в составе общенародной лексики переместилась из стилистически окрашенных пластов в нейтральные: некоторые собственно номинативные слова, ранее присущие только специальной речи (*бита*, *клюшка*, *коновязь*, *крупорушка*, *кусачки*, *лайка* и др.), в советское время вовлекаются в широкое употребление и фиксируются в толковых словарях без помет. Полная ассимиляция этих слов подтверждается их распространением в различных функциональных стилях современного литературного языка: так, слово *балок* (впервые внесено в Словарь новых слов и значений) отмечается в обиходно-разговорном и публицистическом стилях и в языке художественной прозы; слово *крупорушка* освоено обиходно-разговорным, специальным и художественным стилями; слова *лайка* и *клюшка* зафиксированы почти во всех стилях современного литературного языка.

ошибочно считают, что усвоение областных слов было присуще только литературному языку XIX—нач. XX в. и не свойственно современному литературному языку.

[3] Скитова Ф. Л. Обогащение словарного запаса литературного языка XIX—XX вв. областными словами. Чащоба. — Учен. зап. Пермского ун-та. (Вопросы русского и славянского языкознания). 1965, т. 137, вып. 1, с. 55—66; Маргулян Л. А. Обогащение словарного состава русского литературного языка XIX—XX вв. областными словами. Изюбр. — Учен. зап. Пермского ун-та. Языкознание. 1966, с. 87—91; Сысолятина Н. А. Глухомань. — Русская речь, 1977, № 4, с. 101—105.

[4] Филатов В. А. Процессы ассимиляции диалектной лексики в современном русском литературном языке. АКД. М., 1978. Подробнее о словах *доярка*, *вергыга*, *кошара*, *падь*, *распадок* и др. см. статьи этого автора (Русская речь, 1978, № 3—5; 1979, № 1—2; 1980, 1, 5; 1981, № 1).

Для большинства номинативно-экспрессивной лексики характерна неполнота стилистического освоения: слова *варганить*, *ерепениться*, *живоглот*, *жмот*, *заграбастать*, *кочевряжиться*, *лоботряс*, *лупцевать*, *мухлевать*, *сквалыга*, *шалопут* и др., обладая яркой выразительностью и эмоционально-оценочными свойствами, влились в т. н. «литературное просторечие» и по-прежнему сохраняют эту стилистическую тональность. Толковые словари современного литературного языка сопровождают их пометами «просторечное», «грубопросторечное», «вульгарное», «просторечное, пренебрежительное», «просторечное, неодобрительное». Данная лексика используется в языке художественной прозы преимущественно при передаче просторечной разновидности устной литературной речи.

Некоторые слова диалектного происхождения переместились из «просторечной» лексики в «разговорную» (*артачиться*, *бубнить*, *выклянчить*, *дотошный*, *кумекать*, *лодырничать*, *заковыристый*, *заправский*, *обалдеть*, *смекалка*). Лексика этой группы употребляется в обиходно-разговорном и публицистическом стилях литературной речи, а также в художественных произведениях.

Полностью нейтрализовались, утратив прежнюю прикрепленность к обиходно-разговорному стилю, генетически диалектные *лопоухий*, *молодожен*, *несуразный*, *привередливый*.

В ряде случаев стилистическое освоение слов диалектного происхождения сопровождалось разнобоем их нормативных оценок в словарях литературного языка; например, *клянчить* в ТСУ приводилось с пометами «разговорное», «фамильярное», в БАС и МАС — «просторечное», в СО — «разговорное»; слово *истошный* имело в ТСУ и БАС помету «разговорное», в МАС — «просторечное», а в СО — «разговорное». С различными нормативными указаниями приводятся в современных толковых словарях *забубенный*, *замухрышка*, *закорки*, *кучерявый*, *малюсенький* и др.

Сложности стилистической квалификации слов (и соответственно — разнобой стилистических оценок) возникают в силу субъективных причин (вследствие недостаточности материала для характеристики слова), а также в результате дальнейшего семантико-стилистического развития генетики диалектных слов: расширения сфер употребления, утраты сильной стилистической окраски, проникновения в различные функциональные стили современного литературного языка и т. п. изменений.

Стилистическим изменениям подвергаются не только сами собственно номинативные и экспрессивно-номинативные слова диалектного происхождения, но и их вторичные и переносные значения. Так, слово *лопоухий* в прямом значении ‘имеющий большие оттопыренные уши’ (*лопоухий щенок*) в современном литературном языке прошло путь от стилистически обособленного до лишенного какой-либо стилистической окрашенности слова (в ТСУ слово сопровождалось пометой «просторечное», в БАС и и МАС признавалось «разговорным», СО фиксирует его уже без помет); переносное значение слова *лопоухий* ‘недалекий по уму’;

'глупый и доверчивый' в ТСУ и МАС имело пометы «просторечное», в СО — «разговорное». Слово *охвостье* 'остатки от первичной обработки зерна веянием'; 'низший сорт шерсти' закрепилось среди специальных наименований, в словарях литературного языка оно приводится с пометами «сельскохозяйственное» (ТСУ, МАС), «специальное» (СО). Но это же слово в переносном значении 'чьи-либо последователи, приспешники' квалифицируется как «разговорное» (ТСУ, БАС), а в СО отмечена эмоциональная окрашенность слова: оно имеет помету «презрительное». Эмоциональная оценка появилась у некоторых генетически диалектных слов (*заграбастать*, *задрипанный*, *малявка*), вероятно, вследствие их длительного употребления в стилистически и эмоционально окрашенных контекстах.

Для большей же части номинативно-экспрессивной лексики характерен иной процесс — утрата эмоциональной окрашенности. Так, слово *мразь* «просторечное», «бранное» (ТСУ) сопровождается в современных словарях пометами «просторечное» (БАС, МАС) и «разговорное», «презрительное» (СО); слово *привередливый* в ТСУ и во 2 издании СО имело помету «разговорное», «неодобрительное», в БАС и МАС — «разговорное», в СО (12 издание) — без помет; утратили сильную эмоциональную окраску слова *вольготный*, *клянчить*, *ловкач*, *лодырничать*.

В заключение скажем о продолжительности стилистического освоения диалектных слов литературным языком.

Сроки стилистической ассимиляции слов диалектного происхождения различны. Быстрее всего осваивается лексика, называющая новые для литературного языка реалии (*лайка*, *коновязь*, *клюшка*), несколько дольше — собственно номинативные слова, имевшие в литературном языке неоднословные эквиваленты и обладавшие дополнительным семантическим оттенком или бóльшей выразительностью (*бутуз*, *шустрый*, *несуразный*, *шуршать*). Самые длительные сроки стилистического освоения литературным языком характерны для слов экспрессивно-номинативных, причем от первого употребления слова до признания его общеизвестным просторечным эквивалентом проходит 3—4 десятилетия, а дальнейшая стилистическая нейтрализация может длиться еще дольше.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Содержание

Стр.

О. Д. Кузнецова. Слово в современных говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений) 3

В. В. Колесов. Литературные слова в диалектной речи (З. *Болезнь*) . . 12

И. А. Попов. Наречия и наречные сочетания со значением временнóй координации в пределах ближайших суток 29

О. Г. Порохова. О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах (ч. V. Некоторые особенности значений в диалектах) 50

И. С. Козырев. Развитие и соотношение областной и литературной лексики со значениями ‘мастер по ковке металла’, ‘помещение, в котором обрабатывается металл ковкой’ в русском и белорусском языках 60

Ф. П. Сороколетов. Слова со значением ‘стоянка’, ‘стан’ в русском языке 68

И. Г. Добродомов. О тунгусских словах в русском языке и его говорах 83

Н. Г. Арзуманова. Семантическая структура глаголов со значением ‘бить, ударять’ в северновеликорусских говорах 91

Е. П. Луппова. Притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность третьему лицу в говорах русского языка (ч. 2) 102

Г. Я. Симина. Семантические диалектизмы и условия их образования (по материалам пинежского говора) 110

Н. И. Андреева-Васина. Из наблюдений над приставочным словообразованием глаголов в северных сказках 119

Н. В. Попова. Особенности отрицания *не-* в составе некоторых диалектных слов 136

Г. И. Демидова. К истории форм родительного падежа единственного числа существительных на *-у* в брянских говорах 140

П. И. Павленко. К вопросу о взаимодействии лексики русского литературного языка и народных говоров (о приставочных образованиях книжнославянского происхождения) 150

Е. И. Тынтуева. Из истории слов *омшаник* и *голбец* в диалектном языке (на материале бытовой лексики говора семейских старообрядцев Забайкалья) 161

Л. И. Белова. Стилистическое освоение лексики диалектного происхождения современным русским литературным языком . . . 170

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА. 1979

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства
Л. М. Романова

Художник
М. И. Разулевич

Технический редактор
З. А. Соловьева

Корректоры
Г. Д. Адейкина и К. С. Фридлянд

ИБ № 20286

Сдано в набор 19.02. 82. Подписано к печати 18.11.82. М-41231. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 11. Усл. печ. л. 11. Усл. кр.-отт. 11.31. Уч.-изд. л. 12.21. Тираж 2400. Изд. № 8067. Тип. зак. 1182. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука»
Ленинградское отделение
199164, Ленинград
В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:

117192 **Москва**, В-192, Мичуринский пр., 12.
Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 **Ленинград**, П-345, Петрозаводская ул., 7.
Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»,
или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»:

480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13;
320005 **Днепропетровск**, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе**, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2;
252142 **Киев**, пр. Вернадского, 79;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев**, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата I;
660049 **Красноярск**, пр. Мира, 84;
443002 **Куйбышев**, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 **Ленинград**, Литейный пр., 57;
199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
199034 **Ленинград**, 9 линия, 16;
220012 **Минск**, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 8;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск**, Красный пр., 51;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142292 **Пущино** Московской обл., МР «В», 1;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, Коммунистическая ул., 49;
720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой).

1 р. 30 к.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ